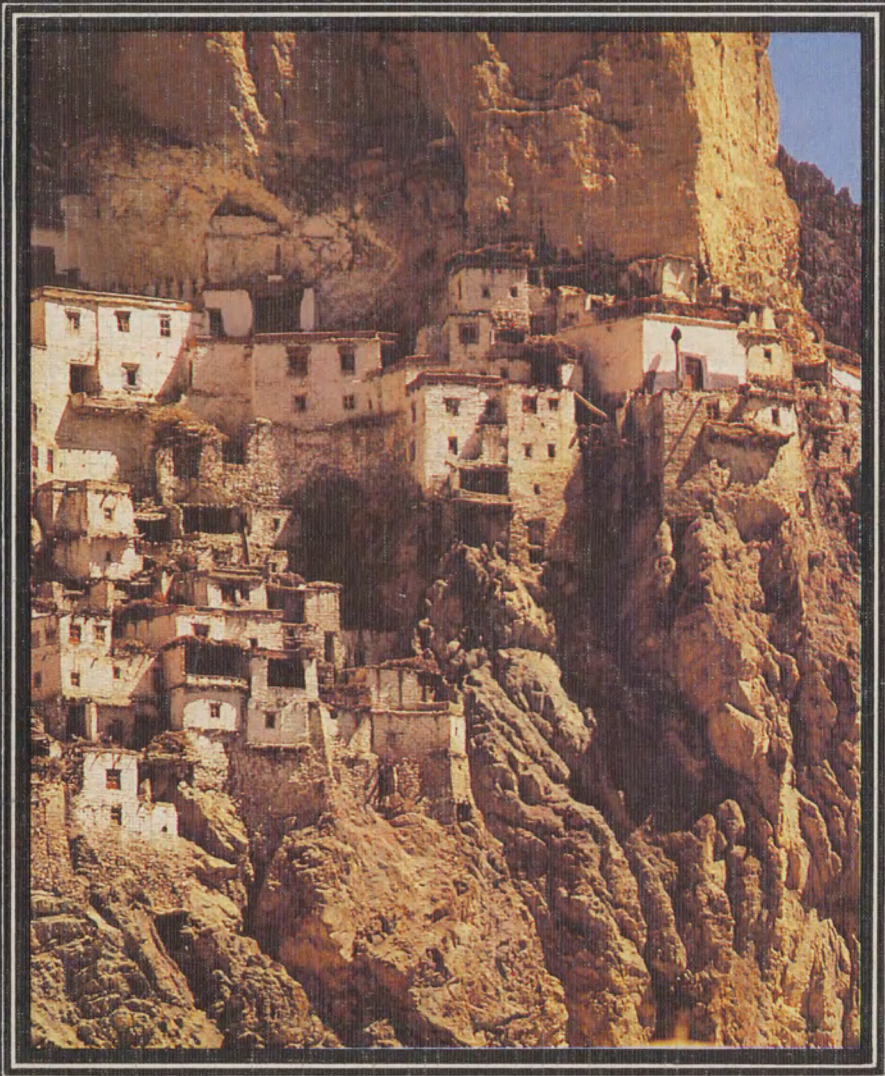

На почти отвесном склоне
над рекой Заскар
нависает над пропастью
селение Пхуктал-Гомпа

**МИШЕЛЬ
ПЕССЕЛЬ**

ЗАСКАР

Автор книги — Мишель Пессель, известный французский путешественник и писатель, посвятивший свою жизнь исследованию «белых пятен» на нашей планете, в частности Гималаев

Две его книги — «Затерянный мир Кинтана-Роо» и «Путешествия в Мустанг и Бутан» — были переведены издательством «Мысль» и получили высокую оценку читателей

**МИШЕЛЬ
ПЕССЕЛЬ**

ЗАСКАР

Забывтое княжество
на окраине Гималаев

**Москва
Мысль
1985**

ББК 26.89 (5 Ид)
П 28

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Michel Peissel

ZANSKAR

Royaume oublié
aux confins du Tibet

Paris 1979

Перевод с французского
А. М. Григорьева

Печатается с некоторыми сокращениями

Предисловие старшего научного сотрудника
отдела Индии и Южной Азии
Института востоковедения АН СССР
Т. Ф. Девяткиной

Иллюстрации автора
из французского оригинала книги

Художник С. С. Верховский

П $\frac{1905020000-132}{004(01)-85}$ 174-84

© Перевод на русский язык.
Предисловие. Оформление.
Издательство «Мысль», 1985

ПРЕДИСЛОВИЕ

Французский путешественник и писатель Мишель Пессель с большими трудностями прошел в 1976 г. по гималайским ущельям и перевалам до высокогорного района Индии — Заскара (или, по французской транскрипции, Занскар), расположенного в пределах штата Джамму и Кашмир, недалеко от границы с КНР. О своем путешествии, полном приключений, необычных ситуаций и интересных наблюдений, он рассказывает в предлагаемой читателю книге, изданной во Франции в 1979 г.

Гималаи давно привлекали внимание путешественников и ученых. Труднодоступные заоблачные пики этих высочайших в мире гор с их прекрасной, величественной природой, самобытная древняя культура и архаичные устои жизни населяющих Гималаи народностей в наш урбанизированный век вызывают особенно огромный интерес.

Известный русский художник Н. К. Рерих еще в середине 20-х годов совершил переход по Гималаям и Тибету. 500 художественных полотен, созданных Н. К. Рерихом во время этой экспедиции, явились живописной летописью стран и народов Центральной Азии. Многие другие путешественники и исследователи побывали в Гималаях, но далеко не всем удавалось добраться до заброшенного в высокогорье Заскара. Мишелю Песселю удалось это сделать и ярко описать свое пребывание в Заскаре. Он стал по существу первооткрывателем этого уголка нашей планеты. Автор книги увлеченно рассказывает о путешествии по безлюдным караванным путям, высоким неприступным перевалам и нехоженым тропам сурового и величественного края; о встречах с людьми, живущими в условиях почти натурального хозяйства. Используя многовековой опыт, народную мудрость прошлых поколений, они сумели не только выжить в, казалось бы, совершенно непригодных для человека суровых природных условиях, но и остаться жизнерадостными, выносливыми, довольными жизнью. Пессель пытался осмыслить процессы культурного и исторического развития Заскара, внимательно изучая памятники древности, буддийские монастыри, молельни, беседуя с монахами и крестьянами. Правда, автор не всегда объективен в своих выводах. Восторженно воспринимая быт и нравы людей, он несколько идеализирует средневековый образ жизни заскарцев, противопоставляя его негативным сторонам западной цивилизации.

Мишель Пессель называет Заскар княжеством, хотя княжества давно ликвидированы в Индии и район Заскара входит в

штат Джамму и Кашмир и управляется из столицы этого штата Сринагара.

В колониальный период вся Индия делилась на провинции Британской Индии и княжества. Эта административная система складывалась постепенно, в ходе завоевания Индии английскими колонизаторами. Княжества занимали в общей сложности около 45% всей территории страны. В них сохранялся авторитарный режим управления, что поддерживалось колониальными властями, стремившимися превратить раджей (князей) в свою главную опору в борьбе с освободительным движением индийского народа.

Среди княжеств были крупные, превышающие территории некоторых европейских государств, например Кашмир, Хайдарабад, Майсур. Были средние, а также мелкие и мельчайшие, которые трудно отличить от мелких поместий. В крупных княжествах функционировала даже своя денежная система, были свои таможенные правила. Однако английские колониальные власти лишали княжества прав на оборону и самостоятельные дипломатические связи. Князья обязаны были для разрешения многих внутренних дел обращаться к английскому резиденту, назначаемому колониальной администрацией. Изоляция княжеств тормозила развитие производительных сил страны, консервировала феодальные общественные отношения.

Прогрессивные силы Индии поддерживали народные движения в княжествах, направленные на прекращение деспотической власти князей и ликвидацию колониального угнетения.

После достижения Индией независимости и раздела страны в 1947 г. по конфессиональному принципу на две части большинство княжеств присоединились к Индии, а небольшая их часть вошла в состав вновь образованной страны Пакистан.

В 1948—1949 гг. был осуществлен первый этап ликвидации княжеств в Индии: созданы Союзы княжеств, за бывшими правителями сохранялись права собственности на часть земли, на движимое и недвижимое имущество, на некоторые феодальные привилегии. Они избирали главу Союза из своей среды.

Второй этап был связан с принятием Конституции Республики Индии в 1950 г., согласно которой страна разделялась на штаты различных категорий. Княжества, сохранявшие определенную долю автономии и объединенные в Союзы, в большинстве своем образовали штаты так называемой «группы Б». Высшим органом власти каждого штата стало Законодательное собрание во главе с раджпрамуххом. Он избирался из среды князей и утверждался центральным правительством.

Проблема княжеств была тесно связана с национальным вопросом и преобразованием аграрных отношений, поскольку князья являлись феодальными собственниками земли.

После напряженной борьбы различных политических сил внутри Индии в 1956 г. был осуществлен третий, завершающий этап ликвидации княжеств. По закону «О реорганизации шта-

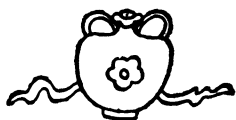
тов» на всей территории Индии были созданы равноправные штаты по национальному принципу и ликвидированы остатки княжеской власти. Однако раджи и махараджи сохранили часть владений на правах землевладельцев, дворцы и сокровища и получали пенсии от правительства. Пенсии получали правители, права которых были официально зарегистрированы. Некоторые мелкие князья в силу сложных престолонаследных процедур не были включены в число получающих пенсию. По-видимому, к таким относился и бывший князь Заскара, живущий в Падуме, а владелец небольшой части этого княжества — Дзанглы, чьи права на титул князя не вызывали сомнений, получал небольшую пенсию. (Мишель Пессель вначале никак не мог разобраться, почему в Заскаре два князя.) Значение бывших князей в жизни Индии в целом и особенно в их бывших владениях еще сохранилось, хотя и на принципиально новой основе. Бывшие махараджи крупных княжеств остались богатыми людьми, вкладывавшими средства в различные отрасли экономики развивающейся Индии. Некоторые из них избираются депутатами индийского парламента, занимают высокие должности в государственном аппарате в центре и штатах, ведут активную политическую деятельность в различных партиях, преимущественно в консервативных. Они сохранили свои титулы и продолжают по традиции пользоваться определенным положением и влиянием в бывших собственных владениях.

Правители мелких владений (в том числе Заскара) остались на правах помещиков на принадлежащих им землях и имеют некоторые преимущества по сравнению с новыми владельцами земли. Преимущества эти больше психологические, основанные на традиционном патриархальном отношении крестьян к своему радже, князю. Но фактическая власть во всех административных единицах принадлежит местным органам управления.

В деревнях и селениях, отстоящих далеко от промышленных и торговых центров, особенно расположенных в труднодоступных горных районах, где традиции и жизненные устои изменяются крайне медленно, авторитет бывших раджей еще велик, хотя они и не имеют юридической власти.

Заскар — суровый, по-своему интересный край, увиденный внимательным взглядом опытного путешественника и талантливого рассказчика, умеющего заметить прекрасное и в самобытной жизни людей, населяющих этот необычный край земли, и в их традиционной культуре.

Описание края, расположенного на «крыше мира», несомненно, заинтересует советского читателя, который найдет здесь много интересных сведений и наблюдений из самых различных областей человеческих знаний. С особым волнением, вероятно, будут читаться те места книги, где речь идет о критических ситуациях, возникавших во время путешествия, когда жизнь его мужественных участников висела на волоске.

НА «КРАЮ СВЕТА»

Заскар — край черных волков, снежных барсов и голубых маков, край ледников и тундры, пронзительных ветров и морозов. По землям этого края текут бешеные горные потоки, несущие золото. Здесь живут монахи, князья и лучники. Заскар — феодальное княжество, расположенное на «крыше мира».

Мало кто из европейцев бывал в Заскаре; даже отважные охотники XIX века, которые путешествовали по самым безлюдным местам в поисках редких зверей, избегали снаряжать экспедиции в Заскар. «Газет де л'Энд» писала в начале XX века, что эта местность совершенно неисследована. Те же слова можно было бы написать и в 1976 году. Действительно, еще никто не занимался исследованиями этого района — о нем лишь упоминают редкие путешественники, бывавшие в Западных Гималаях, в частности в Ладакхе. А ведь княжество Заскар основано в 930 году нашей эры, то есть за сто тридцать шесть лет до покорения Англии Вильгельмом Завоевателем.

Одна из причин, по которой долину Заскара обошли вниманием исследователи и путешественники, кроется в том, что это один из высочайших и наиболее труднодоступных районов нашей планеты. Долина тянется на триста двадцать километров, а ее дно, по которому стремительно мчится горная река, находится на головокружительной высоте — четыре тысячи метров над уровнем моря. Чтобы попасть в Заскар, надо пройти через один из труднейших перевалов главного хребта Гималаев. Если учесть, что перевалы проходимы лишь четыре месяца в году, то выходит, что долина отрезана от остального мира почти весь год.

Я отправился в Заскар, чтобы узнать, как люди живут на такой высоте и в таком суровом климате и где границы человеческой выносливости. Мне хотелось быть одним из первых в изучении уникальной и нетронутой культуры заскарцев. Моя задача облегчалась тем, что я знал тибетский язык и мог свободно изъясняться с местными жителями, которые говорят на одном из диалектов этого языка.

Чтобы добраться до Заскара, я сначала полетел в Дели. Там пересел на другой самолет и попал в Сринагар, столицу Кашмира, расположенную на высоте полутора тысяч метров над уровнем моря в одной из высокогорных долин Западных Гималаев. Там начиналась дорога, пересекающая Гималаи и ведущая в Лех, древнюю резиденцию ладакхских князей, которые состоят в родстве с князьями Заскара и являются их северными соседями. На полпути между Сринагаром и Лехом находится старинный торговый центр, деревня Каргил. Решив, что она будет ис-

ходным пунктом моего путешествия, я весьма смутно представлял себе, как оно будет проходить в дальнейшем, тем более что еще не наметил предстоящего маршрута. Именно поэтому, оказавшись в Сринагаре, я прежде всего принялся за поиски Сонома, единственного человека в городе, которого хорошо знал.

Мы познакомились с Сономом годом раньше, когда я путешествовал по Ладакху. Он жил в запущенном кирпичном доме на берегу озера Дхал, где на якорях стоят ярко окрашенные кашмирские плавучие жилища — шикхары, отделанные кедром. В этих домах на плаву живут богатые индийские торговцы, которые в разгар лета перебираются в прохладные горные места, да многочисленные туристы, останавливающиеся там в перерыве между двумя чартерными рейсами. Мне хотелось, чтобы Соном подыскал мне знающего Заскар проводника, на которого я мог бы полностью положиться.

Соном был рад встрече, а потому, с гордостью показав мне свою новую лавку, пригласил на чай в единственную жилую комнату, где кроме его жены сидела элегантная девушка с заплетенными в косички волосами.

— Я никогда не бывал в Заскаре, — признался Соном, — но, вспоминая все, что читал, могу сказать, это прекрасный уголок. В одной старинной тибетской книге говорится, что Заскар — открывшаяся страна.

— Как это понимать?

— Она... не существовала, а потом однажды вдруг появилась, — разъяснил Соном, — боги украсили землю, которая покрывала долину. И Заскар обрел жизнь. Поэтому Заскар — одно из самых священных мест.

Мне было любопытно узнать, в какой книге или в каком манускрипте Соном почерпнул подобную информацию, поскольку помнил первую фразу из произведения, которое принято называть «Заскарские хроники»: «Это страна, где собираются феи». Но когда разглядывал карту, меня охватывали сомнения. Я спросил Сонома, где можно найти проводника. Мой друг задумался.

— Не советую брать выходцев из Тибета, — наконец сказал он. — Многие из них хорошо говорят на ладакхском диалекте, но практически никто не знает заскарского. И района они не знают. Лучше поискать нужного человека в Каргиле.

— Вам следует обратиться к тибетцу — владельцу гостиницы-ресторана в Каргиле, — вступила в разговор юная красавица, сидевшая у подножия постели. — Он один из моих друзей и наверняка отыщет вам на базаре какого-нибудь заскарца, на которого вы сможете положиться. Они изредка приезжают в Каргил за покупками.

Женщина казалась мне все более и более очаровательной. В ней чувствовались гордость, обаяние и редкостная изысканность тибетских аристократов. Я обрадовался, когда узнал, что нам, наверное, придется совершить совместную поездку на авто-

буса до Каргила. Она собиралась уезжать в Лех из Сринагара в тот же день, что и я.

— В любом случае,— добавила она, когда я прощался с хозяевами,— хозяин гостиницы окажет вам помощь.

После этой встречи я дня три бегал по городу и закупал провизию. Опыт моих странствий подсказывал, что в высокогорье Центральной Азии раздобыть пищу трудно, а поскольку буддисты осуждают акт убийства любого живого существа, не было никакой надежды купить там мясо, яйца, курицу. С другой стороны, Кашмир преимущественно мусульманский район, и в Сринагаре свинины не отыскать, как, впрочем, и говядины, ведь Кашмир является частью индуистской Индии. К счастью, еще перед отъездом из Европы я запасся мясными консервами и паштетами в банках. Таким образом, единственным источником белков будут для меня эти консервы, чечевица и масло какао. В Сринагаре я собирался закупить рис, молотый кэрри и сахар — основную пищу, которую в горах не сыскать и днем с огнем.

Набивая плетеные корзины покупками, я старался представить себе страну, «где собираются феи!» Как случилось, что в свои тридцать девять лет я верю в волшебные сказки? Неужели никогда не повзрослею? Я по-прежнему мечтаю о приключениях, опасностях, сильных ощущениях. Моими героями по-прежнему остаются путешественники и исследователи прошлых лет. Я всегда видел себя исследователем, первым ступающим на неизведанную землю, населенную туземцами. Я всегда хотел бродить по долинам затерянных миров и осваивать их. Я всегда был и остаюсь мечтателем, заблудившимся в мире искусственных спутников, сверхзвуковых самолетов, пластмассовых ложек, алюминиевых аэровокзалов, баров, подземных супермаркетов и рукотворных солнц.

С раннего возраста я пытался повернуться спиной к действительности современного мира и отправиться на поиски тех краев земного шара, где можно было надеяться на приключения, достойные героев моих грез. Именно поэтому восемнадцать лет жизни я провел в пустынных и безлюдных районах, ходил по джунглям Центральной Америки, карабкался по почти нехоженым тропам Гималаев в поисках духовных ценностей, о которых современный мир, похоже, забыл. Мне повезло в том, что почти всю свою жизнь я посвятил удовлетворению неистребимого чувства любознательности во время экспедиций в самые далекие уголки Земли. Мне посчастливилось отыскать в Центральной Америке руины неизвестных городов майя, быть первым исследователем неведомых районов Северного Непала (я был первым европейцем, изучавшим княжество Мустанг). Мне повезло быть одним из первых европейцев, получившим разрешение пересечь и исследовать горные районы недоступного Восточного Бутана. Однако я продолжаю мечтать о новых открытиях во времена, когда политика и технология способствуют уничтожению неведомого. Реактивные самолеты, вертолеты и гигантская индуст-

рия международного туризма сделали доступными самые отдаленные уголки земного шара. Увижу ли я еще, как восходит солнце над нетронутыми землями?

Эти мысли охватили меня, когда я узнал, что индийское правительство решило открыть для посещения иностранцами некоторые стратегические зоны Западных Гималаев.

С Гималаями меня связывают столь тесные узы, что я не мог остаться равнодушным к информации, которая дошла до меня в 1975 году по возвращении из Центральной Америки: Ладакх открыт для посещения иностранцами. Я тут же предпринял определенные шаги, чтобы отправиться туда, даже не отдавая себе отчета, почему меня издавна тянуло посетить земли ладакхских князей. Я был уверен, что эта страна лам и монастырей, обширных аридных пустынь, гор с отвесными склонами даст мне уникальный шанс получить истинное представление о глубинных районах Азии.

Итак, я отправился в Ладакх и был околдован им. Во время путешествий по Ладакху я впервые услышал о Заскаре. Забытом, изолированном, недоступном крае... Мне сразу стало ясно — именно туда я и должен попасть. Вернулся в Европу, и, чем больше изучал карты, тем соблазнительнее казался Заскар. Я представлял его себе высокогорной пустыней, окруженной самыми неприступными горами в мире, страной глубоких ущелий и долин, над которыми парят одинокие орлы и гуляют песчаные бури. Я решил исследовать все уголки этого района, как сделал это в Мустанге. Знал, что меня ждет труднейшая задача, ибо, путешествуя в Гималаях, никогда не был в столь высокогорном и труднодоступном краю. В глубине души теплилась надежда, что путешествие будет не только посвящено знакомству с обычаями страны, но и станет своего рода паломничеством по самым отдаленным уголкам Гималаев, ибо я решил перейти и через горный массив Заскара, и через Главный Гималайский хребет.

На заре, когда дребезжащее такси везло меня по безлюдным улицам к автобусной станции, Сринагар казался городом-призраком. Автовокзалы нигде не выглядят веселыми, а сринагарский автовокзал был просто зловещим. Мрачное кладбище неподвижных монстров, населенное носильщиками и нищими. Нечто вроде чистилища для лиц, отправляющихся по неведомым дорогам. Мне пришлось ждать целых три часа. Я немедленно стал лакомой добычей для нищих — их привлек мой вид зажиточного европейца, белая кожа и высокий рост.

Я исторг вздох облегчения, когда наконец автобус, переваливаясь с боку на бок, тронулся в двенадцатичасовое путешествие. Моими спутниками были в основном дарды, представители малоизвестной этнической группы, составляющей коренное население Западных Гималаев. Дарды относятся к арийцам — у них острый тонкий нос, круглая голова и светлые глаза, они напоминают европейцев, особенно если их сравнивать с жителя-

ми Ладакха, широколицыми людьми монголоидного типа, которых в автобусе было тоже немало. На всех были грязные грубо-тканые одежды, и автобус напоминал сборище нищих.

Позади сидела женщина и кашляла мне в затылок. Впереди ехал паренек — он сидел, повернувшись, и не спускал с меня взгляда. Я всем улыбался, в том числе и юной красавице дардке, чей лоб закрывали тяжеленные серебряные подвески, прикрепленные к тиаре из мелкой бирюзы. Автобус был набит довольно плотно, но вскоре тряска на выбоинах дороги рассредоточила пассажиров, и все повеселели.

Для любого человека, свыкшегося с пыльными индийскими дорогами, путешествие в автобусе показалось бы банальным. Но данное путешествие не относилось к разряду обычных по одной простой причине: этот автобус — единственное средство общественного транспорта, которое переваливает через грандиознейший горный массив мира — Гималаи.

Для столь необычного переезда, подверженного многим случайностям, нужен наисовременнейший автобус со специальной коробкой скоростей и супертормозами. Эта же гроыхающая колымага была готова оторваться от дороги на самых крутых поворотах и, похоже, не имела тормозов. Мне казалось очевидным, что автобусу не забраться на высоту трех тысяч пятисот пятнадцати метров над уровнем моря, чтобы миновать Зоджи-Ла, самый низкий из гималайских перевалов.

Покинув кашмирскую долину, автобус пополз вверх вдоль бурного потока, по берегам которого густо росли ивы и тополя. Пробравшись через сосновый лес, автобус с трудом докатил до Сонемарга — «Золотых полей». На этом горном курорте от летней жары когда-то укрывались англичане, прогуливаясь пешком или верхом на пони. Первые горные цепи, казавшиеся далекими из Сринагара, были теперь близкими и четкими, но больше напоминали альпийские массивы Франции, чем знакомые мне издавна Гималаи.

В «Золотых полях» мы остановились у хижины на краю дороги, чтобы выпить чаю перед отправлением в дальнейший путь. Здесь начиналась военная дорога с односторонним движением — утром по ней спускались, а после полудня поднимались машины, идущие к перевалам. Автобус упрямо полез вверх; его усилия сопровождалось душераздирающими скрипами — на первой скорости он вскарабкался на крутой склон первого перевала. Я так и не понял, как этой петляющей дороге удастся не сползть с основания из мокрого гравия. Иногда я закрывал глаза. Чтобы мы не забывали о постоянной угрозе преждевременной смерти, повсюду вдоль дороги стояли могильные памятники с именами индийских солдат, сорвавшихся с отвесных скал. Я вспоминал слова одного бутанского крестьянина: «На наших горных дорогах раненых не бывает... есть только мертвецы!»

Вспоминался и случай, имевший место в прошлом году: дорога обвалилась в момент движения военной колонны — три-

дцать два грузовика рухнули в пропасть на выходе из виража. Лишь водитель тридцать третьей машины успел затормозить и поднять тревогу.

Последний крутой вираж, и мы оказались на земляной плотине, напрямую пересекавшей ледник. И зачем я решился на самоубийство?! Из-под автобуса выползали целые льдины. А потом, буксуя в нескольких десятках сантиметров от вертикальной пропасти глубиной в тысячу двести метров, автобус вполз на перевал Зоджи-Ла. Люди, которых доконала тряска и приступы «морской болезни», вздохнули с облегчением. Ощущая на себе все эти прелести путешествия в наши дни, стоит задаться вопросом: так ли уж чудесно, как считают некоторые, изобретение колеса?

Еще один вираж, и дорога углубилась в горы. Мы миновали перевал. И в ту же секунду исчез альпийский пейзаж долины Сонемарг. В мгновение ока пропали влажные южные склоны Гималаев, и появились сухие, пустынные северные склоны. Автобус бежал по широким долинам, окаймленным скалистыми пиками, которые один за другим уходили в бесконечность.

Я наконец попал в пустынный мир высокогорных тибетских плато, которые так любил. Ледяной воздух и кристально чистый свет сразу вернули меня к предыдущим путешествиям, к долгим месяцам, проведенным на тропях Непала и Бутана. После чудесных дней, прожитых в Гималаях, я спрашивал себя, не окажется ли эта новая экспедиция разочарованием? Будет ли что еще исследовать, если через Гималаи ходят автобусы, если у базового лагеря Эвереста построили современный отель с кондиционированным воздухом, если туристы заполнили Бутан? Мустанг пока еще оставался запретным районом, но непальцы, быть может, намеревались открыть «мое княжество» перед ордами туристов, которые быстро покончат с гармонией этого крохотного рая.

В мире слишком мало мест, могущих сравниться по красоте с Гималаями. Если Кашмир с его затененными озерами, в которых отражаются заснеженные вершины, похож на общепринятый образ рая, то северным склонам Гималаев с их резким и прозрачным светом, льющим на вершины гор, которые тянутся на сотни километров, присуща суровая красота, обращенная к душе.

Трясаясь на выбоинах, я вспоминал о первых европейцах, перешедших Зоджи-Ла и достигших Ладакха. Первым из них был неграмотный португальский купец по имени Диего д'Альмеда. Он совершил свое путешествие — по-видимому, в одиночку — между 1600 и 1602 годами, и его весьма поразило увиденное: «Страной управляют странные христиане, монахи которых похожи на португальских монахов». Он рассказал обо всем епископу Гоа, который сначала решил, что Диего побывал на китайской границе, где, как известно, издавна обосновались христиане-не-

сторияны. Прошло некоторое время, пока не стало ясно, что Диего побывал в неведомой стране — Ладакхе.

Лет через тридцать в Ладакх явились миссионеры, капуцины и иезуиты, которые несколько раз пересекли страну и побывали в тибетских миссиях Тсапаранга, Лхасы и Шигацзе. Эти католические миссии процветали почти сто пятьдесят лет, до 1745 года. А потом, насколько известно, в Гималаях не было ни одного европейца до Уильяма Муркрофта, одного из самых просвещенных английских исследователей. Он прошел по Зоджи-Ла в 1830 году.

Наш автобус остановился в Драсе, первом селении после перевала, где власти установили контрольный пункт. Именно здесь в 1820 году Муркрофту передали Библию, датированную 1586 годом. Кто ее потерял или оставил: Диего или какой-то миссионер? Скорее всего она принадлежала миссионеру, ведь купец был неграмотным.

Проведенные Муркрофтом исследования фауны и флоры Ладакха очень интересны; к несчастью, Муркрофт и его компаньон Требек умерли во время своего единственного большого путешествия. Муркрофт не успел написать историю своего путешествия, о котором мы знаем лишь из его дневника и подробных заметок, доставленных в Индию слугой после его смерти.

Именно из них нам известно, что между 1820 и 1825 годами он встретил в Ладакхе, недалеко от Драса, человека, похожего на бродягу. На самом деле то был венгерский ученый-востоковед Кереш Цчома, который отправился на восток в поисках истоков происхождения своего народа. Кереш был молодым серьезным человеком, склонным к приключениям. Муркрофт посоветовал ему вместо скитаний по Гималаям осесть где-нибудь и изучить местный язык. Он дал ему денег и представил доверенному лицу ладакхского князя, уроженцу Заскара. И Кереш Цчома отправился вместе с ладакхцем в Заскар, где изучал тибетский язык и стал затем крупнейшим знатоком тибетской культуры, пионером гималайских исследований. Кереш Цчома, первым из европейцев посетивший Заскар, пробыл там десять месяцев, с ноября 1823 по август 1824 года, а затем и целую зиму следующего года. Он страдал от ужасных морозов и замуровал себя в келье, чтобы без помех изучить тибетский язык. Очень жаль, что он ничего не написал о своих впечатлениях об этом крае; во всяком случае я не смог найти документов, в которых бы Кереш поведал о своем долгом пребывании в стране.

Все это лишь подогревало мое желание посетить самому этот Заскар, о котором не имелося ни одной книги, хотя со времени Кереш Цчома прошло уже полторы сотни лет. Похоже, редкие путешественники в Гималаи избегали этих мест, предпочитая посещать Ладакх и другие более гостеприимные долины.

Вторым европейцем, попавшим в Заскар, был некий Томас Томсон. Он посетил княжество в 1848 году и тоже не оставил рассказа о своем коротком визите. Скорее всего он, будучи ботаником, больше интересовался растениями, а не людьми.

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Когда я, покрытый густым слоем пыли и изнуренный долгой поездкой и высотой, добрался до Каргила, было шесть часов вечера. Мой багаж сбросили с крыши автобуса прямо на мостовую главной базарной улицы, по которой прогуливались мусульмане в тюрбанах и ладакхцы в высоких шапках из шелка. Вся эта цветисто одетая толпа окружила меня и мой багаж, но я, совсем не смущаясь, обратился на тибетском языке к стоявшему ближе всего человеку. Воспользовавшись его замешательством, я попросил помочь донести багаж до тибетской гостиницы, которую заметил в боковой улочке. Хозяин на месте не оказалось, но его юный отпрыск отвел мне крохотную комнатку, куда я сложил багаж. Заперев дверь на свой собственный замок, я отправился побродить по Каргилу.

Не успел я сделать и десяти шагов, как столкнулся с тибетской красавицей, с которой познакомился в Сринагаре. Она выглядела еще свежее и очаровательнее по сравнению с запыленным бродягой, каким казался я.

— Пойдемте выпьем чаю у моих друзей, — предложила она мне, словно мы были давнишними приятелями, а встреча в Каргиле была самой естественной вещью в мире. Она привела меня в дом своих ладакхских друзей, где нас угостили тибетским чаем.

Все путешественники, посетившие Гималаи, жалуются на «отвратительный тибетский чай», изготовленный с прогорклым сливочным маслом. Я не согласен с критиканами. Плохой тибетский чай действительно отвратителен, но хороший тибетский чай — великолепный напиток, если принимать его за то, что он есть на самом деле, иначе говоря, за бульон. Поскольку это суп со сливочным маслом, и ничто иное. На чай он похож лишь цветом, а вкус ему придают масло и соль.

В гостиницу я вернулся поздним вечером. Торговцы просыпались после долгой сиесты, и улицы кишели людьми. Резкий свет керосиновых ламп четко обрисовывал силуэты людей, обступивших небольшие лавочки. Обходя собак и натываясь на ребяташек, я добрался до гостиницы, где меня как друга дамы из Лхасы тепло встретил хозяин, высокий и тощий тибетец. Я немедленно спросил его, нельзя ли подыскать надежного проводника и выючных животных, чтобы отправиться в Заскар.

Едва я начал объяснять хозяину гостиницы, какой человек мне нужен, как он заявил, что у него есть как раз такой человек. Мне повезло — в тот день в Каргил прибыла группа заскарских монахов. Он знал этих людей и уверял, что на них можно поло-

житься. Они вкоре собирались отправиться домой и, быть может, захватили бы меня с собой. Хозяин тут же послал сына на поиски своих друзей.

Стояла уже поздняя ночь, когда раздался стук в мою дверь. На пороге возникли два молодых монаха, крепкие шекастые парни. У них были бритые головы, ярко выраженные монголоидные черты лица и хитрые раскосые глаза. Я критически оглядел их с ног до головы и составил себе первое осторожное мнение. Но не мог скрыть любопытства, ведь то были первые встреченные мной жители Заскара. На них были платья без рукавов из грубой красной шерсти, а на шее висели четки и амулеты, подтверждавшие их положение. Я знал: монах в Гималаях не обязательно служитель культа или набожный человек. Это может означать, что данное лицо учится или училось в одной из буддийских школ. Монахи (тр'ва) являются на самом деле учениками, которым преподают учителя (геше) под надзором лам.

Один из них, Нордруп, внешне был весьма обходителен и поначалу даже пришелся мне по душе. Но я не мог отделаться от мысли, что он, по-видимому, чуточку хитрее, чем положено быть кристально честному человеку. Второй выглядел упрямым. У обоих были приятные лица. Нордруп сразу же безапелляционно заявил, что будет моим проводником — он ничуть не сомневался, что я не смогу отдать предпочтение другому. У него, как он сказал, есть двенадцать лошадей, которые сейчас набираются сил на пастбище у монастыря Рингдом в ста тридцати километрах от Каргила, в противоположном конце долины Суру. В ближайшее время он возвращается в Заскар с товарами, которые сейчас закупает на базаре. Его лошади повезут мой багаж, а он с удовольствием станет моим проводником. Затем Нордруп напрямик спросил, какую сумму денег получит за лошадей и свои услуги. Я был слишком измотан, чтобы среди глубокой ночи обсуждать детали экспедиции, и попросил монахов прийти рано утром.

Я надеялся получить заслуженный отдых во сне, но вскоре узнал, что Каргил по праву славится своими блохами. Добрую половину ночи я просидел на краю постели и нещадно чесался, думая о том, сколько бессонных ночей провели здесь многочисленные торговцы, оказавшиеся на этом перекрестке караванных путей.

Лежащий на берегу Суру под защитой гор, Каргил всегда был далекой и труднодоступной целью многих завоевателей, не последним из которых можно назвать Александра Македонского. Во время долгого похода из Греции в Азию его войска подстегивала надежда добраться до богатств страны «муравьев-золотоискателей», легенда о которых докатилась и до них. Александр дошел до Инда в его нижнем течении, но не смог отправиться вверх по долине и углубиться в неведомые горы. Сделай он это, и его войска добрались бы до Каргила, стоящего в месте слияния Инда и Суру.

Наутро явился Нордруп. На его умытом лице сияла широчайшая улыбка. Он излучал слишком много обаяния, чтобы внушить доверие, и его улыбка по-прежнему беспокоила меня. Мы обсудили вопросы оплаты, а потом, когда я сказал, что ему придется готовить пищу и сторожить мое добро, он со спокойной улыбкой заявил:

— Вы сами увидите, какой я плохой повар...

Он сообщил, что на следующий день из Каргила до Пакарачика, деревни у строящейся дороги, должен отправиться грузовик. Он пройдет вверх по долине Суру до монастыря Рингдом, где ждут лошади. Всего день пути.

Я по опыту знал, сколь сомнительны сведения о грузовиках и времени их отправления, если о них слышишь из уст восточных людей. Чтобы скоротать время, я, купив на базаре керосин и чайник, нанес визит местному полицейскому комиссару, к которому у меня было рекомендательное письмо. Я захотел заручиться его поддержкой на случай серьезных неприятностей. Ведь район был закрыт для иностранцев около тридцати лет, а удаление от хоженных дорог в Индии, как и почти везде в Азии, может быть чревато серьезными последствиями, особенно в «горячих точках» гималайской границы. Десятки военных грузовиков и многочисленные лагеря, встреченные по дороге, напоминали, что линия прекращения огня после последнего индо-пакистанского инцидента проходила менее чем в пяти километрах от Каргила.

Полицейский был исключительно вежлив. Как истинный мусульманин, он не мог понять, почему меня так интересует Заскар, край, с одной стороны, отсталый, а с другой — буддийский. Однако он вручил мне рекомендательное письмо для полицейского офицера, которого в свое время послал в Падам, столицу Заскара.

Наутро я был на ногах с самой зари, боясь опоздать на грузовик, который, однако, прождал все утро. К полудню прошел и вскоре подтвердился слух, что в долине Суру оползень перерезал дорогу и несколько дней грузовики ходить не будут. В довершение всех бед исчез Нордруп. Разъяренный этими двумя неприятностями, я ходил по базару вдоль и поперек в поисках своего проводника, а также какого-нибудь джипа, на котором смог бы добраться по крайней мере до оползня.

Мне сообщили, что свободных джипов нет — три единственные машины, имевшиеся в Каргиле, были взяты напрокат — представьте мое удивление — группой швейцарских альпинистов, направляющихся в Заскар. Долгие годы я гордился тем, что был среди первых, если не первым, в отдаленных районах, которые хотел изучить. А теперь, узнав, что меня опередили, загрустил.

...Наконец появился неизменно безмятежный и улыбающийся Нордруп. Он был уверен, что грузовик прибдет завтра на заре. Затем пустился в сложные объяснения, из коих явствовало, что он не сможет меня сопровождать до самого конца путешествия.

Итак, я еще терял проводника! Строптивный монах, к тому же слишком веселый и непостоянный, все же нравился мне! Я с твердостью заявил, что меня не интересуют его монашеские делишки и я нанял его, дабы обзавестись другом и проводником. На это он возразил, что нанять его нельзя, поскольку он работает не за деньги, а из бескорыстной чистой дружбы. И сразу признался, что у него появились затруднения. Некоторые из тех лошадей, которые паслись у Рингдома, принадлежали не совсем ему... Они были собственностью жителей деревни Карша, где находился его монастырь. Ситуация представлялась очень сложной, и я снова подумал, не совершаю ли оплошность, решившись на такое трудное путешествие.

...Чудеса, да и только! В шесть часов утра грузовик стоял на главной базарной улице. На его синих бортах я прочел: «Служба дорожных работ, Дхамму и Кашмир».

Грузовик был нагружен с верхом, когда на него взгромоздили и мой багаж. Я занял место рядом с молодым французом и его бельгийским приятелем, которых накануне встретил на базаре. Они знали меня по книгам. Я бы предпочел путешествовать в одиночку, но не мог не поделиться с ними сведениями, когда они спросили, не слыхал ли я о каком-нибудь грузовике, идущем в Заскар. Таким образом, я выехал из Каргила в сопровождении двух европейцев.

Нам предоставили «почетные места» по-индийски, то есть на переднем сиденье, наполовину занятом шофером-толстяком. Второй водитель разместился на борту машины. Выехав из Каргила, мы свернули с главной дороги, и машина медленно поползла вверх по долине Суру, легендарной стране «муравьев-золотоискателей» античности. Там живет этническая группа балти, пришедшая сюда из отдаленного района в верхнем течении Инда, известного под названием Балтистан. Балти говорят на архаичном диалекте тибетского языка и, по-видимому, происходят от смешения дардов и тибетцев. Вначале они исповедовали буддизм, но сравнительно недавно перешли в ислам. Вместе с религией они сменили и обычаи. Их деревни, несмотря на красоту долины с ее оазисами, зелеными полями в окружении ив и абрикосовых деревьев, проигрывают в живописности деревням, которые я видел в Ладакхе. Кое-где торчали купола мечетей, расписанных цветистыми орнаментами, и крохотные минареты, но они совершенно не вязались с окружающим вызывающе грандиозным пейзажем.

В остальном долина Суру выглядит настоящей пустыней — ни клочка травы на скалистых склонах. С их обрывистых пиков, покрытых вечными снегами, сползают ледники. Крохотные деревеньки четко вырисовывались на голом дне долины, напоминающая зеленые пятна на сером ковре.

Во время одной из остановок, которые второй водитель использовал, чтобы поливать ледяной водой двигатель грузовика, я перебрался к Нордрупу, сидевшему на вершине груза. Из-за

покрывавшей его желтой пыли он походил на светловолосого, черноглазого монгола.

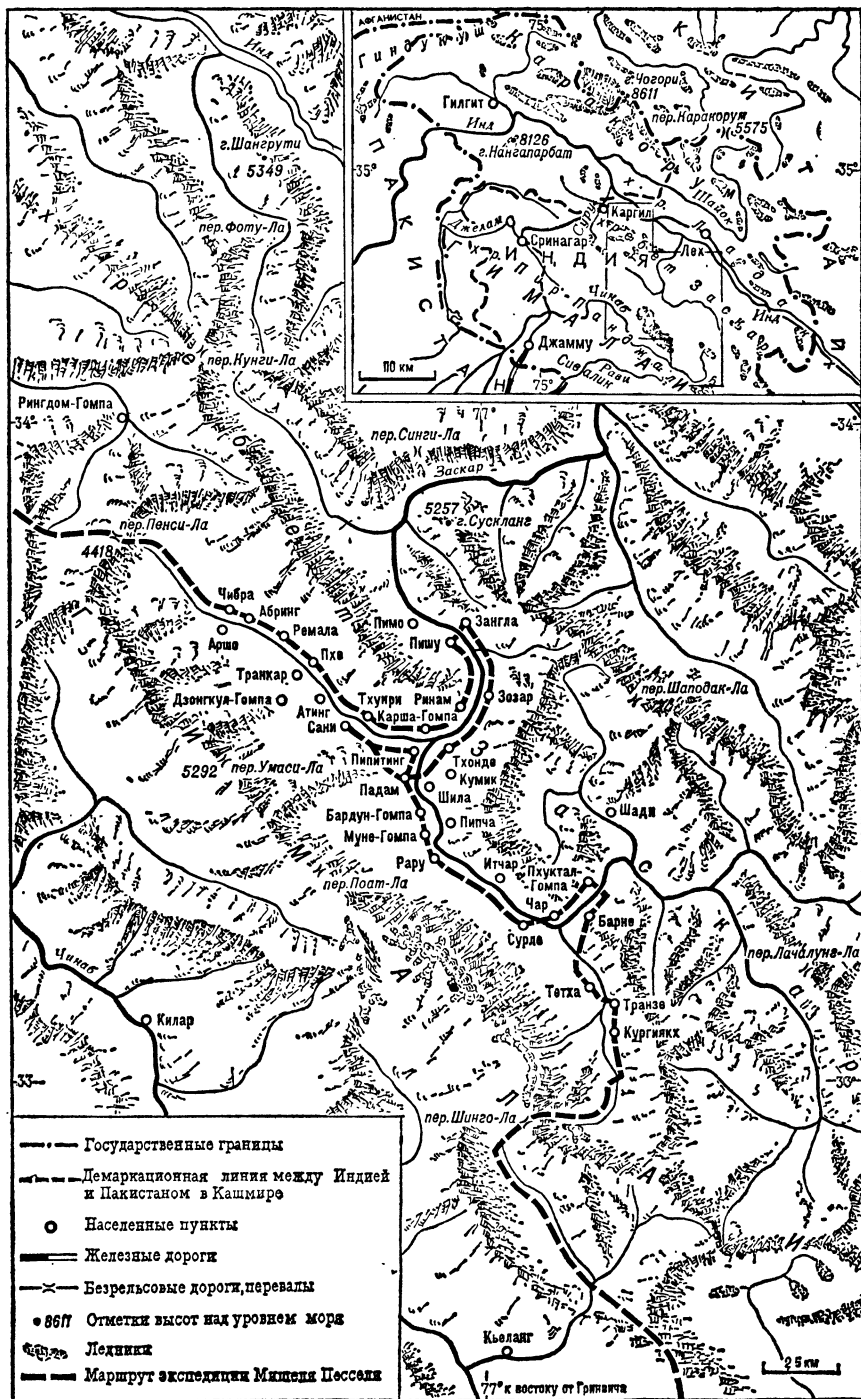
В полдень мы остановились у ручейка, вытекавшего из-под ледника, который навис высоко над нашими головами. Я съел несколько галет и присоединился к Нордрупу и двум другим заскарцам, чтобы выпить с ними тибетского чая. Потом Нордруп сорвал в ручье несколько стеблей водных растений и показал нам, как делается тибетская труба. Он обрезал влажные полые стебли, соединил их и начал в них дуть. Глубокий грудной звук напоминал рев длинных тибетских труб. Когда импровизированное подобие тибетской религиозной службы, вызвавшее веселый смех окружающих, закончилось, мы снова залезли в грузовик. Долина Суру начала сужаться, и довольно сносная до сих пор дорога превратилась в сплошной кошмар. Два раза мы слезали и подталкивали грузовик. У меня нещадно колотилось сердце — мы достигли высоты в три тысячи триста метров над уровнем моря.

К трем часам пополудни проехали шестьдесят километров, суший пустык для семи часов пути с несколькими короткими остановками. Долина сузилась до предела, и дорога опасно петляла вдоль отвесных обрывов. Повсюду виднелись высочайшие пики, но Нордруп не знал их названий.

Сделав один особенно крутой поворот, водитель остановил машину и заявил, что дальше не поедет и что он наверняка первый водитель, проехавший такое расстояние по отвратительной недостроенной дороге. Наше продвижение вперед замедляли и огромные глыбы, торчавшие то там то сям. Масштаб моей карты был слишком мелок, чтобы я мог определить наше местонахождение. Что же касается Заскара, то в моей голове хранились лишь смутные воспоминания о стратегических картах, которые мне по большому знакомству показали в Лондонском географическом обществе и в туристическом бюро Сринагара.

По моему настоянию водитель с ворчанием все же продолжил путь. Теперь мы катились по песку и гравию, делая очень крутые повороты. В конце концов грузовик завяз в топи у въезда в узкое ущелье. И вдруг словно по волшебству перед нашими глазами возникла палатка бульдозериста, которого отрядили сюда для строительства дороги. Как только бульдозер выволок нас из грязи, наш выбившийся из сил шофер заявил, что на этот раз он высадит нас здесь. Я выразил протест: он мог доставить нас в ближайшую деревню! Шофер снова сел за руль — его явно угнетала высота, окружающие нас снега и жалкое состояние дороги. Километра через два его страхи подтвердились — на повороте мотор задымил, заглох и напрочь отказался заводиться.

Пришлось выгрузиться неподалеку от бедной деревушки Паркачик, окруженной блестящими под вечерним солнцем ледниками. К востоку над нами вздымались два грандиозных пика — Нун и Кунги-Ла, соответственно 7135 и 7427 метров над уровнем моря. Эти две вершины-близнеца, высочайшие горы Заскар-

Район Заскар в штате Джамму и Кашмир (Северная Индия).

ского хребта, являются как бы северо-западными воротами княжества. Я с волнением разглядывал эти громадины. Весь день мы путешествовали меж двух рядов гор, увенчанных снегами: теперь, бросив взгляд к югу на северные склоны этих гор, я видел льды и снега далеко внизу.

— Вам удастся произвести ремонт? — спросил я второго водителя, чья голова уже скрылась под капотом.

— Дня через два или три, когда доставят нужную деталь. Я повернулся к Нордрупу.

— Попробуйте раздобыть в деревне несколько пони.

Нордруп отправился в сторону саманных домишек, сгрудившихся у подножия развалин небольшой крепости.

Пока Нордруп занимался поиском лошадей, я решил пешком подняться вверх по дороге. Пройдя метров восемьсот, я наткнулся на группу из двадцати здоровенных ребят и девиц, которые разбивали лагерь на краю поля. Это были те самые цюрихские альпинисты, о которых мне говорили в Каргиле. Я попытался договориться с ними о джипе, но они сказали, что машины дальше не пойдут по причине отвратительного состояния дороги между Пакарачиком и Рингдомом-Гомпой («гомпа» по-тибетски означает «монастырь»). Многие селения в Гималаях расположены рядом с монастырями, что отражено в их названиях).

Пришлось удовлетвориться их извинениями... Я вернулся к нашему грузовику, с которого сгрузили все — тюки, мешки, бочки, плохо увязанные коробки. Вскоре появился Нордруп. Пони в деревне нет. Они все на горном пастбище на расстоянии одного дня пути.

Совсем отчаявшись, я установил палатку, а Нордруп занялся разборкой моего багажа и своих покупок. Он сложил все наши вещи на обочине дороги.

Первая ночь в палатке после месяцев теплой постели в нормальном доме всегда является тяжелым испытанием. Наутро я был в пакостном настроении. Грузовик выглядел тем, чем он был на самом деле — развалиной. Над Нуном и Кунги-Ла занималась феерическая заря. Как долго мы проторчим здесь? Никому не хотелось тащить мой багаж на своем загривке. В этой части света о носильщиках и слыхом не слыхивали — местные жители справедливо считают, что грузы должны таскать животные.

Я был на ногах с шести часов утра, а в одиннадцать раздался рев мотора. Вскоре показался какой-то грузовик. Он был нагружен куда больше нашей машины. Водитель собирался добраться до Рингдома по недостроенной дороге — он без продукты и горючее в лагерь дорожников. Небольшое красноречивое вступление и пригоршня рупий послужили пропуском на борт грузовика мне, Нордрупу и двум моим спутникам. Усевшись на свой багаж, который громоздился на неустойчивой пирамиде из ящиков и бочек, мы тронулись дальше, откатив на обочину дороги развалину, доставившую нас сюда.

Этот отрезок пути я не могу вспоминать без содрогания. Водитель с блеском демонстрировал свою склонность к самоубийству. Он буквально царапал скалы, невозмутимо подводил колеса к самому краю пропасти. Я восхищался его ловкостью, но отчаянно желал остаться в живых. Изредка отваживался бросить взгляд на дно долины, откуда доносился рев горных потоков. У подножия Нуна мы оказались на уровне огромного ледника, питавшего грохочущую речку, вдоль которой полз грузовик. В какой-то момент машина пропустила небольшой караван, во главе его шел красивый мужчина лет тридцати. Он перекинулся несколькими словами с Нордрупом, и мы снова тронулись в путь.

— Это был Ньюима Норбу, сын гьялпо Зангла,— сообщил мне Нордруп.

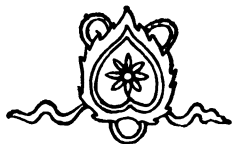
Сын князя Зангла! Я едва успел обернуться и увидеть, как он исчез за скалами.

Мы продолжали двигаться по дну пустынной долины, загроможденной небольшими моренами. Я видел множество высоченных вершин, только в Гималаях можно встретить такие скопления самостоятельных пиков. Десять или пятнадцать вершин на пятидесяти километрах пути!

Вымотанные до предела, покрытые пылью, продрогшие до костей, пережив множество опасностей и чудом избежав аварии, мы выкатились на сухое, забитое камнями речное русло, а вскоре добрались до высокогорной болотистой равнины, сложенной аллювиальными наносами. Со всех сторон нас окружали заснеженные вершины. В центре обширной равнины, похожей на дно древнего озера, торчал одинокий холм, увенчанный красными массивными строениями монастыря Рингдом. Он походил на сооруженный богами маяк. А рядом виднелась деревенька из полудюжины больших прямоугольных домов землистого цвета. Над их плоскими крышами развевались белые молитвенные флажки.

Услышав шум машины, нам навстречу высыпала ватага детишек. Испуганные яки натянули веревки, привязанные к деревянным кольцам, пропущенным в их ноздри. Среди женщин, облаченных в великолепные грубошерстные платья красного цвета и носивших на голове удивительные шапки из меха, украшенного бирюзой, бродили монахи в красном одеянии.

Я сразу почувствовал, что прибыл на место! Грузовик миновал деревеньку, обогнул монастырь и, проехав еще два или три километра, остановился рядом с кумирней. Здесь заканчивалась дорога, отсюда начинался многотрудный путь — меня ждали пот и радости долгого пешего маршрута.

БИРЮЗА И СОБАЧЬИ УШИ

Когда я проснулся на следующее утро, палатку покрывала тонкая корочка льда, а ведь по календарю наступило 26 июля. Солнце еще не взошло. Было холодно. До боли в ушах вслушивался в абсолютное безмолвие, повисшее над безграничными просторами. Золотые лучи зажигали белые вершины одну за другой, создавая разительный контраст с еще погруженным во мрак дном долины. Прямо передо мной находилась крохотная кумирня, около которой я поставил свою палатку. Вдали позвякивал колокольчик, привязанный к шее пони. Он пасся у болота, где в стоячей воде, похожей на полированное стальное зеркало, отражались пылающие вершины. Один луч проскользнул в промежуток между двумя пиками и высветил величественную красную громаду монастыря Рингдом на вершине холма. Время от времени тишину нарушал далекий рев яка или лай сторожевого пса. Долина пробуждалась к жизни.

Долина Рингдома представляла собой почти безлюдный край, отделявший Заскар от долины Суру. Судя по холоду, который царил здесь в июле, зимы, вероятно, должны были длиться по одиннадцать месяцев.

Когда наконец солнце добралось до моей палатки и растопило лед, из кумирни вышли люди, в том числе и Нордруп с неизменно широкой улыбкой на лице. Он сказал, что отправляется за лошадьми, которые пасутся в горах. Выход был назначен на следующее утро. Эта отсрочка меня вполне устраивала, так как давала немного времени для акклиматизации. Мы поднялись на высоту четырех тысяч метров над уровнем моря, но я знал, что перевалы лежат еще выше и моему организму предстоит серьезные испытания.

В Рингдоме атмосферное давление было вдвое ниже, чем на уровне моря, а воздух беден кислородом. Чтобы компенсировать нехватку кислорода, приходится дышать вдвое чаще, до тех пор пока организм не увеличит количество красных телец в крови. Эти дополнительные тельца позволяют повысить насыщение крови кислородом при каждом вдохе. Человеку требуется примерно месяц, чтобы произвести необходимое пополнение эритроцитов, а до тех пор он страдает одышкой и сердцебиением. Тяжелые физические нагрузки, в частности пешие переходы в горах, очень изнуряют организм и могут даже привести к трагическому исходу. У многих нехватка кислорода вызывает головную боль и звон в ушах, лишь некоторые люди ощущают в горах легкость, схожую с состоянием опьянения. Я чувствовал именно такую легкость — чистый горный воздух создавал некоторую духовную

невесомость, а может быть, эйфорическое состояние усиливалось от сознания, что наконец я добрался до края мира, чему посвятил большую часть жизни. Это путешествие естественно вписывалось в предыдущие походы, и я невольно спрашивал себя: а не прожил ли я всю сознательную жизнь в Гималаях?

Обычно горы подавляют. Они закрывают солнце и приближают горизонт. Верхогорье Гималаев — счастливое исключение из общего правила. Воздух здесь так сух и прозрачен, что горы видны за сто пятьдесят километров. Земля шарообразна, и далекие вершины почти скрываются за горизонтом, но самые пики их видны. И создается впечатление, что окружающий мир уходит под землю, а ты стоишь на крыше мира и видишь вокруг себя проваливающиеся в бездну пики. На высоте Рингдома высочайшие пики казались ниже меня, думаю, что этот горный пейзаж не имел себе равных в мире по грандиозности простора.

Почти полное отсутствие деревьев затрудняло оценку расстояния. Из своей палатки я не мог определить, как далеко лежит монастырь — в одном, десяти или пятнадцати километрах. Воздух был так чист и прозрачен, что я различал не только силуэты людей, но и цвет их одежды на расстоянии многих километров. Северная сторона Гималаев, напоминающая поверхность Луны, отбрасывает черные, как сажа, тени. Это явление вызвано не столько высоким содержанием ультрафиолетовых лучей, сколько полным отсутствием в воздухе водяных паров. Воздух так сух, что, если паче чаяния начинается дождь, капли испаряются, не коснувшись земли. В Ладакхе дождей не бывает иногда по несколько лет кряду.

Перед тем как уйти в горы за лошадьми, Нордруп сказал мне, что в монастыре Рингдом должна состояться важная религиозная церемония. Я решил посмотреть, как она проходит.

Монастырь Рингдом и две близлежащие деревеньки имеют необычный статус. Монастырь подчиняется не властям Заскара и Ладакха, а главе ламаистского монастыря Ламайуру, что в Ладакхе. Этот самый древний в районе монастырь расположен на полпути между Каргилем и Лехом. Ламайуру находится недалеко от Рингдома — их разделяют всего два высокогорных перевала. Однако жители некоторых заскарских деревень по традиции посылают мальчиков учиться в монастырь Рингдом, а не в Ламайуру.

Считая себя умнее других, я решил отправиться в монастырь кратчайшим путем, напрямик, но не учел, что высокие травы скрывают топи... Вскоре я утонул по колено в грязи, и мне пришлось выбираться на тропу, которая огибала равнину.

По пути меня нагнал длинный караван торговцев-балти в рваных одеждах; затем рядом со мной оказался небольшой караван под предводительством заскарского крестьянина в изящном бордовом платье. Его сопровождала жена, увешанная бижутерией, серебряными подвесками, браслетами и кольцами.

На полпути протекала неглубокая речка, и я пересек ее на спине пони — меня посадил к себе один из паломников. Яростное высокогорное солнце уже успело сильно опалить кожу моего лица, хотя я наложил на нее густой слой защитного крема. Когда добрался до монастыря, то был в полном изнеможении и еле вскарабкался по крутой петляющей тропке до ступенек, ведущих к величественному portalу с тяжелыми деревянными воротами.

Миновав портал, оказался в мощеном дворике, где резвились детишки — они играли с двумя осликами размером не более немецкой овчарки. Головы ребятшек венчали шапки из красно-оранжевой шерсти, к которым иногда были пришиты кусочки бирюзы или прикреплены цветы. Девочки, как и их матери, носили ниспадающие до земли платья из грубой шерсти неопределенного цвета. Из-под платья виднелись яркие шелковые блузы с широкими рукавами. Длинные праздничные одеяния со стоячим воротничком мальчиков были уменьшенной копией отцовских одежд. Они были изготовлены из некрашеной ворсистой шерсти, а иногда имели бордовый цвет. Талию перехватывал широкий красный пояс.

Пройдя еще через одну дверь, я очутился в другом, более просторном дворе, в центре которого высился чхортен и древко с молитвенными флажками. Чхортены — это своего рода буддийские памятники в виде небольшой полусферы, которые встречаются в Гималаях и на Тибете повсеместно. Они напоминают древние индийские надгробия, но редко служат могильными памятниками, лишь иногда в них хранится прах «святых». Четырехугольное основание чхортена олицетворяет Землю, круглая средняя часть, или купол, — воду, шпиль — огонь, а венец в форме зонтика — эмблема ветра (воздуха). Таким образом, в чхортене представлены четыре стихии, из которых, по буддийским верованиям, складывается вселенная.

Второй двор кишел паломниками. Женщины выглядели особенно нарядными — яркие, расшитые серебром плащи, а на голове кожаные ленты, украшенные кусками бирюзы. Некоторые из этих камней были крупные, размером с мою ладонь. Увидев столь богатую выставку драгоценных камней, я решил, что их добывают в коях где-то поблизости, но позже мне сказали, что камни привозят из Тибета. Они не обрабатываются и ходят на гальку. Хотя они менее ценны, чем гладкая сине-зеленая афганская бирюза, тибетские камни тоже прекрасны.

Прически женщин были такими же, как и в Ладакхе, но они достойны особого описания за их оригинальность и красоту. Женщины заплетают волосы во множество косичек (иногда до священного числа сто восемь). Затем укладывают их по обе стороны головы. Под четыре косички на уровне висков подкладываются два куса черного каракуля, вырезанного в форме вислых собачьих ушей. Это странное украшение придает женщинам необычный вид. Затем на голову накладывается ото лба до се-

редины спины полоса кожи от десяти до двадцати сантиметров шириной, к которой сверху пришита ярко-красная ткань. К этой полосе крепятся рядами бирюзины, размер которых уменьшается ото лба назад. Если женщина богата, камней много, и они весьма крупны. Если же она бедна, то бирюзины помельче и могут быть заменены бисером цвета бирюзы и кусками коралла. Иногда к ленте пришиваются небольшие серебряные коробочки, служащие амулетами.

Эта тщательно разработанная прическа — перак — дополняется ювелирными изделиями: тяжелыми серебряными серьгами с бирюзой и кольцо из массивного серебра. Некоторые женщины носят на груди золотые или серебряные четки — круглые или прямоугольные пенальчики, в которых находятся священные статуэтки, тексты молитв или шелковые шнурки, освященные ламой. Бирюзовая мозаика причесок придает облику женщин нечто рептилье, но, согласно традиции, эти украшения и должны напоминать священную змею.

Я бывал на многих праздниках в Гималаях, но никогда не видел столь нарядно одетую толпу, которая цветником выделялась на фоне пустынной скудости и суровой обнаженности природы.

Узнав, что я владею тибетским языком, монахи пригласили меня в темную кухню и усадили рядом с настоятелем. Мне предложили чаю, и я протянул свою пхорпа — небольшую деревянную чашечку, с которой гималайцы никогда не расстаются. По обычаю, чашка наполняется три раза подряд. Настоятель был высоким костистым парнем, одетым в сомнительной чистоты красное платье без рукавов. Его необычайная любезность компенсировала скромность стола. Он подробно рассказал мне о монастыре, о монахах, которые раз в году на целый месяц приходят в Рингдом из самых отдаленных горных мест. На равнине вокруг болот монахи держали огромное стадо яков. Но масло в чае было столь отвратительно, что я с трудом пил это пойло.

Местные празднества — Невне — продолжались уже третий день и к вечеру должны были достигнуть своей кульминации — в этот момент в большом дворе монастыря поднимут новые молитвенные флажки. Одновременно паломники получают благословение, и им раздадут священные красные хлебцы из ячменя, украшенные растопленным подкрашенным маслом.

Пока мы беседовали, в слабо освещенную кухню заглядывали любопытные, заинтересовавшиеся иностранцем, владевшим их языком. Я же через открытую дверь наблюдал за кружением толпы около чхортена, за женщинами в ярких платьях.

Отвратительный чай настоятеля порядком надоел мне, и я вернулся во двор, где женщины, собравшись в углу, приступили к трапезе. Мужчины от нечего делать смотрели, как с пронзительными криками играют дети — у многих из них за спиной сидели младший братишка или сестренка, но и они не отставали от своих друзей в опасных занятиях, в которых лишь детям хва-

тает ловкости не сломать себе шею. Одни стояли на самом краю высокой террасы и заглядывали вниз, другие взбирались на святой чхортен, третьи спихивали друг друга с лестниц — вся эта живописная суетливая толпа словно сошла с полотен Брейгеля.

К сожалению, спектакль был испорчен появлением швейцарцев, которые пешком добирались от Пакарачика, где расстались с джипами. Местные жители не проявили ни малейшего любопытства к этим странно одетым европейцам в громадных горных очках, которые в упор расстреливали всех и каждого из своих фото- и киноаппаратов, не понимая издевательских шуточек, которые отпускали по их адресу девушки.

Зная «тайны» буддийских церемоний, я незаметно покинул центральный двор, где находились туристы, и направился в небольшую пристройку. Там уже сидело множество людей навеселе. В низком помещении стоял громадный медный чан с местным пивом — чангом, который щедро разливали в десятки протянутых чашек.

Чанг, который на Западе называют «ячменным пивом», не имеет себе равных среди напитков. Поскольку он очень питателен, то можно сказать, что это идеальный напиток. Он слегка пьянит, но никогда не вызывает тяжелого похмелья, сколько его не выпей. Когда приезжаешь сюда из непьющей Индии или мира сухого закона мусульман, душу заливают радость, что встретил людей, имеющих хоть одну слабину. А кроме того, как приятны дружеские беседы, когда у отведавших райского напитка развязываются языки.

Рискуя шокировать пуритан, добавлю, что самые святые из гималайских лам без труда отличат хороший напиток от плохого и ни одна церемония, ни один религиозный праздник не обходятся без того, чтобы у ворот монастыря не потчевали чангом. Некоторые общины имеют священные поля, где произрастает ячмень, из которого варят пиво для религиозных празднеств. По вкусу хороший чанг напоминает апельсиновый сок и не может не понравиться европейцу. В каждой деревне есть опытный пивовар. Лучшие «марки» пива можно отведать в глубине Гималаев, напитки отличаются от дома к дому, от долины к долине. Я сравнивал чанг Рингдома с «Кло Вужо» и радовался от предвкушения того, что придется отведать еще в Заскаре...

Счастливый и немножко навеселе, я наслаждался весельем толпы. Во дворе на высоком древке подняли новые молитвенные флажки; затем паломники получили благословение и небольшие полоски кожи, которые повязали вокруг шеи. Я уже обзавелся друзьями, но настало время распрощаться с монастырем, настоятелем и толпой.

...Нордруп ждал меня, сидя у палатки. Он не знал, что предпринять. Его беспокоила судьба товаров, оставленных у сломанного грузовика. Кроме того, ему не удалось отыскать своих пони, но он раздобыл трех других и собирался наутро отправиться в путь вместе со мной.

Я был на ногах с самой зари, удивляясь тому, с какой легкостью встаю вместе с солнцем. Швейцарцы разбили свой лагерь у небольшой деревни, метрах в восьмистах от моей палатки. Я решил навестить их, тем более что мой надувной матрас прохудился, а я не запасся клейкими заплатами. Меня не устраивала перспектива спать на голой земле или накачивать матрас ночью каждые три часа.

Солнце еще не прогрело воздух у дна долины, и я добрался до их лагеря, продрогнув до костей. Там царил хаос. Ночью прорвало плотину небольшого ирригационного канала, и вода затопила палатки. Швейцарцы с недовольным видом занимались сушкой промокших спальных мешков, и их совершенно не интересовал мой прохудившийся надувной матрас. К тому же заплаток и у них не было. Я ушел не солоно хлебавши. Больше с этими бравыми путешественниками мне встретиться не доведось. Потом узнал, что они не смогли раздобыть вовремя пони и поэтому не попали в столицу Заскара.

Обещанные Нордрупом лошади так и не появились. Его планы, похоже, в очередной раз потерпели фиаско, но я с удовольствием констатировал, что он не относится к тем людям, которые теряются в затруднительной ситуации. Он перехватил караван, идущий в нужном направлении, и договорился, чтобы мне предоставили четырех пони и пятидневного жеребенка. В десять часов утра я с моими новыми друзьями повернулся спиной к Рингдому, к грузовикам и проложенным дорогам и ступил на тропу, ведущую в неисследованный край, обозначенный на карте штриховой линией...

Так называемая большая литература стыдливо избегает говорить о натертостях от седла и водяных пузырях на ногах, но обходить их молчанием не стоит. Не следует забывать и об индивидуальном норове каждого пони, готового в любой момент куснуть или лягнуть вас, хотя эти лошадки выглядят хрупкими по сравнению с крепкими гималайскими пони Бутана. Таковы основные прелести этих путешествий, скорость и расстояния которых измеряются каплями пота в час, падениями животных, синяками от ударов о камни, пропитанными водой башмаками и вывихнутыми лодыжками.

Первые два или три километра, пройденные позади пони, за которыми весело трусил жеребенок, были сказочными.

— В Заскаре, — говорил мне Нордруп, — мы не привыкли к лошадям и в основном используем ослов и цзо (помесь коровы с яком). Только у гьялпо (князя) были лошади. Но в последние годы, с появлением дороги в Каргил, мы все чаще отправляемся туда и покупаем себе пони.

Мы шли рядышком, и он рассказывал, что жители Заскара редко бывали в Каргиле до постройки дороги до Рингдома. Я узнал также, что заскарцы почти не покидают своей долины, а небольшой торговый обмен с Лахулем и Кулу осуществляется

по тропе через Главный Гималайский хребет, где лошадям не пройти.

— Ходили ли вы в Южную Индию через перевал Шинго-Ла? — спросил я Нордрупа.

— Конечно, несколько раз.

Я задал этот вопрос несмотря — мысль о возвращении иным путем стала наваждением, и мне хотелось перейти через Главный Гималайский хребет у отрогов на крайнем юге княжества.

Я сознавал непомерную трудность такого проекта — триста километров в поднебесье по высочайшей равнине, лежащей на высоте не менее трех тысяч семисот метров над уровнем моря, было «белым пятном» в моем Атласе. Перевал Шинго-Ла расположен на высоте более пяти тысяч метров. Такое путешествие дало бы возможность ознакомиться с самыми отдаленными уголками заскарского княжества.

— Не совету ю переваливать через главный хребет, — сказал Нордруп. — Это длинный и опасный путь. Проще вернуться той же дорогой.

Пока тропа была легкой, но уже давали себя знать первые признаки высокогорья. Хорошо еще, что я изредка мог садиться на пони, хотя это средство передвижения было далеко не идеальным. Пони не привык возить людей, а деревянное седло было весьма неудобным, несмотря на ковровые подстилки.

Мы шли вверх по плечу отрога, оставив внизу обнаженную долину, усыпанную галькой, по дну которой петлял пенистый поток — его питали два ледника, устилавших склоны величественных пиков. Сильно затемненные стекла очков задерживали ультрафиолетовые лучи, их интенсивность на этой высоте (мы поднялись на четыре тысячи триста метров над уровнем моря) была опасно велика. Сквозь прозрачный воздух различались малейшие детали гор, словно они лежали в нескольких метрах от меня — каждый камешек, каждая скала, каждый водопад. Полное отсутствие дымки приближало самые далекие вершины. Высооченные пики казались приплюснутыми, наполовину обрезанные горизонтом, и, пока мы шли, некоторые из них исчезали, а другие выплывали нам навстречу то как океанские суда, то как застывшие валы каменного моря.

У одного из юных владельцев пони была небольшая собака, гонявшая невидимых зверьков, которые посвистывали, общаясь друг с другом. Резкие крики производили десятки сурков, которых спугивала собака. Сурков становилось все больше. Иногда я успевал заметить одного из них — он сидел на задних лапках, следил за нами, не спуская глаз, и лишь в последнее мгновение нырял в нору. Мне так и не удалось приблизиться к ним, чтобы сфотографировать хоть одного зверька. Сурков, рыжих грызунов размером почти с лисицу, я видел в Гималаях впервые. Их норы заметны издали по небольшому холмику земли, который образуется во время рытья. Тибетцы зовут их «фюи», что хорошо соответствует их посвистыванию. Эти крупные грызуны питаются

Высокогорными растениями и их корешками все лето, когда территория освобождается от снега. Сурки, наверное, набивают свои норы запасами, иначе сомнительно, чтобы они могли выдержать десятимесячную зимовку без еды. Их свист провожал нас на всем пути к перевалу, который, казалось, возвышался над миром.

Вдоль тропы росли эдельвейсы, чуть-чуть крупнее по размеру, чем в наших горных краях.

Заскарцы, как и другие гималайцы, разжигают огонь, ударяя по куску кремня или горного хрусталя металлическим предметом так, чтобы искры падали на сухие лепестки эдельвейса или высушенные растертые листья чертополоха. Меня всегда восхищала легкость, с которой можно добыть огонь при помощи куска кремня... Но результатом моих потуг были лишь сбитые кончики пальцев.

К середине дня мы остановились перекусить. Нордруп с двумя спутниками развели костер из кизяка. Когда вода вскипела, они бросили в нее листья чая, соль и масло. Затем каждый из троицы насыпал в кипяток по горсти ячменной муки из собственных запасов. Они с большим удовольствием поели этого варева.

Мне не часто доводилось видеть, чтобы гималайцы пили холодную воду. Они считают, что это вредно для здоровья. Я же, утомленный ходьбой, с удовольствием напился свежей и кристально чистой горной воды, съел несколько галет, банку говяжьей тушенки и крепко заснул. Но вскоре Нордруп разбудил меня, мы оседлали пони, навьючили на них корзины с провизией и мешки. Охваченный жалостью к своему пони и к... болезненно ноющим ягодицам, я двинулся дальше на своих двоих. Все сильнее ощущалось воздействие высоты; сердце колотилось часто, дыхание было тяжелым, а голова гудела от усталости.

К югу тянулась громада Главного Гималайского хребта — десятки вершин, вздымающихся на головокружительную высоту и разделенных перевалами, самый низкий из которых лежал на высоте не менее шести тысяч метров над уровнем моря, иными словами, куда выше, чем мог подняться неподготовленный путешественник. Эти перевалы вели к долине реки Чинаб, которая отделялась хребтом пониже от реки Сатледж. Еще дальше к югу тянулись низкогорные равнины Индии, жаркие земли, на которые периодически обрушиваются ливневые муссонные дожди; то был иной мир, мир тропиков, отделенный от нас невероятно высокой стеной гор. Глянув на восток, я различил перевал Пенси-Ла, к которому мы поднимались. Подъем был здесь пологий, если сравнивать с крутыми тропами, проходящими по изъеденным эрозией южным склонам Гималаев.

Полная обнаженность перевала поражала — то была унылая ледяная тундра, кое-где волнистая, и она мне казалась нескончаемой. Двое суток ходьбы и ни одной деревушки — этим можно было измерить степень изолированности Заскара. Эта дорога,

хотя и представляет собой самый удобный путь в княжество, восемь месяцев в году завалена непроходимыми снегами.

Мы продолжали подниматься вверх, и вскоре я заметил большое стадо горных баранов и коз, которые щипали скудную траву на пропитанном талой водой пастбище. Мне с трудом верилось, что именно эти тощие козы дают всемирно известную шерсть — кашемир. На самом деле кашемир изготавливается не из грубой шерсти этих коз, а из тонкого слоя их шелковистого подшерстка, который стригали тщательно отделяют от длинных жестких шерстин.

Как ни странно, но название этой шерсти, которую получают от гималайских коз в Ладакхе, Заскаре и Тибете, происходит не от этих районов, а от страны, где ее ткут. В долине Кашмира бараны и козы встречаются исключительно редко.

Пастух, охранявший стадо, был балти из долины Суру. В Европе профессия пастуха ассоциируется с неким мирным пасторальным романтизмом. А здесь пастух — воин и должен защищать свое стадо от голодных волков и снежных барсов.

Миновав пастбище, мы вышли к куче камней, в которой торчали желтые, голубые и белые молитвенные флажки с изображениями лошадей или с начертанными изречениями из священных тибетских книг. Эти флажки предназначались богам, у которых испрашивалась удача в путешествии. Мы достигли вершины Пенси-Ла, даже не заметив этого, поскольку оказались на некоем подобии плато, которое тянулось на многие километры.

Нордруп сказал мне, что перевал был границей, где начинались пастбища Заскара. Итак, я наконец ступил на земли края «белой меди». Моя радость казалась чрезмерной, и скупая красота окружающей местности могла согреть душу только мне. На несколько километров тянулась ровная поверхность, однако я заметил линию водораздела. Мы прошли мимо трех разноцветных бессточных озер. Солнце медленно опускалось к горизонту. Его лучи приобрели золотисто-желтый цвет, но они были еще так жарки, что вполне могли обжечь обнаженную кожу!

Ночь почти уже наступила, когда я увидел вдали зеленую массу ледника, чьи растрескавшиеся волны плыли далеко под нами. Местность, по которой мы шли, находилась под прикрытием высокого хребта, в так называемой дождевой тени. Сюда не проникали влажные ветры, поэтому и не могли образовываться ледники.

Несколько километров мы шли по горному плато, а потом тропа резко пошла вниз вдоль обрыва и уткнулась в первые морены ледника, который мы видели сверху. Мы решили разбить здесь свой лагерь. Я продрог от холода и поспешил поставить палатку, пока Нордруп собирал топливо для костра — кизяк и ветки кустарника. Потом мои спутники улеглись спать на открытом воздухе, соорудив из седел и багажа полукруглое убежище от ветра.

Утром я разжег примус и быстро сварил чашку шоколада, которую выпил с несколькими галетами. Из моей палатки были видны обожженные солнцем лица людей, сидящих вокруг маленького костерка. Их голоса доносились сквозь рев далекого потока. С трудом улавливался смысл их разговора, поскольку я еще не свыкся с заскарским диалектом, который был ближе к тибетскому, чем к ладакхскому, а кроме того, содержал множество архаических выражений, неизвестных в Тибете.

Кто-то затянул фальцетом мелодичный мотив, похожий на тибетские любовные песни. Молодой человек пел о небе, звездах и красоте сказочных дев, живущих в далеких озерах. Позади сидящих у костра людей светился ледник, а в небе мерцали необычно яркие звезды.

Меня по-прежнему мучило ожидание неизвестности. По словам Нордрупа, если мы прибавим ходу, то через два дня будем в деревне Тхунри, где живет его брат. А пока я запрещал себе строить более определенные планы. Правда, у меня возникло намерение оставить в деревне обоих спутников, а самому отправиться на встречу с князьями Заскара, о которых не раз упоминал Нордруп. Хотел познакомиться с ними поближе, а завоевав их доверие, расспросить поподробнее об истории страны.

Наутро я проснулся, клацая зубами, и приготовил чай, которым угостил Нордрупа и обоих владельцев пони. Мы с трудом отыскивали животных, которые за ночь отошли далеко в сторону от лагеря. Их опять пришлось седлать и навьючивать — долгая и скучная работа, которую предстояло повторить в полдень. Вьючные лошади ходят медленнее, чем мулы, а мулы куда медлительнее верблюдов. Но самые неторопливые животные — яки. Человек — наиболее быстрое из животных на долгих переходах, за исключением, может быть, только слона. Повторяю, я говорю о больших расстояниях и ходьбе нормальным шагом. Самое главное при путешествии с лошадьми или мулами — необходимость давать им несколько часов отдыха на пастбище. Продвижение вперед зависит от наличия пастбищ. Яки, будучи жвачными животными, могут за час наестся на целый день и идти, постоянно жуя. В Заскаре, к сожалению, нет мулов, которые и ходят быстрее, и чувствуют себя в горах куда увереннее, чем пони. Надо отметить, что заскарские ослы столь крохотны, что их невозможно скрестить даже с самым маленьким пони.

Под звон колокольчиков и перестук корзин и мешков мы спустились по тропе до пенистого потока, несущегося с Заскарских гор, и перешли его вброд. К моему удивлению, жеребенок перебрался через реку без посторонней помощи. Мы выбрались на почти плоскую высокогорную долину, окаймленную величественными вершинами по обе стороны от нас. Полоска голубого неба между ними нависала над верхней частью Заскарской долины.

Нордруп сообщил, что мы находимся в провинции Стод (Верхняя), одном из четырех районов Заскара. Три из них рас-

полагаются как спицы колеса вокруг центральной провинции Джунг (что означает «центр»), которая лежит на равнине, где сливаются две реки. После слияния эти реки образуют основную водную артерию Заскара, уходящую на север по узкому глубокому ущелью. Нордруп рассказал мне о четырех провинциях: в трех из них главенствовали знатные семьи, подчинявшиеся князю Падума, а северная провинция формально находилась под управлением княжеского рода Зангла.

Я пока не понимал, каким образом строились взаимоотношения между двумя князьями. Были они соперниками или друзьями? Ясно одно — поскольку их имена часто упоминаются в разговорах, они играют важную роль в жизни страны.

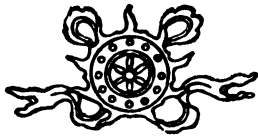
Я надеялся выведать подробности у Нордрупа, но после перехода вброд еще одной речки мы встретились с новым караваном. Его вели молодой монах и подросток в платье из темно-красной грубой шерсти.

Оба каравана остановились, и я, воспользовавшись этим, уселся на землю, чтобы передохнуть. Я не сразу заметил, что люди разгружали наших пони. Нордруп объяснил мне, что он возвращается в Рингдом за своими товарами вместе с лошадьми, которыми я пользовался, а я продолжу путешествие на пони его приятеля Лобсанга, молодого монаха из встречного каравана.

— Эй! Погоди! — воскликнул я, чувствуя подвох. — Мы же договорились с тобой об оплате? Что означает твой отказ?

Я был взволнован, поскольку надеялся на его хорошее знание тибетского языка, чтобы наладить общение с людьми, говорящими на местном диалекте, а также на его ученость — он умел читать и писать, что облегчило бы мне изучение истории княжества. А теперь меня передавали на попечение совершенно незнакомого человека. Я был готов отвергнуть новый договор, но по-детски обаятельный Нордруп тихо и вкрадчиво уверил меня, что вернется через трое суток и я могу подождать его в доме брата, в Тхунри. Он прибудет туда на следующий день после меня, а я меж тем смогу пока посмотреть традиционные состязания лучников, которые не должен пропустить ни под каким видом.

Он добавил, что они с Лобсангом вроде братьев, что его друг несколько раз бывал в Тибете и обучен грамоте лучше, чем он сам. Лобсанг вежливо улыбался, слушая этот поток комплиментов. Продолжая злиться на Нордрупа, я был вынужден согласиться на все, тем более что мой багаж уже был навьючен на других пони. Вскоре Нордруп удалился, помахав на прощание рукой и не требуя платы за свои услуги. Я не был уверен, что увижу его еще...

КРАСНЫЕ ШАПКИ, ЖЕЛТЫЕ ШАПКИ И ГОЛУБЫЕ МАКИ

Нордруп отличался одновременно дерзостью, прямоотой, непостоянством и... энергичностью, а Лобсанг, как я вскоре узнал, был полной противоположностью ему. Он был немногословен, медлителен, лоялен и, к счастью, как и его друг, никогда не терял доброго и шуточного расположения духа. Они и в самом деле походили на братьев и очень редко расставались друг с другом. Лобсанг рассказал мне, как они с Нордрупом работают. Несколько лет подряд, в начале зимы, перед тем как снег завалит перевалы, они вместе отправлялись в Южную Индию и после трех суток езды по железной дороге добирались до штата Майсур, где в лагере выходцев из Тибета учили детей тибетскому языку. Поскольку Майсур отделяет от Заскара расстояние в две тысячи километров, я отдал должное их предприимчивости. Позже узнал, что они совершали и более далекие путешествия, принесшие им славу в Заскаре. Будучи бродячими монахами, они исходили вдоль и поперек весь обширный мир Гималаев. Побывали в Бутане, Непале, а также Лхасе и Калькутте; монастырь поручал им закупать золотые чернила для написания священных текстов, краски для фресок и прочие товары, как, например, колокольчики и ритуальные барабаны.

Рассказы об этих походах вселили в меня уверенность, что Лобсанг окажется интересным попутчиком.

Целый день мы шли по пустынной местности, преодолевая склоны, покрытые каменными завалами и моренами, которые иногда из края в край перекрывали долину. Изредка попадались стада яков и убогие пастушьи хижины.

К вечеру начался подъем над рекой. Неожиданно мое внимание привлек небольшой цветок, растущий рядом с тропой. То был голубой мак, редчайшее растение, который я искал давно, но ни разу не видел за все восемнадцать лет скитаний по Гималаям. Голубые тибетские маки — предмет зависти любого ботаника.

По всем своим признакам этот цветок и его листья идентичны (по крайней мере для профана) красному маку наших лугов. Но четыре его лепестка горят ярко-голубым цветом и при некотором освещении дают пурпурные блики. Его тычинки и пестик имеют желтый, а не черный цвет. Я нахожу его более красивым, чем наш европейский мак. Ученые называют его *Meconopsis Horgidulae*, но мне кажется определение «ужасный» может относиться лишь к его стеблю, обильно усеянному шипами.

Этот цветок показался мне добрым предзнаменованием. Вскоре мы оказались у перевала, над которым высились башня

и руины небольшой крепости Ра-Дзонг. У подножия этой крепости, некогда защищавшей западные ворота княжества, тропа начала огибать отрог горы. Мы вступали в обитаемую часть Западного Заскара. Передо мной лежала провинция Стод. Вскоре показались домики первой деревни, Аршо.

Деревушка лепилась к узкому горному карнизу на другом берегу реки, которая из-за таяния снегов вздулась и разлилась слишком широко, чтобы перейти ее вброд. С противоположного берега реки я различал лишь полдюжины бедных домиков, сложенных из глиняных кирпичей. Над террасами, заваленными вязанками хвороста, развевались молитвенные флажки. Именно в этой деревне жил сопровождавший нас подросток. Чтобы попасть домой, ему надо было идти с нами до единственного моста через реку в Тхунри, куда направлялись и мы.

То, что выглядело небольшим пятном на карте, наконец воочию открылось моим глазам. Сердце радостно забилося. У моих ног расстилалась обширная, почти ровная долина, окаймленная хребтами; языки стекавших с них ледников словно слизывали с равнины громадные морены.

Я начал понимать, почему Заскар иногда называют «открывшейся страной». Жизнь на такой высоте и в таких суровых условиях выглядит неожиданной и сказочной. Эта долина, расположенная выше границы распространения деревьев и укрывшаяся за стенами высочайших гор Земли, как бы свидетельствовала, что Заскар и есть затерянный мир моей мечты. Воткнув голубой мак в шляпу и подгоняя пятками гнедую лошадку, трусившую в голове каравана, я вглядывался в бесконечную панораму гор на «крыше мира» и предвкушал необычайные приключения в глубине забытого края, который я так долго искал.

Эту ночь мы провели на краю небольшого поля деревни Чибра, первые шесть или семь домов которой видели с правой стороны верхней долины Заскара.

Я наскоро перекусил, съев консервированный суп и галеты и закусив диким зеленым горошком, который собрал Лобсанг. Пока я раскладывал спальный мешок в палатке, начал накрапывать дождь, а затем разыгралась буря и едва не вырвала колышки палатки. Лобсанг со своим помощником, прижавшись друг к другу, спрятались за стенкой из булыжника, седел и багажа.

Утро выдалось холодным и мрачным; тяжелые облака крышей нависли над долиной. Мы брели по густой траве, пока не добрались до деревни Абринг. Она состояла примерно из трех десятков домов с прорезанными кое-где узенькими оконцами. В этой части страны стены домов известью не белят. Поэтому они имеют грязный серо-коричневый цвет, но часто их украшают красными треугольниками и другими узорами. Вокруг домов лежат небольшие орошаемые поля с нежно-зелеными стеблями ячменя. В провинции Стод, расположенной на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря, нет ни деревьев, ни кустарни-

ков. Здешние деревни, наверное, относятся к самым высокогорным человеческим поселениям. Позже я посетил в Заскаре деревни, лежащие еще выше — они побили все гималайские, если не мировые рекорды.

Река Стодчу (Верхняя река), вдоль которой мы шли, превратилась в бурный поток шириной около пятнадцати метров. Она делила равнину надвое. Мы миновали еще пять деревушек, лепившихся на горных карнизах, пока не добрались до большого села Пхе, перед въездом в которое высился чхортен; как почти все чхортены в Заскаре, он не имел заостренного шпиля, характерного для этих памятников. Объяснялось это тем, что шпили вырезались из ствола дерева, а местным крестьянам в безлесной местности такое дерево нигде достать. Поэтому чхортены здесь не имеют шпилей.

Ни в одной из одиннадцати деревушек, через которые мы прошли в тот день, я не видел ни одного человека, одетого в европейское платье. Все — и мужчины и женщины — были закутаны в одежды из грубой шерсти вишневого или желтого цвета. Несколько раз нам встречались небольшие стада ослов и яков, поднимающихся вверх по долине к пастбищам под понукания пастухов-стариков и детей. Один из малышей подарил мне букет диких цветов. В Пхе я увидел первый монастырь. У меня не хватило сил посетить это небольшое здание — я еще не полностью акклиматизировался и не привык к двенадцатичасовым переходам по трудной местности.

Силы мои были на исходе, когда Лобсанг указал на видневшуюся вдали деревню Тхунри, где жил брат Нордрупа. Я надеялся переночевать и провести там по возможности два или три дня.

Хотя деревня четко различалась, шли мы до нее несколько часов. Миновали Гугутет-Гомпа — монастырь, возведенный на обрыве высоко над тропой. Некоторые его помещения выдолблены в скале рыжего цвета. У подножия монастыря лежит удивительно красивая деревенька Ремала — белые домики, украшенные охряным орнаментом в окружении лугов, на которых густо растут незабудки, эдельвейсы, голубые примулы. Лобсанг сорвал ветку с крохотными белыми цветами и дал мне отведать семян. То был альпийский тмин. Голубых маков я нигде не видел, они росли на больших высотах.

К вечеру долина стала шире, и в деревнях появились первые деревья, высаженные по берегам небольших оросительных каналов, по которым вода подводилась с гор на равнину. На этой высоте росли лишь тополя и ивы. Пышные ивовые ветви обрубают каждые три года, они служат топливом. А из стволов тополей строят дома. Когда ствол достигает определенной толщины, его спиливают примерно на метровой высоте от земли. Верхнюю часть пня обмазывают глиной, что вызывает буйный рост боковых побегов.

В последней перед Тхунри деревеньке я с приятным удивле-

нием наткнулся на красивый дом с садом, разбитым на нескольких сотнях квадратных метров, принадлежавший монастырю Карша. Такие «парки» — роскошь в Заскаре. Серебристо-серая листва ив напоминала рощу олив. Сквозь кроны струился легкий дрожащий свет. Впоследствии я хотел посадить во Франции около своего дома подобную рощицу ив, чтобы вспоминать об их редких собратьях, которые встречались мне в пустынных высокогорных Гималаях.

Была уже почти ночь, когда мы вошли в Тхунри. Тридцать или сорок домов сгруппировались над полями, которые террасами сбегали к реке. Миновав проход меж двух «молитвенных стен», выложенных из обкатанного булыжника и украшенных изречением: «Ом мани падме хум!» («Будь благословен, драгоценный лотос!»), я оказался у красивого дома, из которого вышел молодой человек в европейском платье.

— Предлагаю вам гостеприимство моего дома, — сказал он на ломаном английском языке.

— No thank you, — ответил я и добавил по-тибетски: — Укажите мне, пожалуйста, где живет Наванг Триле.

— Разве можно останавливаться в столь бедном доме, как жалкий домишко Наванга?! — удивился молодой человек, перейдя на тибетский язык.

— Наванг Триле — брат моего друга. А значит, он и мой друг, даже если он живет в пещере.

— Вы прекрасно владеете нашим языком! — воскликнул молодой человек, удивленный моей речью и слегка смущенный скрытым укором моей реплики.

Наш разговор слышали несколько крестьян. Они с уважением смотрели на меня и одобрительно поддакивали. Один из них отвел меня в дом брата Нордрупа.

У меня упало сердце, когда он указал мне на развалюху на окраине деревни.

Через несколько секунд появился молодой монах высокого роста. Это был Наванг. Своим круглым лицом, глазами-щелочками и приветливой улыбкой он немного напоминал брата. Я осведомился, могу ли остановиться в его доме на ночь, и добавил, что вскоре придет Лобсанг с пони и багажом.

— У меня небольшой дом, и боюсь, он вам не понравится.

С ним нельзя было не согласиться, и следовало бы отправиться на поиски более просторного жилища. Но ведь я уже в присутствии посторонних заявил, что остановлюсь здесь. Низенькая деревянная дверца вела в довольно темный хлев. Наванг взял меня за руку и по крутой лестнице повел наверх, на террасу. Еще одна низкая дверь вела с террасы в небольшую пустую комнату, где в глиняном очаге дымил несильный огонь. Эта комната была единственной в доме; остальные давно обрушились. Комната была сумрачной и задымленной, но в ней было тепло. Наванг явно смущался своей бедности. Я успокоил его и, скрестив ноги, уселся перед очагом, где пел чайник, как и в любом

гималайском доме. Наванг предложил мне чаю, и я достал свою деревянную чашку. Горячий напиток взбодрил меня и успокоил усталые мышцы — я прошел за день целых сорок километров.

Во время беседы с гостеприимным хозяином в комнату вошел человек пяти или шести лет, одетый в рваную шубу, сшитую из лоскутьев. По бритой голове я понял, что его готовят в монахи. Это был племянник Наванга и Нордрупа, родители которого жили в Падаме. Его прислали к Навангу обучиться чтению и письму и подготовиться к религиозной карьере.

Ребенок в лохмотьях казался жалким, но его серьезная и вежливая речь, а также сдержанное, исполненное достоинства поведение были трогательны. Как и его дядя, он лучился симпатией, и мы быстро сдружились.

Я допил чай, и в этот момент появился Лобсанг.

Мы приятно беседовали, сидя у огня, а мальчонка раздувал угли. Наванг рассказал, что здесь вскоре состоится большой праздник, завершающий трехдневный пост. В течение трех дней поста все должны соблюдать определенные религиозные правила: воздерживаться от половых сношений, не есть мяса, не пить алкогольных напитков, а также запрещалось что-либо брать, не давая ничего взамен. В последний день поста все получают благословение настоятеля Карши, одного из крупнейших заскарских монастырей. Следующий день как раз и был днем благословения. А еще через день жители примут участие в соревнованиях по стрельбе из лука, а затем начнется празднество, где чанг будет литься рекой. Все это живо заинтересовало меня, и я, поужинав, расположился на полу в хорошем настроении. Наконец-то я добрался до страны, где живут феи, и вскоре надеялся выяснить происхождение этой легенды.

После экспедиций в Бутан, Ладакх, в район Эвереста и Мустанг я понял, что Заскар — самый суровый край в Гималаях. Первые впечатления от пустынных, холодных и негостеприимных мест не вызывали восторга. Я только поражался тому, что человек может жить на столь неблагоприятной земле, которая одаривает население лишь камнями, снегом и льдом. Глядя на море заснеженных вершин и висячие ледники, я еще не мог уловить скрытого очарования этой страны. Когда я познакомился с ее мужественными обитателями, то понял, что Заскар не сообщество разнородных общин, а единое этническое целое с собственным языком, с общими традициями, с вековой историей.

Но все это я узнал позже. В первый же вечер передо мной стояла главная, хотя и тривиальная задача: как уберечься от блох?.. Незаметно, дабы не обидеть хозяина, я опрыскал инсектицидом свой спальный мешок и забрался в него в одежде. Уже засыпая, слышал, как Лобсанг рассказывает Навангу о чудесных вещицах в моем багаже: фотоснаряжении, примусе. Он добавил, что я «знаменитый путешественник», побывавший в Гималаях везде, кроме Лхасы. У моих ног посапывал мальчишка.

Все дома в Тхунри обращены фасадом к югу, опираясь задни-

ми стенами в усеянный камнями крутой склон. На этом склоне стоят чхортены, они обрамляют крутую тропинку, ведущую к бесленным известью зданиям монастыря. Когда утром я выбрался из задымленного жилища Наванга, жители деревни — женщины, украшенные драгоценностями, и мужчины в праздничном одеянии — уже направлялись небольшими группами к монастырю.

Меня поразила элегантность детских нарядов. На девочках были шафранные шапки, украшенные бирюзой, либо серебряными шпильками (признак богатства), либо цветами. Детишки крутились вокруг чинно ступающих родителей. Я присоединился к процессии.

Половина монастыря лежала в руинах. Вначале я проник в небольшую пристройку, а затем в молитвенный зал. Четыре старика монаха усадили меня. Узнав, что я владею тибетским языком, один из монахов с маленькой козлиной бородкой и в очках с круглой металлической оправой поведал мне, что большая часть его жизни прошла в Амдо, восточном округе Тибета, в шести тысячах километрах от Заскара. Заскарцы считают, что их народ происходит оттуда, а потому некоторые молодые заскарские монахи отправляются в Амдо на учебу.

Эта связь двух отдаленных краев кажется невероятной. Чтобы добраться из одного в другой, надо идти целый год, делая по двадцать километров в день. Позже во время путешествия я неоднократно встречал монахов, долго живших в Амдо, и они мне показывали предметы культа, которые подтверждали прочные связи между этими двумя отдаленными районами тибетской культуры.

Убеждение в том, что заскарцы когда-то жили в восточной части Тибета, породило такую легенду: молодой заскарец, путешествуя по Амдо, нашел громадное озеро. Из вод его вышла прекрасная принцесса. Они полюбили друг друга и родили множество детей. Поэтому жители Амдо и заскарцы — люди «одной кости» (мы говорим: «одной крови»).

Я просидел с монахами добрых полчаса. Они сообщили мне, что монастырь Карша принадлежал буддийской секте «желтых шапок». Принадлежность жителей любой деревни к той или иной секте легко узнать по цвету шапок девочек — они либо шафранно-желтые, либо красные. Секты отличаются друг от друга некоторыми ритуалами. Но не следует думать, что эти секты враждуют друг с другом, в Заскаре они часто сосуществуют в кумирнях и общих помещениях некоторых монастырей.

Все художественные ценности монастыря Тхунри состояли из двух статуй Будды, трогательных в своей наивности, и двух религиозных картин, подвешенных к плохо обструганным столбам, поддерживающим крышу. Поскольку я всегда ощущаю неловкость в странной атмосфере буддийских святилищ, то с несказанным облегчением покинул его.

Как ни странно, но буддизм, религия веротерпимости, жалости и сострадания, имеет среди второстепенных богов ряд крово-

жадных и жестоких полубогов и духов. Эти злокозненные божества заимствованы из индуистского пантеона и проделали в буддизме тот же путь, что и многочисленные суеверия и магические ритуалы древней шаманской религии Центральной Азии. В общем же буддисты Гималаев взяли из учения Будды лучшее — веротерпимость, доброту и умеренность.

Непоседливые по натуре, воинственные в душе и суровые по темпераменту гималайцы умеют подавлять свою импульсивность и быть добрыми и терпимыми даже по отношению к самым отталкивающим существам, будь то люди, животные или насекомые.

В Гималаях религия простыми доступными словами объясняет все природные явления — катастрофы, несчастные случаи, землетрясения и болезни. И жизнь становится более сносной, ведь всему находится свое объяснение, вполне удовлетворяющее разум человека.

Горечь, проистекающая от недовольства своей судьбой, столь характерная для человека Запада, неизвестна в Гималаях. Современный западный человек слепо верит статистике и ропщет против своей участи в случае несчастья, вместо того чтобы с улыбкой (так поступают гималайцы) принять судьбу как нечто неизбежное.

Такой духовный настрой помогает лучше понять беззаботность гималайцев по отношению к своей участи и смерти. Однажды мой друг Таши сказал: «Через девяносто девять лет все живущие сегодня умрут, так почему же следует бояться смерти?» Иными словами, смерть — естественное состояние вещей, и если ее воспринимать иначе, то человечеству придется жить в вечном страхе.

Спускаясь из монастыря, я охватил одним взглядом всю панораму деревни Тхунри. Обветшалые дома были непривлекательны. Узкие и плохо замощенные улочки петляли меж двух рядов печальных домов цвета сухой глины. Накрапывал мелкий ледяной дождик, более уместный в Бретани, чем в этой части мира. Все источало холодную меланхолию.

Вернувшись домой, я обсудил дальнейшие планы с Лобсангом и Навангом.

— Мне хочется посетить все четыре провинции Заскара. Надо побывать во всех деревнях, во всех монастырях и ознакомиться с обычаями страны.

Оба молодых человека согласно кивали головой.

— Главная проблема состоит в том, — продолжал я, — что мне нужны люди и лошади для перевозки багажа. Мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь из вас отправился со мной.

Я объяснил, почему меня не устраивало поведение Нордрупа: он менял свои планы ежедневно, и я не мог полностью положиться на него. Мои собеседники огорчились. Они разъяснили мне, что Нордруп был человеком слова, но товар, который он оставил после аварии грузовика, поставил его в трудное поло-

жение. Они внесли ясность, рассказав о сложности его дел. Отбыв из Заскара, он взял на себя ответственность за монастырских и деревенских лошадей и обязался сделать определенные закупки. Таким образом, он оказался опутанным целой сетью обязательств, сложность которых вывела бы из строя любой компьютер. Из врожденной любезности он не мог отказать мне в помощи, но другие обязательства оказались в данный момент более важными.

Я принял их объяснения и попытался заключить с Лобсангом более прочный договор. Я хотел, чтобы он с тремя пони сопровождал меня в путешествии по Заскару. Мы договорились об общей стоимости лошадей и ежедневной оплате его услуг.

Пока мы ели незамысловатое блюдо из риса, сваренное Навангом, появилось множество жителей деревни, они бесцеремонно усаживались рядом с нами либо у двери. Мой стальной мешок вызвал одобрительные восклицания и пространные комментарии, как, впрочем, и мои кухонные принадлежности, часы, рубашка и одежда. Их утварь и одежда вызывали у меня аналогичное любопытство. Я спрашивал, как называются их одежды, сшитые из грубой шерсти, которую ткут сами жители. Узнал, что в Заскаре женщины занимаются прядением шерсти, а ткачество — профессия исключительно мужская.

Со временем мне становилось яснее, почему Заскар был очень надежно защищен от каких-либо внешних влияний. Прежде всего край лежит далеко в стороне от торговых путей и не граничит со странами более высокой цивилизации. Он не имеет никакого коммерческого и стратегического значения. Власти Кашмира послали своего представителя в Падам, центр Заскара, всего за три года до моего прибытия. Мне говорили, что бедняга вскоре сбежал в страхе перед холодами и изоляцией от остального мира в зимние месяцы. Судя по пронизывающему холоду в ночь на 28 июля, я мог представить себе заскарские зимы. Следующий представитель властей прибыл еще через два года, на этот раз был подобран более мужественный и выносливый человек.

В полдень в монастыре состоялась большая церемония благословения. Сидя на каменном троне, настоятель Карши в островерхой шапке, облаченный в просторное желтое платье, наклонял священный сосуд над головой каждого жителя деревни; затем они падали ниц, чтобы получить «благословение долгой жизни». После этого подставляли ладони, пили из них освященный чанг и получали освященный шнур, который повязывали вокруг шеи.

Женщины стояли по левую руку от ламы, а мужчины — по правую. С террасы, где я находился, толпа женщин выглядела сверкающим морем бирюзы. Я прикинул, что на их головах около полутонны драгоценных камней. И это только в одной деревне! Такого сокровища я не ожидал увидеть в одной из самых бедных и обездоленных долин Гималаев.

Как замороженный, рассматривал я сотни задубелых и обожженных солнцем лиц, и каждое из них светилось энергией. Они с таким же любопытством разглядывали меня и обменивались комментариями о моей персоне. Я услышал замечания о странности моей одежды, о длине моего носа, о моих светлых глазах и лысине, чрезвычайно редкой вещи в Гималаях. Меня всегда удивляло, почему у тибетцев не выпадают волосы даже в весьма преклонном возрасте.

Теперь я лучше представлял себе заскарский «тип» населения. В среднем они выглядели мельче ладакхцев, у них были более широкие лица и резко выраженные монголоидные черты. В этом, вероятно, сказывалось этническое влияние Тибета, а также меньшее количество дардской крови, чем у жителей Ладакха. Такое мое мнение подтверждается и небезызвестными «Заскарскими хрониками» — единственным известным документом, посвященным истории Заскара. Он был записан в 1908 году благодаря стараниям местного ученого, посланного в Заскар миссионером доктором А. Франке, одним из пионеров изучения истории Ладакха и Западных Гималаев. Это рукопись из неполных двух страниц, в которой главным образом перечисляются доходы монастыря Пхуктал, расположенного в Восточном Заскаре, и рассказывается о его истории.

Автор манускрипта пишет:

«Во времена своего основания Заскар подчинился Кашмиру. Когда крепость Дрангце (на севере Ладакха) была захвачена кхампа (тибетцами), целая туча людей и лошадей пересекла весь край. В отместку вооруженная армия напала на владения Гугэ, и тогда все крепости Заскара были преданы пламени, а многие жители убиты. Их сменили люди, пришедшие из других мест, и край снова ожил».

По-видимому, долина, издавна населенная дардами и находившаяся под владычеством Кашмира, была опустошена и заселена тибетцами во время большой тибетской экспансии в середине VIII века. Это могло бы объяснить более «тибетский» облик заскарцев по сравнению с обитателями других гималайских районов — долины Суру или долины Инда.

Грубо говоря, есть два типа тибетцев: круглолицые, приземистые и худощавые люди с удлинненным лицом. Будучи весьма общим, это различие помогает разобраться во множестве этнических групп тибетского происхождения. Заскарцы несомненно принадлежат к первому типу.

Как и откуда они пришли? Ответ на этот вопрос я рассчитывал найти во время своего путешествия. Смогут ли оба князя, если согласятся принять меня, дать вразумительное объяснение по этому поводу? Кроме того, хотелось разобраться в их истинной роли в этом необычном княжестве.

Во время церемонии я заметил, что лохмотья племянника моего хозяина резко выделяются на фоне теплой и добротной одежды других детишек. Я решил купить ему платье, а вернее,

ткань, необходимую для пошива, поскольку готовой одежды в Заскаре нет.

Необходимое количество ткани рассчитать легко. Снимается лишь одна мерка — длина руки. Затем в штучке ткани шириной двадцать пять сантиметров откладывается тридцать этих мер.

Я сообщил всем, что хотел бы купить ткань, и вскоре крестьяне принесли в дом Наванга несколько рулонов ткани. Мне так и не удалось выяснить, почему здесь ткачеством занимались исключительно мужчины, ведь в большинстве стран этот труд не считается мужским. Может быть, это связано со сложностью ткацких станков, на которых они работают? Все ткани, которые я видел, отличались друг от друга. Они были плотными или редкими (в первом случае их обязательно начесывали).

В конце концов я выбрал рулон, длина которого раз в тридцать превосходила длину ребячьей ручонки. Мне хотелось доставить ребенку радость; я надеялся, что теплая одежда избавит мальчика от простудных заболеваний. Мой подарок был оценен выше, чем если бы я дал деньги, а малыш был растроган до слез. Должен признаться, что вначале цена ткани удивила меня, но потом, узнав, что изготовление пряжи и одного рулона ткани требует нескольких месяцев работы, понял, что высокая стоимость материи была вполне оправданна.

Меня немного заботило быстрое уменьшение наличных денег. В Заскаре не было банка, и мои чеки не имели никакой ценности. Я должен был уложиться в ту сумму, что привез с собой. Все мое состояние — десяток пачек новых купюр, каждая достоинством в две рупии, и несколько более крупных банковских билетов; разменная монета здесь встречается редко, а люди настолько не доверяют бумажным деньгам, что отказываются брать засаленные или потертые бумажки. У меня образовался приличный по объему пакет купюр, но это не шло ни в какое сравнение с двенадцатью килограммами серебряных монет, с которыми я скитался по Гималаям во время моего первого путешествия в 1959 году. Тогда крестьяне брали лишь звонкую монету.

Каким образом отрезанным от торговых дорог и замкнутым в бедной и пустынной долине заскарцам удавалось скопить деньги на покупку драгоценностей, которые носили их жены, было непонятно. В принципе эти люди должны были быть последними бедняками, а я наблюдал обратное. Только Наванг жил в развалюхе, оставшейся ему после смерти отца, но другие дома Тхунри были просторными, многие имели по восемь — двенадцать комнат...

В этот вечер, глотая дым от горящего в очаге кизяка и прижавшись друг к другу, мы долго говорили о назначенном на следующий день состязании лучников. А потом, убаюканный молитвами Лобсанга и Наванга, я уснул.

Когда проснулся, небо еще не просветлело. Мелкий, нескончаемый дождь нанес сильный ущерб крыше над комнатой, где

мы спали. Крыши заскарских домов состоят из слоя земли на ивовых ветвях, которые поддерживаются балками из тополя. Когда сухо, такая глинобитная крыша обладает твердостью обожженной керамики. Подобный строительный материал очень подходит для этого района, так как дожди здесь — большая редкость. Отсутствием дождей объясняются и плоские крыши без водостоков. Но после двух суток мелкого дождя сухая и пористая земля превратилась в грязное месиво, и вода по капле падала с потолка, смывая при этом сажу с балок. В момент пробуждения моя голова и руки почернели от грязной воды. Я замерз и был похож на клоуна.

Наванг опасался, что дождь окончательно размочит крышу и стены и остатки дома обратятся в руины. Встав ранним утром, он вышел на террасу и принялся бросать на крышу землю, чтобы замуровать дыры и укрепить кровлю.

Как ни странно, но гималайские строения, способные стоять веками, из-за одного сильного дождя могут «растаять» в одну ночь. Год моего путешествия, как, впрочем, и предыдущий год, был очень влажным. В иных краях дождь прошел бы незамеченным, а здесь он обернулся бедствием, угрожая домам, вызывая паводки, весьма опасные из-за одновременного таяния снегов. Тропы на дальние пастбища оказались перерезанными, так же как и дороги, соединяющие Заскар с внешним миром.

Покончив с ремонтом дома, мы напились чаю (я с сахаром, а мои друзья — с солью), потом отправились смотреть на последние приготовления к большому празднеству.

Как всегда, повсюду носились ребятишки, но сегодня в их прически были вплетены голубые и красные цветы, красиво обрамлявшие их мордашки. Сотни украшенных цветами ангелочков.

Я всегда любил детей, но особую нежность во мне пробуждают гималайские дети, дьяволята-проказники, шумливые и недисциплинированные. Они непоседливы, любят потолкаться, пошутиться, покричать, полазить по лестницам, спрятаться за дверь, заглянуть в окно. Они проводят в играх все время. Среди их игр есть игра в прятки, прыжки в длину с вершины довольно высоких скал. Некоторые часами играют в кошки-мышки, а другие — в шары, которые здесь им заменяет галька. Одна из игр напоминает кегельбан — ребятишки бросают в цель — деревянную кеглю, изготовленную ими самими, — камешки, стараясь сбить ее.

В Тхунри группа ребятишек играла в войну. По деревне протекал небольшой ручеек, через который был переброшен мостик — два чуть обструганных бревна. Две ватаги занимали противоположные берега и с силой бросали камни в воду, стараясь обрызгать «противника», помешать ему приблизиться к мостику и перейти на другой берег. По правилам обрызганный «солдат» выходил из игры.

ЛУКИ, СТРЕЛЫ И ПИВО

К полудню подготовка к празднику приняла лихорадочный характер. Мужчины воздвигли на берегу ручья мишени — две кучи камней в пятидесяти шагах друг от друга. Затем на откос каждой кучи уложили круг из черной кожи, а в центре его прилепили комочек глины — яблочко. На равном расстоянии от обеих мишеней, но вне зоны полета стрел был разбит большой шатер из белой ткани, обшитой голубыми лентами. Внутри шатра разложили большие прямоугольные подушки, а поверх настелили ковры. Земля вокруг шатра также была устлана коврами.

В два часа дня из монастыря спустилась процессия — впереди шел барабанщик, а за ним — цимбалист и два музыканта, усердно дувшие в некое подобие гобоя. Затем выступал староста деревни, отец того молодого человека, который приглашал меня пожить в его доме. Староста, самый богатый в районе человек, был настоящим великаном с громоподобным голосом: он на голову возвышался над самым высоким жителем деревни. В нем чувствовался прирожденный руководитель. В окружении «придворных» (его помощников и монахов) он с положенной ему властью отдал последние распоряжения.

Позади каменной ограды, защищавшей рощицу тополей, мусульманин из этнической группы балти забил и разделал козу, поскольку буддисты не имеют права убивать животных. Сидя вокруг шатра, мужчины смешивали цзамбу (поджаренную ячменную муку) с мукой из сушеного зеленого горошка. Затем они добавили в смесь чай и приготовили из этой массы тяжелые пироги в форме кирпичей. Откуда-то принесли три огромных медных чана. В них плескался чанг — несколько сот литров пива! Я был уверен, что публике не удастся выпить все это количество в один день. Сбоку на чаны повесили большие медные половники.

Двое мужчин срубили иву и отсекали ветви, оставив лишь несколько веток на верхушке. Ствол обвили темно-синей лентой, на которой черной тушью были написаны молитвы — их переписали с деревянных досок, хранившихся в монастыре. Затем мачту установили перед входом в палатку.

Когда все было готово, появились женщины из деревни Тхурри. Они сели на корточки спиной к каменной ограде, как бы продолжавшей заднюю стенку шатра. Мужчины сгрудились вокруг шатра, в котором заняли места несколько монахов, староста деревни и еще ряд местных должностных лиц, одетых в праздничные платья. Голову каждого мужчины венчал головной убор довольно странного вида, похожий на набитый шерстью

цилиндр. Они проверяли качество стрел, а небольшие луки грудой лежали у центрального столбика шатра.

Вдруг раздалось пение религиозного гимна — освящение праздника и сигнал к его началу. Мужчины и женщины извлекли из кармана на груди чашки и стали наливать в них чанг. Деревянные и серебряные сосуды наполнялись до края. По традиции каждый отпивал несколько глотков и вновь подставлял чашку: операция повторялась дважды, затем распорядитель перешел к следующему в очереди.

На коврах вокруг шатра сидели старейшие жители деревни — пятеро старцев с кустистыми бородками и морщинистыми лицами. Они пили чанг, на глазах веселели и несли какой-то вздор. Меня усадили рядом с ними, тут же заняли место несколько молодых людей. Стоило мне отпить глоток, как мою чашку торопились вновь наполнить. К счастью, чанг был просто великолепным. Я наслаждался от души и с каждым мгновением становился все счастливее. Спектакль был бы великолепным и без чанга — шатер, флаг, две мишени, бирюза женщин, мои почтенные соседи, которые поглощали пиво с хитрющим выражением глаз... и все это на фоне высоченных вершин, затянутых легкой дымкой.

Кто-то в толпе затянул песню. Лучники направились к одной из мишеней и натянули луки. В воздух взвилась туча стрел, многие из них пролетели мимо цели — толпа приветствовала первый залп свистом и радостными воплями. Лучники подобрали свои стрелы и все вместе выпустили их во вторую мишень. В соревновании не чувствовалось никакой организации. Лучники, среди которых были староста деревни и монахи, соперничали в неловкости. Отсутствие практики или избыток чанга? Им было далеко до чисто военной меткости бутанских лучников, которые попадают в яблочко с расстояния в сотню шагов. Толпа грохнула от хохота, и его эхо разнеслось по долине, когда с одной из мишеней собака содрала кожаный круг и, зажав его в пасти, унеслась прочь.

Чаны с чангом опорожнялись один за другим. Голоса становились все громче. К счастью, на закуску имелись пироги. Я стойчески набил себе брюхо этим клейким несъедобным тестом.

С этого момента мои воспоминания стали слишком смутными, чтобы пересказать последующие события с точностью ученого-этнографа... В одном я уверен — мой рот не закрывался, я хлопал по спинам новых друзей и выпил несметное количество чанга. Тхунри оказалась самой чудесной деревней в мире, а Заскар — самым гостеприимным княжеством Гималаев. Я произнес также тост за мрачный мир бетонных городов и загрязненной среды; какая-то непонятная ностальгия заставила меня все же вспомнить свою родину с чашкой чанга в руке. Если бы мои друзья увидели эту сцену, им стало бы понятно, почему, когда я на-

хожусь дома, на Западе, меня все снова неудержимо тянет в этот суровый мир гор.

Помню, что всю ночь напролет слышались песни. Наутро деревня вернулась было к мирному и тихому существованию, но тут вспыхнул скандал, не имевший ничего общего с последствиями бурного празднества. Один из жителей деревни предъявил претензии Лобсангу, пони которого потравил его ячменное поле. Обвинение было серьезным. Наказание должен был определить совет деревни. Лобсанг признал свою вину и заявил, что готов возместить убытки, но крестьянин не унимался и кричал, что дополнительно заберет пони Лобсанга себе. Переговоры продолжались долго. В конце концов я предложил внести солидный штраф, и мы, урегулировав конфликт, наконец смогли навьючить пони и тронуться в путь.

Лобсанг оказался полезным попутчиком, хорошо знающим свой край. Он называл мне все встречные деревни и монастыри, уточнял, к каким религиозным сектам они принадлежат, сообщал имена местных джемпо (начальников).

Когда мы покинули Тхунри и миновали деревню Транкар, долина стала шире. По ту сторону реки тянулась каменистая равнина, усеянная зелеными пятнами травы. Мы вступили в западную часть провинции Джунг. Вскоре долина превратилась в обширную равнину, похожую на дно высохшего высокогорного озера, окруженного со всех сторон обрывистыми горами. Перед нами была удивительно ровная местность, совершенно не похожая на тот высокогорный район, который мы недавно миновали. Мы покинули голую равнину с горными карнизами, на которых лепились деревни, окруженные террасами с полями. А теперь перед нами, насколько хватал глаз, расстилалась травянистая равнина. Деревни походили на россыпь игральных костей, брошенных на зеленый ковер. Эта цветущая равнина с изобилием воды, спрятанная за высочайшими гималайскими хребтами, не могла быть не чем иным, как краем, подаренным людям богами!

Вместо того чтобы спуститься на равнину, мы обогнули ее с севера, идя по тропе над рекой. Лобсанг показал мне рощицу деревьев, окружающих старейший монастырь княжества — Сани. Именно там в XI веке жили известный буддийский монах Панчен Наро и святой бодхисаттва (лама) гуру Римпоче, основатель ламаизма, известный также под именем Падмасамбхава. Я с сомнением заметил, что мне довелось посетить добрую сотню храмов и монастырей, где он якобы жил, некоторые из них находились в глубине Бутана, а другие — в противоположном районе Гималаев — Мустанге.

Ощувив мой скептицизм по отношению к монастырю Сани, Лобсанг бросил на меня укоризненный взгляд, подвел к небольшому чхортену, утыканному молитвенными флажками, сдвинул в сторону камень и с гордостью показал след человеческой ступни, отпечатавшейся в скале.

— Этот след, — сказал он, — оставлен гуру Римпоче!

Он добавил, что святой оставил отпечаток ноги, когда покинул монастырь и вознесся к месту своего затворничества — пещере, находившейся высоко над нашими головами. К удовольствию Лобсанга, я внешне выразил свою заинтересованность этим сообщением. Мне стало ясно, что ничего не добьюсь, если откажусь принимать все на веру без лишних споров. Было очевидно, что заскарцев не понять, если не видеть чудес и призраков там, где их видят они. Общение с людьми наладится лишь в том случае, если я тоже поверю в духов.

Обычно мне нужно не меньше недели, чтобы забыть о своих привычках рационального человека Запада и перестать искать объяснение каждой несуразности. Лобсанг со своей стороны считал смешной и нереальной скучную статистику, в которую слепо верим мы. Нам часто бывает затруднительно проверить некоторые факты, но мы в них верим. Так и я старался поверить в чудо отпечатка. В конце концов гуру Римпоче и Панчен Наро суть лица исторические, которые жили в IX и XI веках и способствовали распространению буддизма во многих районах Гималаев.

...Мы с Лобсангом часами подшучивали друг над другом. Чтобы не остаться в дураках, я уверял его, что у нас лошади несут яйца! И приводил в доказательство множество деталей так, что мой спутник начинал сомневаться, шучу я или говорю правду. Ведь многие наши обычаи казались ему столь неправдоподобными, что у него не было никаких оснований сомневаться в самых диких домыслах. К примеру, он не хотел верить, что мои соотечественники едят конину, лягушек и улиток. Это, по его мнению, было дурной шуткой вроде яиц, которые несут лошади. Французам очень трудно говорить в Гималаях с полной откровенностью, когда знаешь, что упоминание о рыбе как о возможной еде вызывает тошноту у большинства местных жителей.

К полудню, обогнув отрог холма, мы оказались перед гигантским естественным амфитеатром. На его склонах располагались четыре деревушки и несколько больших строений, стоявших в отдалении друг от друга. Этот амфитеатр прилегал к громадному пику, со склонов которого с ревом неслись потоки, разделявшие деревни. Издали приклеившиеся друг к другу домики походили на крепость. Меня снова поразила сдержанная элегантность гималайской архитектуры. Здания плотно сидят на скалистом основании, их белые стены слегка наклонены внутрь. Их единственное украшение — симметричные окна, обведенные черной полосой. Нигде на Востоке нет столь приятной глазу архитектуры, которая создается формой, а не украшениями.

Впервые за три дня выглянуло солнце. Через несколько часов, когда с моего носа, несмотря на толстый слой защитного крема, лохмотьями полезла кожа, я начал сожалеть, что непогода кончилась. Сидя на берегу реки, я разглядывал себя в зеркало... Мой нос, который и в обычном состоянии поражал своими размерами заскарцев, у которых вместо носов были курносые

пупочки, мог теперь напугать их. На моем лице торчал розовый блестящий нос, словно украденный у клоуна.

Мы остановились передохнуть на пастбище, которое пересекал быстрый прозрачный ручей. Лошади принялись щипать траву, а я сварил себе чечевичную похлебку. Увы, ни Лобсанг, ни Нордруп стряпать для меня не собирались... У Лобсанга не было ни желания, ни знания того, что может понравиться европейцу. Да и мне было неловко требовать от него, как от слуги. Мы подружились, и я надеялся, что он останется со мной до конца путешествия.

Деревня, у которой мы отдыхали, называлась Кончет; она располагалась на вершине крутой скалы и скорее напоминала крепость. Здесь жил старший брат Лобсанга. А сам Лобсанг занимал отцовский дом, который стоял в горах в нескольких километрах отсюда. Лобсанг объяснил мне суть древнего обычая «малых домов».

— Когда старший сын в семье женится, он автоматически становится дакпо, то есть владельцем отцовского дома и земель. Отец же отходит от активной жизни и удаляется в так называемый малый дом.

Я слышал, что подобный обычай существует в Мустанге, но в Заскаре он педантично соблюдается из поколения в поколение, и у каждой семьи есть два дома: большой дом, где может быть до пятнадцати комнат, и малый дом, который располагается либо по соседству, либо вдалеке от главного жилища. Таким образом, каждая деревня состоит из двух типов строений: просторных домов, где живет старший сын с семьей, и малых домов, куда переходят «родители-пенсионеры», старые тетки, бабки, неженатые дети, а также дети, ставшие монахами. Родителям выделяется несколько полей, которые они обрабатывают с помощью старшего сына и остальных родственников. Все они кормятся с этих наделов.

Когда я поел, то решил осмотреть Кончет, поскольку Лобсанг хотел, чтобы лошади пока отдохнули и набрались сил на пастбище. Отправился в путь я с одним мальчиком из семейства Лобсанга. Мы шли по берегу ручья мимо нескольких небольших водяных мельниц с горизонтальным колесом; струя воды направлялась на лопасти с помощью желоба из выдолбленного ствола дерева. Эта система проще, чем у европейских мельниц с вертикальным колесом, и больше походит на современные турбины. Местным жителям не надо преобразовывать вертикальное вращение в горизонтальное. С помощью этих мельниц они мелют муку из жареного ячменя для цзамбы. Ячмень является основной, если не единственной пищей всех гималайцев.

Мы миновали последнюю мельницу, и после этого мой гид заставил меня лезть вверх по крутому склону, чтобы добраться до деревни-крепости. У подножия первых домов тянулась каменная стенка с вырезанной на ней традиционной молитвой «Ом мани падме хум!». Некоторые камни были украшены рельефны-

ми скульптурами буддийских богов. На общем фоне выделялись четыре вертикально стоящих узких камня. Самый большой из них был, по-видимому, очень древней скульптурой многоликого божества. Я тщательно осмотрел ее и сфотографировал, чтобы впоследствии выяснить, каким периодом ее датировать и какое божество из буддийского пантеона она изображает.

Наконец мой юный проводник привел меня к дому брата Лобсанга, стоящему в конце узенькой улицы на вершине скалистого выступа. Хозяина дома не было, но позади жилища, спрятавшись от солнца, сидел и ткал красивый старик. Это был отец Лобсанга. Он с улыбкой посвятил меня в секреты своего ткацкого станка. Поскольку дерево здесь редкость, машина была собрана из крючковатых веток, и вся конструкция выглядела шафкой, но работала превосходно. Я мало смыслю в ткачестве, но думаю, что станок с четырьмя педалями для подъема и опускания нити основы был типа «жаккард». Челнок пробрасывался вручную. Отец Лобсанга ткал из шерсти-сырца, и у него получалась длинная полоса шириной в тридцать сантиметров. Эту шерстяную ткань, идущую для изготовления одежды, либо оставляли в естественном виде, либо красили в красный цвет с помощью вытяжки из каких-то растений.

Когда я вернулся к месту стоянки, Лобсанг уже оседлал и навьючил пони. От деревни меня сопровождала ватага ребятишек, для которых возможность поглазеть на одного из первых чужестранцев в этом краю была истинным развлечением.

Я сказал Лобсангу о своем открытии, и он сообщил мне, что в горах, слева от деревни, есть три большие древние каменные скульптуры. Я немедленно отправился туда, пока Лобсанг занимался доставкой нашего снаряжения к себе домой.

Я поднимался в гору по крутой тропе, и долина на моих глазах становилась все шире. Вскоре удалось различить вдали какие-то строения — позже мне сказали, что это Падам, центр Заскара. Слева, посреди равнины, торчал холм с крутыми склонами, увенчанный громадным чхортоном Пипитинг. Я собирался посетить эти места после того, как осмотрю северную провинцию Заскара, где жил старый князь Дзангла, отец того юноши, с которым мы столкнулись в долине Суру.

Я прошел мимо нескольких домов, окружавших большое здание, несомненно, поместье знатного человека. Позади этого хутора тянулась цепочка чхортонов, ведущих к небольшому, но, увы, запертому на замок монастырю. Большинство мелких монастырей и кумирен в Гималаях запираются пружинными замками, которые производят местные ремесленники. Они состоят из корпуса, внутри которого расположено несколько небольших плоских пружин, входящих в гнезда. Когда они находятся в расслабленном состоянии, то мешают язычку выйти из гнезда. Чтобы открыть такой замок, нужен особый ключ. Его вводят в отверстие сбоку замка, он, скользя, фиксирует пружины и освобождает язычок. Эти замки замечательно украшены, а ключи

чаще всего выполнены в форме чхортена. Замки очень надежны. Я привез несколько таких замков из путешествий и уверен, что они способны поставить в тупик самых ловких из европейских взломщиков.

Поднявшись выше, я оказался еще перед одной кумирней, также запертой на замок. Но открывшийся передо мной вид вознаграждал меня за все испытания. Я стоял на высоте трехсот метров над дном долины и любовался изумительной панорамой громадных заснеженных вершин Тибетского нагорья, а у ног моих расстилался Большой Гималайский хребет. Обширная равнина внизу и была Заскаром — затерянной долиной моей мечты. Во всех Гималаях нет более недоступного убежища, чем эта окруженная горами долина. В свете заходящего солнца блестели две сливающиеся реки, которые на севере исчезали в глубоком ущелье, окаймленном красными, зелеными и черными пиками. Этот райский уголок не имеет естественных выходов и находится под защитой самых неприступных гор в мире.

Около кумирни я встретил старца, который провел меня выше, к трем громадным камням высотой около двух метров. На каждом из них был рельефно изображен стоящий Будда. К несчастью, кому-то в голову пришла нелепая мысль «освежить» источенный временем барельеф. Однако было ясно, что эти камни очень древние и восходят, похоже, к VI веку нашей эры, то есть барельефы были созданы еще до заселения Заскара тибетцами. Сфотографировав камни, пошел по тропинке, ведущей в верхнюю часть деревни.

По пути я увидел группу женщин, которые засевали ячменное поле и при этом пели. Девушки не удержались от смеха, увидев необычное для них лицо европейца. А я расхохотался при виде их недоумевающих лиц — они растерялись, стоило мне заговорить по-тибетски. Я попросил разрешения сфотографировать девушек на фоне высоченных гор, а затем они с пением вновь вернулись к работе.

Чуть выше деревни проходил оросительный канал, по берегу которого я дошел до стоявшего в одиночестве домика Лобсанга. Если Заскар действительно край, где живут феи, то они явно облюбовали жилище Лобсанга. Сам дом и окружающий его пейзаж — сплошное очарование. Дом прилепился к склону высокой горы и стоит среди оазиса изумрудных полей, окруженных каменной пустыней. Поля пересекает ручей, который небольшим водопадом обрушивается с уступа рядом с домом, наполняя его приветливым рокотом. Три крохотных окошка со ставнями выходят на юг. Из них видны долины, усеянная кукольными деревушками, и далекая цепь гор.

Лобсанг вышел мне навстречу и пригласил на террасу, где вокруг квадратного отверстия в полу высились поленицы дров. Отверстие вело внутрь дома. Спустившись по крутой лестнице, мы попали в своего рода летнюю гостиную, нечто вроде внутреннего дворика, где нас ждали три крестницы Лобсанга. Я увидел

их еще с террасы — они сидели в полумраке, и лишь изредка пламя вспыхнувшей в очаге ветки выхватывало из тьмы одну из них.

Вначале Лобсанг представил меня Иби, своей двоюродной бабушке, крохотной, хрупкой и сухонькой женщине, она была так воздушна, что походила на призрак. Затем пришел черед Аниче, самой старой из его двоюродных бабушек, высокой крепкой женщины воинственного вида, и двоюродной тетки Аничунг, на чьем улыбающемся личике сверкали два крохотных черных глаза. Она, прихрамывая, суежилась у очага, ни на секунду не останавливаясь, раздувала и поддерживала огонь, жонглируя кастрюлями и чугунами.

В доме Лобсанг лишался всей своей властности и превращался в любимого дитяню трех обожающих его древних теток. Ведь он был монахом, святым — их гордостью и радостью.

Иби, очень старая женщина, стоявшая на краю могилы, была истинной душой дома. Быстрая, пылкая, наделенная незаурядным чувством юмора, она быстро сделала меня мишенью своих шуток.

Позже Лобсанг подробно рассказал мне о жизни этой своей двоюродной бабки. Она овдовела в двадцать три года и занялась коммерцией, занятием совершенно необычным для молодой красивой женщины. Но самым удивительным был диапазон ее путешествий.

— У нее, конечно, были дружки, — говорил, подмигивая, Лобсанг, — во всех местах, где она бывала. А ведь она жила и в Калькутте, и в Лхасе, и в Бутане, куда навевывалась каждые два-три года. Она постоянно была в движении, занимаясь торговлей. Она специализировалась на религиозных предметах, украшениях и тканях для кумирен, там покупала, здесь продавала, в частности закупала краски, тушь и бумагу для монастыря Карша.

Иби была теткой отца Лобсанга. Ей исполнилось восемьдесят два года, и мне с трудом верилось, что она еще в годы британского владычества отваживалась покидать безопасный дом в диких горах и предпринимать путешествия за тысячи километров вплоть до Калькутты. Из Дарджилинга она добиралась до Гангтока, столицы Сиккима, затем, перейдя через перевал Нату-Ла, оказывалась в долине Чумби, а оттуда доходила до Шигатзе, а затем до Лхасы.

Самая крупная и печальная из теток, Аниче, в свое время развелась с мужем. Она, как сказал Лобсанг, была довольно богата и носила прическу с крупной и очень красивой бирюзой. Ее украшения были ее приданым. По заскарским обычаям, при разводе приданое остается у жены. Развод в Заскаре — довольно распространенное явление. Все происходит мирным путем. Если у разводящихся есть дети, то сыновья остаются у отца, а дочери — у матери.

Но больше всех Лобсанг любил свою третью тетку, хромоножку-холостячку Аничунг.

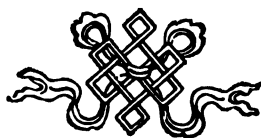
— Она готовит лучшее в мире «тхукпа»...— сообщил мне Лобсанг, когда мы остались в одиночестве,— а потом она такая веселая! Я обещал ей, что, когда выстроят дорогу до Падама, отвезу ее в больницу, в Лех, где ее вылечат.

Его тетка страдала острым ревматизмом, который привел к параличу коленного сустава. Меня тронула забота, которой три тетки окружали Лобсанга, хотя его немного смущало то, что я стал свидетелем их хлопот. Мой проказливый и динамичный спутник у меня на глазах превратился в любимчика старых теток. Сидя на почетном месте слева от огня, он был вынужден читать молитвы и благословлять пищу, которую с завидным рвением готовили его тетки.

По-видимому, Лобсанг содержал этот дом и живущих в нем на те деньги, которые зарабатывал во время поездок, в частности сдачей внаем лошадей. Он же вместе со старшим братом возделывал поля вокруг дома, чтобы помочь отцу, которому тяжкий труд был уже не под силу. Самая крепкая из теток, жившая в разводе, помогала им в полевых работах. От нее почти не отставала и тетка-путешественница. Но самой главной заботой Лобсанга было обеспечить отца и трех старушек достаточным количеством пищи и дров на долгую зиму, которую они проводили, почти не выходя из дома, отрезанные от всего мира снежными сугробами.

Зимой жить во внутреннем дворике было, конечно, невозможно из-за суровых морозов. И вся деятельность переносилась в «зимнюю гостиную». Это была полуподземная комната, в которую можно было попасть, пройдя ряд хлевов, где размещались козы, бараны, яки и пони. Хлевы соединялись низенькими дверцами, почти не пропускавшими холодный воздух. В той комнате не было окон, и она освещалась лишь огнем очага и маленьким квадратным дымоходом размером тридцать квадратных сантиметров, выходящим во внутренний дворик. Эти подземные гостиные, существующие почти в каждом заскарском доме, нагреваются в основном теплом животных.

Перед тем как заснуть, Лобсанг сказал мне, что утром мы отправимся пешком в его монастырь, в Каршу. Это даст пони однодневный отдых, а теткам позволит заготовить провизию для похода в Зангла.

МОСТ ИЗ ВЕТОК

Если ночь исполнена тайны, то заря богата обещаниями. Я проснулся, горя желанием поскорее отправиться в монастырь Карша, «самый большой в стране», как с гордостью повторял Лобсанг.

Раннее утро, как и сумерки, придает долине феерический вид. Ночные тени не спешат покидать ее, хотя вершины уже пылают ярким, но недолговечным розовым цветом. Мне не удалось связать пейзаж, лежавший передо мной, с чем-либо известным мне в Гималаях: Каргил и Сринагар были столь же далеки, как Лондон или Париж. Защищенная горами долина была отрезана ими же от всего остального света.

Уходя из Кончета, Лобсанг показал мне небольшой чхортен на скале, нависшей над самым высоким домом в деревне. Подойдя к скале, я различил наивные иероглифы — изображения ибексов. То были первые доисторические рисунки, встреченные мной в Заскаре. Подобные рисунки встречаются в Гималаях везде, и существует мнение, что ибексу поклонялись жители гор еще в неолите, задолго до распространения буддизма. Очень трудно представить себе, как жили люди, выбившие на камне эти рисунки. Быть может, климат Заскара был тогда мягче и здесь росли деревья? Видел ли скульптор той эпохи те же вершины, что и мы, и действительно ли он верил, что козерог был богом?

Как бы там ни было, эти скульптурные изображения доказывают, что высокогорные районы Гималаев были заселены с незапамятных времен (не лучшее ли свидетельство выносливости и предприимчивости человека?), хотя это и противоречит общепринятой теории, по которой человек был вынужден уйти во враждебный мир гор по причине перенаселения равнин.

Чхортен над изображениями козерога ибекса напомнил мне о крестах, которые в Европе часто стоят рядом с памятниками неолита.

В нескольких километрах от Кончета нам встретила еще одна скала, покрытая изображениями ибексов. Окрестные холмы изобиловали сходными скульптурами, а на некоторых из них встречались фигуры людей, вооруженных луками и стрелами. Неподалеку от этой второй скалы, у подножия высокого обрыва, лежали руины монастыря Кунмоче. Метрах в шестидесяти надо мной зиял вход в пещеру, где жил святой монах-отшельник. Пищу ему доставляли набожные жители деревни.

Перебравшись через овраг, мы вскарабкались по крутой тропинке, которая огибала скалистый останец, и наконец перед нами открылась впечатляющая громада монастыря Карша.

Жители Гималаев владеют искусством возводить здания в самых неожиданных и эффектных местах, например вблизи пещер, где жили святые отшельники. Именно так возник монастырь Карша — он лепится к почти вертикальному склону горы. Я редко видел в Гималаях столь большие здания. Их словно повесили к почти вертикальному обрыву, где они удерживались чудом, чуть ли не вопреки законам физики.

Монастырь состоял из сотни побеленных известью разнородных зданий, над которыми высились два громадных павильона для праздничных церемоний. Казалось, что перед нами настоящий город, а не монастырь.

Когда я вскарабкался на вершину холма, покрытого белеными известью чхортенами, передо мной открылся чудесный вид на Каршу. Лобсанг с гордостью показывал мне свою «вотчину». У подножия обрыва стояло трехэтажное здание. «Конюшня и амбар для кормов,— пояснил Лобсанг и добавил: — здание слева и чуть повыше — деревенская кумирня». Еще выше лепились кельи, а вернее, крохотные домишки монахов. Над ними высилось большое здание, где находился нирба (эконом монастыря) и хранились запасы зерна. Еще выше располагалась библиотека, но, к сожалению, семь лет назад пожар уничтожил хранившиеся там ценнейшие манускрипты и деревянные книги. Здание отстроили заново, но литературные сокровища были утрачены навсегда. Монастырь как бы венчали два молитвенных зала: один зимний, второй летний. Молодым монахам было выделено специальное спальное помещение.

Монастырь Карша принадлежит секте гелукпа (реформированная секта «желтых шапок», главой которой является четырнадцатый далай-лама, ныне живущий в Индии). Попечитель монастыря, объяснил мне Лобсанг, Тенцинг Чоргьял, младший брат далай-ламы. Карша — центральный монастырь, зона влияния которого распространяется на восемь деревень северной и центральной частей Заскара. В каждой деревне есть кумирня, подчиненная своему монастырю, куда крестьяне посылают на учебу детей. По обычаю, семьи, где больше одного сына, посылают младших отпрысков в возрасте восьми-девяти лет учиться письму и чтению. Принуждения нет, но все родители с радостью отсылают детей на учебу в ближайший монастырь, чтобы чаще их видеть. Со своей стороны детишки рады «уйти в школу» (это их собственное выражение) и часть года провести вне дома. Выбор религиозной карьеры вовсе не обязателен, и никто не требует от юных учеников становиться монахами. Однако всем учащимся бреют голову, тогда как другие дети носят длинные, заплетенные в косички волосы. Ребенку также выдают платье без рукавов, которое он носит под туго прилегающим «пиджаком», а также шерстяную шаль, чтобы прикрывать руки.

Дальнейшая судьба ученика зависит от его способностей и экономического положения семьи. Каждый монах сам обеспечивает себя пропитанием. Обычно семья выделяет ему немного денег и пищу, иногда участок земли, с которого молодой человек кормится. Монахи могут сами обрабатывать землю или сдавать ее в аренду крестьянам; в последнем случае плата за аренду идет монастырю для содержания монахов-преподавателей.

Таким образом, каждый монах либо работает на монастырь, либо имеет личные средства к существованию. Бедные монахи могут работать на кухне за скромную плату, писать или переписывать книги для богатых монахов. Самые процветающие монастыри могут платить своим ученикам нечто вроде стипендии деньгами или зерном. По большим праздникам монастыри раздают зерно, а иногда и деньги всем присутствующим монахам.

Каждый из них обязан раз в году жить некоторое время в монастыре. В течение периода обязательного присутствия (обычно он длится месяц) монахи читают вслух всю серию буддийских тантрических текстов, то есть сто восемь томов «Ганджура».

Как и в наших университетах, где преподают теологию, монастыри награждают дипломами и титулами. Молодой трава (послушник) может стать гешэ (бакалавром), если выдержит положенные испытания. Экзамены проходят публично. Кандидат, сидящий в центре двора, должен правильно и без запинок ответить на все вопросы присутствующих монахов. Эти вопросы выкрикиваются по неизменному ритуалу. Экзаменуемый бросается к сидящему кандидату, кричит ему: «Ка-йе», выбрасывает вперед руки, словно кидая вопрос, потом хлопает в ладоши. Кандидат должен дать полный ответ, либо развивая суть элементов учения, либо рассуждая о божествах. Если он отвечает хорошо и ему удастся поставить экзаменаторов в затруднительное положение, монаха допускают к более сложным испытаниям, после которых в случае успеха его ждет почетнейший титул рабжампа (доктора).

Кроме академических лавров монаху при безукоризненном соблюдении буддийских заповедей могут быть присвоены различные религиозные титулы. Трава становится гэрженом, если соблюдает десять заповедей благочестивого поведения, гэкулом (тридцать шесть заповедей) и, наконец, гэлунгом (сто пятьдесят три заповеди). Заповеди носят различный характер. Минимальные требования касаются запрета красть, лгать, убивать, пить спиртное, иметь взаимоотношения с женщиной; сюда может входить и требование ежедневного повторения определенных молитв. Вступив в монастырь, монах не обязан оставаться в нем навсегда. Если он пожелает, то может вернуться к мирской жизни и жениться. Именно так и поступают многие послушники.

На толковых монахов всегда есть спрос — в них нуждаются деревенские жители при проведении религиозных церемоний, регулирующих повседневную жизнь, как, например, для выбора и освящения места закладки нового дома. Монахи дают имена но-

ворожденным, проводят траурные ритуалы, изгоняют «демонов», лечат больных (либо давая им травы и настойки, либо изгоняя «злых духов»). Кстати, Лобсанг изучал медицину на Тибете, где прожил около четырех лет.

Мы позавтракали у подножия монастыря: он — цзамбой, замоченной в воде, а я — невкусными индийскими галетами и маслом какао.

— Вы должны познакомиться с моим дядей, — объявил Лобсанг. — Он бывал в Лхасе. Это замечательный монах.

После завтрака я наскоро осмотрел деревню Карша, которая лежала у подножия монастыря на обоих берегах кипящего потока. Несколько больших домов были снабжены балконами-лоджиями. Зачем нужны эти элегантные балконы, характерные для гималайской архитектуры, было непонятно. На них всегда царил столь ужасный холод, что находиться там было невозможно. Вместо стекол на деревянные планки окон крепят промасленную бумагу. Я любовался самым красивым из этих домов, который принадлежал местному лумпо. Лумпо — люди благородных кровей, и оба заскарских князя выбирают жен для своих сыновей в таких семьях. Пока я не знал, какова роль и сколько этих семей в Заскаре. Однако было очевидно, что лумпо Карши были некогда могущественными людьми — на скале напротив монастыря сохранились руины их замка, а около него ютилась крохотная кумирня, которой раньше пользовались лумпо. Вероятно, эта кумирня — одна из самых древних в Заскаре. Ее главное богатство — одиннадцатиликое божество, обрамленное гирляндой, составленной из фигурок морских чудовищ, слонов и сирен. По стилю это украшение из обожженной глины напомнило мне подобные группы, которые я видел в самых древних и самых красивых кумирнях Ладакха, Ламаюуру и Алчи.

Фрески на стенах этой кумирни были выполнены ранее XIV века — вся их прелесть заключается в исключительной наивности рисунка. Над святилищем высился громадный чхортен с великолепной росписью купола — на нем изображены красные и синие утки, а также общепринятые символы буддизма. Но наибольший интерес в этом чхортене вызывали две статуи, установленные в нишах лицом друг к другу. Одна изображала Будду в классической греко-буддийской манере с вьющимися волосами и прямым носом. Вторая была так изъедена временем, что ее идентификация была затруднена. Эти изящные скульптуры из обожженной глины едва различались под висящими на них траурными подношениями — небольшими чхортенами из глины, смешанной с прахом покойных, в которые вложены заупокойные молитвы на бумаге или березовой коре. Этот чхортен возвел, как говорили, Ринчерн Дзампо в XII веке.

У самого подножия монастыря Карша располагалась деревенская кумирня. Она жалась к самой скале и скрывала выполненную из камня удивительную скульптуру стоящего Будды четырех с половиной метров высотой. Над ней в той же скале

были вырезаны архаические изображения богов буддийского пантеона. Лобсанг сказал мне, что этот шедевр был изваян при князе Канишке во II веке нашей эры. Я сомневался в том, что барельефы были столь древние, но понимал — Карша являлась религиозным центром задолго до проникновения в VII веке тибетцев в эту долину.

Пройдя через узенькую дверцу в чхортен, я оказался на территории монастыря. Мы начали медленное восхождение по крутой извилистой тропке, обегавшей множество зданий. Мы шли как бы по туннелю между домиками монахов с открытыми настежь деревянными дверьми. Лобсанг провел меня по этому лабиринту до высокого узкого дома, где жил его дядя. На крик Лобсанга отозвался басовитый голос, и тут же в окне показался крупный человек. Он открыл дверь и пригласил нас в небольшую комнатку со спиральной лестницей, ведущей наверх. На втором этаже хозяин дома усадил нас и обменялся с Лобсангом последними новостями. Затем по моей просьбе стал рассказывать о своих путешествиях.

— Я торговал по поручению монастыря, — объяснил он, — и совершил тридцать два путешествия, из них семь в Ладакх. Каждое из них продолжалось не менее полугода.

Подобные длительные странствия могут напугать любого европейца, поскольку путешествие в наше время означает короткое пребывание в самолете, поезде или на судне. Для гималайцев путешествия есть образ жизни. Окончательная цель часто служит лишь предлогом для поездки, срочности в делах нет. Шестимесячное путешествие считается приятным времяпровождением. Посещение новых и неведомых мест доставляет удовольствие тем, что дает возможность завести новых друзей, выучить новые песни, узнать новое ремесло и умножить духовные ценности, предаваясь размышлениям в пювах святилищах.

Дядя Лобсанга очень гордился своими путешествиями по Центральной и Южной Индии и Тибету. Находясь на западной оконечности тибетского мира, заскаrcы тратили много времени, чтобы добраться до святого города Лхасы, который каждый набожный ламаист старается посетить хотя бы раз в жизни. Кроме Лхасы гималайцы мечтают совершить паломничество по наиболее известным святым местам Индии и Непала, особенно в Олений парк в окрестностях Варанаси (Бенареса), где на Будду «снизошло озарение», и в Бодгхайя, где он, по преданиям, закончил свои дни.

Лобсанг рассказал о своем путешествии в Лхасу вместе с дядей. Они за две недели пересекли Гималаи, затем на поезде добрались до Западной Бенгалии, то есть проделали путь в три тысячи четыреста километров. Потом пешком через Сикким вновь пересекли Гималаи, чтобы попасть в Лхасу. Поездка по Центральным штатам Индии познакомила Лобсанга с достижениями современной техники — автобусами, поездами, электричеством.

Напившись чаю, мы распрощались с дядей Лобсанга. Перед расставанием он пригласил меня на третий этаж, в комнату-террасу, окруженную крытой галереей. На таких террасах, защищающих от зимних пронизывающих ветров, монахи делают упражнения йоги под лучами гималайского солнца.

Почти все монашеские дома в Карше построены по одному плану: три комнаты одна над другой, самая верхняя является одновременно террасой.

Я понял, что монастырь тянется примерно на две сотни метров вверх по вертикальному откосу, лишь тогда, когда ноги отказались повиноваться. Мы прошли всего полпути, а сердце нещадно колотилось в груди, и казалось, что я на грани потери сознания. Пришлось сесть. Мне стало нехорошо от мысли о сердечном приступе. Больше всего в своих путешествиях я боюсь болезни, поскольку знаю — любое недомогание может обернуться драмой. На медицинскую помощь надеяться здесь не приходится. Единственной лечебной помощью могут быть молитвы монахов, их знание простейших лекарственных средств и моя аптечка. Обычный грипп может закончиться смертью в условиях высокогорья от нехватки кислорода. Боялся я и отека легкого, который мог унести меня в могилу за несколько дней. Но пока еще было рано беспокоиться — меня лишил сил сильнейший приступ горной болезни. Ведь уже целую неделю я только и делал, что ходил пешком, удаляясь от тропы, когда видел что-нибудь интересное, забывая о легких, которые требовали кислорода. «Спокойно, спокойно!» — внутри меня вели борьбу два моих «я»: одно умоляло отдохнуть, второе требовало встать и приняться за осмотр кумирен и молитвенных помещений. Второе «я» одержало верх. С трудом встав на ноги, я вновь стал подниматься к верхней части монастыря.

Два молитвенных здания стояли друг против друга в просторном замкнутом дворе. Зимний зал ремонтировали. Старый монах, сидя на неустойчивых лесах, перекрашивал монументальный портик. Вокруг него стояли банки с яркими красками, с помощью которых он рисовал символические фигуры на перемычке над большой дверью. Другой монах провел нас в громадный темный зал, крыша которого покоилась на красных столбах, увешанных религиозными картинами. Около алтаря высился небольшой чхортен, инкрустированный полудрагоценными камнями. Стены высокой галереи до самого потолка покрывали древние фрески.

Второй зал был намного интереснее. К портику, расположенному на этаж выше уровня двора, вела лестница. Я вошел внутрь и тут же отшатнулся от устрашающе громадного чучела рыжего медведя, подвешенного к своду за веревку, проходившую у него под брюхом. Он злобно глядел на меня, словно готовясь прыгнуть мне на голову. Таков обычай — чучела медведей или снежных барсов, убитых «в состоянии самозащиты» или при охране стада, жертвуются монастырю. Этот обычай

должен, по всей видимости, снять с человека грех за взятие чужой жизни.

Из летнего зала открывался вид на центральную долину Заскара. Широкие окна обрамляли сотворенный богами пейзаж. Как легко предаваться грезам, созерцая эту грандиозную красоту природы! Алтарь в глубине зала был «изъеден» множеством ниш, в которых лежали сто восемь книг священного писания. Эти книги размером шестьдесят на тринадцать сантиметров состоят из несшитых листов бумаги, изготовленной самими монахами. Каждый лист обернут в шелковую ткань, и все они зажаты между двумя досками — «переплетом», украшенным чудесными миниатюрами.

Больше всего в этой кумирне поражала статуя в человеческий рост бога Авалокитешвара, закутанного в одежды; я узнал его по одиннадцати ликам и множеству рук. У одной из стен высилась прекрасная скульптура Дорже Шугпа с сотней рук и несколькими гримасничающими ликами. Это свирепое божество очень почитается в Заскаре, поскольку является духохранителем секты гелукпа. Я встретил множество больших и малых сходных изображений в самых разных кумирнях наряду со статуями и образами Авалокитешвара с его одиннадцатью ликами и тысячьо рук — в ладони каждой руки зажат глаз.

Меня поразило, что алтари были увешаны самыми невероятными предметами, в их числе была бежевая фетровая шляпа с конусовидным верхом. По словам Лобсанга, эта шляпа принадлежала одному из князей Заскара и надевалась во время церемоний. Мне она напомнила португальские шляпы XVII века — они изображены на гравюрах и картинах той эпохи. Уж не принадлежала ли эта шляпа португальцу Диего, первому европейцу, посетившему Ладакх и дошедшему до Заскара? В одном можно быть уверенным — она не имеет ничего общего с сотнями головных уборов, встречающихся в Гималаях, а ведь только у монахов их несколько видов в зависимости от ранга, а также характера тех или иных церемоний и религиозных праздников, для которых эти головные уборы предназначены.

Согласно обычаю, на алтари ламаистских кумирен вешают самые разные предметы: слоновьи бивни, высушенные запястья, отрубленные у воров. Я даже заметил там коробку из-под кофе, которая в краю, отрезанном от западного мира, наверное, считалась произведением искусства.

Лобсанг со сдержанной гордостью показал мне большие и малые ценности, хранившиеся в главной кумирне, а затем потянул в боковую кумирню, где находилась древняя статуя Лоэпо-на Дунде, основателя монастыря. У ее подножия рядами стояли сотни серебряных масляных ламп и ритуальных чашечек для воды. Стены украшали чудесные фрески, которых, к счастью, не коснулась рука реставратора, а вернее, маляра (о таких подновлениях можно было бы лишь сожалеть).

Я вскарабкался на террасу летнего зала, и у меня захватило

дух от панорамы центрального Заскара. Четко различались место слияния двух потоков и величественная река, образованная ими, которая в густой пене неслась к невидимому ущелью. По долине этой большой реки мы пойдем на следующий день, чтобы встретиться с князем Зангла.

На речной террасе Лобсанг показал мне деревянный гонг, подвешенный на кожаных ремнях к опоре. Он служил для созыва джеше (монастырских бакалавров). Затем Лобсанг легонько дунул в отделанную серебром раковину — звук ее был сигналом для общего сбора монахов.

И хотя головокружение у меня еще не прошло, я не спешил вернуться на отдых под заботливую опеку трех старушек. Нам нужно было пройти еще пятнадцать километров. Но не успели сделать и двадцати шагов, как какой-то молодой монах пригласил нас к себе в дом отведать чаю с маслом. Это была уменьшенная копия дома дяди Лобсанга с теми же тремя этажами и кукольной лестницей. Потолки во всех трех комнатах нависали так низко, что я не мог стоять, выпрямившись во весь рост. Мы провели у молодого монаха около часа. Лобсанг рассказал ему о своем последнем путешествии, сообщил, как привязался ко мне, представив меня как ученого, прибывшего для знакомства с заскарскими деревнями и святыми местами. Такие долгие разговоры служат для обмена информацией, поскольку ни газет, ни радио здесь нет. И именно поэтому всем путешественникам обеспечен радушный прием; их рассказы о событиях на белом свете ценятся куда дороже, чем угощение.

Каждый раз мои собеседники подробно спрашивали меня о моей родине, благо я владел тибетским языком. Каждый хотел знать, как живут люди у нас, что они едят, есть ли у нас яки и такие же красивые монастыри. На некоторые вопросы ответить было весьма затруднительно, и частенько мои слова звучали странно даже для моих ушей. Я удивлялся тому, как мало можно сказать о западном мире. Я всегда думал, что современные наука и экономика позволили нам создать необычный образ жизни, исключительно «передовой», согласно нашему выражению. Но когда я пытался описать так называемый прогресс, мне удавалось вспомнить лишь ограниченное количество технических и большей частью ненужных вещей (кроме, разумеется, автомобиля, телевизора, телефона, холодильника и электричества). Все эти маленькие чудеса нашего мира никак не влияют на нашу повседневную жизнь, а чаще всего лишь заменяют один из уже существующих элементов комфорта на другой. Как мне говорил мой мустангский приятель Пемба, наша технология есть всего-навсего «хитрая комбинация химических продуктов». Я, конечно, рассказывал моим собеседникам о небольшом аэроглицере (еще одна «новинка»), на котором я прошел вверх по гималайским ущельям, передвигаясь и по воде и по суше. Подробно расскажу об этом путешествии немного позже.

Жизнь в стране, отрезанной от западной цивилизации, не означает полного отсутствия технологического прогресса. Я убедился в этом, когда, покидая монастырь Карша, обнаружил у подножия последних домов интересную машину. Это был приводимый в движение водяной мельницей скребок для производства благовоний из можжевельного дерева. До сих пор все встреченные мной водяные мельницы приводили в движение жернова. В Карше монахи осуществили эксцентричное крепление к лопастному колесу стержня, который прижимал к шероховатому камню полешки можжевельника. Медленное движение сверху вниз приводило к обдиранию влажной массы, которая падала в сито из тонкой ткани. Такое преобразование кругового движения в кривошипное уже само по себе является хитрым техническим решением. Думаю, заскарцы могли бы создать и другие машины, если бы у них возникла в этом нужда. Их кузнецы, например, умело обрабатывают медь и серебро. Таким образом, у заскарцев есть и ловкость, и умение работать, но нет нужды в создании новых орудий труда.

Лобсанг сказал мне, что монастырь Карша славится своими можжевельными благовониями. Но где они берут можжевельник? Пока в долине Заскара мне это растение не встречалось. Правда, в четырех днях пути к северо-востоку тянулась небольшая долина с немногочисленными деревьями («Лес», — сказал Лобсанг без тени усмешки), среди которых встречался можжевельник с исключительно ароматной древесной. Масса, полученная вышеописанным способом, смешивается с различными корнями и высушивается на солнце. При горении она распространяет тонкий аромат.

Оставив позади себя равномерно постукивающую машину, мы отправились в обратный путь к дому Лобсанга. Будь я в хорошей физической форме, я бы мог от души наслаждаться красотами пейзажа и нежными красками заката. Но этот переход оказался сущей мукой. Я едва волочил ноги, а когда останавливался передохнуть, прислушивался к неравномерному биению сердца, уверяя себя, что сердцебиение — естественная реакция на резкий переход к непривычной высоте — четырем тысячам метров над уровнем моря. Но подобная реакция начинала меня серьезно беспокоить, тем более что я намеревался не только осмотреть четыре провинции Заскара, но и вернуться в Индию самым сложным маршрутом через перевал Шинго-Ла, расположенный на высоте пяти тысяч метров над уровнем моря. А если у меня не хватит сил? Я вдруг вспомнил слова одного кардиолога, сказанные давно: «Когда вам исполнится сорок, придется забыть о путешествиях!» Тогда мне только исполнилось двадцать шесть лет, и сорокалетний рубеж казался таким далеким... А если врач был прав? В этом году мне стукнуло тридцать девять...

Уже почти наступила ночь, когда я вскарабкался по крутой тропке к дому Лобсанга. Скорчившись у огня, пил горячий чай,

находясь в состоянии, близком к отупению. Лобсанг беседовал со своим молодым двоюродным братом, а три старушки суетились, готовя суп из зеленого горошка и цзамбы и приглашая меня присоединиться к трапезе. Я отказался и почти мгновенно провалился в сон, едва помня, что на заре отправлюсь в Зангла на встречу с одним из князей.

Утром не стал нежиться в теплом спальном мешке. На террасе царил зверский холод. Я машинально застегнул свои мешки, собрал валявшиеся там и сям вещи — фонарь, записную книжку, носки. После уничтожения следов моего пребывания здесь ничто не указывало, что дом служил мне пристанищем целых двое суток. Всего двое суток, а мне казалось, что я пробыл здесь долгую вечность. Все здесь стало родным! Беззубая улыбка двоюродной бабушки Лобсанга перестала быть улыбкой колдуньи, колдунья превратилась в очаровательную бабуся. Тут же с улыбкой у огня суетилась хромая тетушка Иби, волоча ноги, как актриса какого-то средневекового действия. Все было прекрасно... Пухлое ото сна лицо родственника Лобсанга, неловко натягивающего на себя длинное платье; разведенная тетка, натыкающаяся спросонья на деревянный столб... Потрескивал огонь, булькала кипящая вода. Мой багаж выволокли на улицу. Неужели пережитое мной было действительностью!..

Я в последний раз спустился к огню, чтобы выпить чашку чая и съесть несколько горстей цзамбы (ее вкус поджаренного фундука все больше нравился мне), а затем снова поднялся на террасу. И опять меня поразила величественная красота долины, окруженной стеной гор. Может быть, я попал на другую планету? Все, что я видел в Заскаре, было близко к совершенству; все стояло на своих местах, чудесным образом уравнивая друг друга.

Ничто не нарушает здесь гармонии человека и природы; природа одевает и кормит его, удовлетворяет все его нужды. Все совершенно — и лошадь с деревянным седлом, и як, покрытый шерстяным ковром с изображением облаков и гор. Я помог Лобсангу навьючить пони, наслаждаясь спокойным счастьем отбытия.

Та часть долины, по которой нам предстояло идти, была еще окутана мраком. Воздух оказался ледяным. Мы прошли несколько километров и увидели на берегу потока небольшой заросший травой квадрат с несколькими прямоугольными ямами. Лобсанг, к моему крайнему удивлению, уселся в одну из них и объяснил, что это горячие ванны, которые питает небольшой источник. Их воды, по словам моего спутника, были очень полезны при ревматизме, но и они не смогли вылечить его тетку. Я впервые встретил лечебный источник в Гималаях, хотя неоднократно видел, как горячие воды используются для мытья. Эти простенькие термы вызвали у меня улыбку — каждый пациент сам рыл углубление и желоб для подачи воды. Как далеко отсюда находился модернизированный курорт Виши, неподалеку

от которого я жил! Кто знает, быть может, однажды выяснится, что заскарские воды самые целебные в мире...

После двух часов ходьбы мы снова оказались у монастыря Карша. Его белые величественные здания сверкали в лучах утреннего солнца. Мы сделали небольшой привал, поджидая приятеля Лобсанга, который проводит нас до реки Заскар и вернется обратно с лошадьми, которым не пройти по мосту. Мне хотелось после посещения Зангла и встречи с князем, если таковая состоится, пройти восточным берегом Заскара до моста, переброшенного через реку вблизи Падама, столицы княжества, где жил второй князь.

Главным моим намерением было раскрыть некоторые тайны истории Заскара и отыскать новые документы. Ведь пока единственным историческим свидетельством был уникальный экземпляр книги, составленной из обглоданных крысами листочков и хранившейся в монастыре Пхуктал в восточной части Заскара.

Эти так называемые хроники были неполным списком имен местных знатных людей и перечнем налогов, которые они собирали; эти скудные сведения не могли осветить долгую и богатую событиями историю в прошлом независимого княжества Заскар.

Некоторые хроники Ладакха и Тибетá указывали, что Заскар стал независимым княжеством в 930 году, когда Западный Тибет после смерти князя Нимагона был разделен между тремя его сыновьями: Рикпагоном, ставшим государем Ладакха, Красисгоном, правившим Гугэ, и Детсугоном, получившим Заскар. Позже княжеством Заскар было покорено княжество Гугэ, что позволило ему взять под контроль весь юго-запад Гималаев. Таким образом, его государи управляли территорией, в четыре раза превышающей площадь современного Заскара. Только в 1641 году Заскар потерял свою независимость из-за династических свар, когда выросло могущество князя Ладакха, Сенджи Намгьяла, покорившего также Гугэ, Спити и Рупчу. Он посадил на заскарский трон своего сына Дечогнамгьяла, чьи потомки правили княжеством до 1836 года. Именно тогда, после девятисот лет независимости, Заскар попал под власть догра, индусов из Джамму, захвативших также Ладакх. Однако, хотя догра и собирали несколько лет налоги с Заскара, им не удавалось держать край в должном повиновении. После капитуляции 1836 года заскарцы несколько раз восставали, пока не был пленен и вывезен в Джамму, на юге Гималаев, старый князь Гиченденгруб, где он умер (или был убит) в тюрьме. Кем же были те два человека, которых я хотел увидеть, кем были два так называемых князя Заскара: формальный наследник трона, живущий в Падаме, и таинственный гьялпо (князь) из Занглы? Не слишком ли много монархов для крохотной страны?

...Оставив монастырь Карша за спиной, мы двинулись вдоль склона огромной обнаженной горы мимо большой молитвенной стены, сложенной из камня. Она была полая, что само по себе

необычно. Шириной около трех метров и высотой до полутора метров, она выглядела монолитной, а на самом деле состояла из двух параллельных стенок, соединенных слегка наклонной крышей. Молитвенные стены встречаются часто и в Заскаре, и в других районах буддийских Гималаев, но эта выделялась своими размерами — высотой, шириной, а особенно длиной. Она тянулась более чем на полтора километра. Было невозможно переписать все изображения и надписи, нанесенные на каждый ее камень. Их было несколько сот тысяч. Сотни рисунков изображали лам и различные божества. На многих камнях красовалась молитва. «Ом мани падме хум». Эту стену возвел тот самый заскарский князь, который проложил большую дорогу до Падама и монастыря Карша по центральной равнине. Она упиралась в мост недалеко от монастыря. Мост не сохранился, но остались два ряда белых камней, которые тянулись параллельной строчкой вдали, в направлении Падама.

Бросив последний взгляд на чудесную панораму центральной равнины, мы свернули к северу и углубились в засушливую долину. Это была северная провинция Заскара — Шан. Здесь вершины уже не были покрыты снегами, как в центральной провинции. Слева, к западу, высилась большая гора, окрашенная в зеленый цвет окисью меди, а на востоке, по ту сторону реки Заскар, торчала зловещая черная гора, словно сложенная из угля. К югу уходили то рыже-ржавые, то удивительно ярко-желтые вершины. Эти изъеденные эрозией горы были частью мощного хребта Заскар, который идет параллельно Главному Гималайскому хребту между Тибетским нагорьем и долиной Суру.

Большие Гималаи образуют заслон, лишая Заскарский хребет дождей, а следовательно, и снега. Песчаное ложе долины до самого горизонта усеяно скалами. Окружающий пустынный пейзаж навевал какую-то тоску, которую немного разгоняла волна тепла от нагретых солнцем камней.

Тропа пересекла обширную скалистую равнину и потянулась по обрыву вдоль берега реки. Река Заскар разбухла и с глухим ревом ворочала камни. Вода была желтоватой от взвеси суглинка. Ее рев и пенные водовороты говорили о невероятной мощи потока. Заскар — крупнейший приток Инда в его верхнем течении. Слияние рек происходит в Ладакхе после двухсоткилометрового пути Заскара по дну непроходимых ущелий.

Для провинции Шан характерны относительно ровные площадки по берегам реки. Отроги гор чаще всего полого спускаются к самой воде. Вдали я заметил зеленые поля и несколько ив вокруг группы домов. Это была небольшая деревенька Ринам — пять больших и два маленьких строения для престарелых родителей. К югу от деревни, на краю ирригационного канала, мы нашли небольшой лужок для лошадей и сделали там привал, чтобы подкрепиться. Невыносимо пекло солнце. Мой бедный нос нещадно облезал. Приходилось тщательно оберегать его нежную красную кожу, чтобы избежать ожога третьей степени.

Съев баночку консервированного мяса и несколько лепешек из пресного теста, которыми меня угостил Лобсанг, я немного отдохнул перед трудной дорогой по «долине смерти». Сухой горячий ветер лизал камни, и они нагревались так, что жгли ступни ног даже через толстую подошву. На пони мы сесть не могли, они, казалось, были на грани истощения. Лобсанг и его приятель пытались подбодрить меня, уверяя, что вскоре мы выйдем к золотосной речке. В мечтах я уже видел себя собирающим самородки и полные горсти золотого песка... Но не нашел ни грана золота. Мы перебрались через речонку и несколько часов спустя углубились в узкое душное ущелье. Мои спутники показали место, где раньше висел мост, унесенный паводком пятнадцать лет назад.

Иногда тропа расширялась — мы пересекали миниатюрные песчаные пустыни с редкими островками ломкой травы, которая годилась в пищу разве только верблюдам. На лошадей было жалко смотреть, они едва передвигали ноги и, опустив морду, продирались через узкие проходы меж огромных камней, сорвавшихся с крутых склонов. Этот переход доконал бы своей бесконечностью, не подгоняй меня надежда увидеть Зангла и его князя, а также ощущение новизны необычного мира.

К трем часам пополудни мы вышли на просторную равнину, по которой проходил ирригационный канал. В мире песка и гравия появились ярко-зеленые пятна. Вдали виднелась цепочка белых чхортенов, предвестников пока еще невидимой деревни, которая ютилась у подножия крохотного монастыря, терявшегося на фоне высоченного вертикального обрыва, походившего на крепость с башнями-скалами и бойницами-провалами. Над обрывом вздымалась гора, по склону которой ярко выделялась полоса кроваво-красного цвета.

Я с облегчением вошел в Пишу, большую унылую деревню, похожую на индейские селения где-нибудь в Аризоне или Колорадо, где можно кое-как провести одну ночь, но не более. Хотя деревня выглядела заброшенной, она, по словам Лобсанга, была не бедной. Пыльная тропа рассекала ее надвое. Далеко к югу виднелись поля Зангла, зеленый оазис на охряном фоне.

Желая побыстрее прийти к цели путешествия, я предложил Лобсангу не останавливаться. Но тот заявил, что стоянка обязательна, поскольку по мосту нельзя ходить в сумерках. Больше он ничего не добавил. Я весьма удивился, но еще не знал, какое испытание ждет нас впереди!

На ночь мне выделили крохотную комнату в большом и относительно чистом доме, где я подвергся нещадной атаке со стороны блох, остатки их полчищ продолжали меня терзать еще целую неделю, нанеся несметное количество ран, вызвав не один приступ ярости и заставив чесаться в течение многих дней и ночей... Тибетская поговорка гласит: «Проглотив блоху, вы не утолите голода в вашем желудке, но душе доставите неизъяснимое блаженство». Я был полностью с ней согласен! Я плюнул на все

табу и, забыв о ламаизме и Женевской конвенции, безжалостно истреблял пленников!

Пока Лобсанг готовил обед, жители деревни пригласили меня в кумирню. Я уселся, скрестив ноги. В это время подошла группа людей, которые после выпитого были навеселе и распевали молитвы, держа в руках небольшую книжицу. Мне повезло: я попал на ежемесячный праздник Лурума, когда все двадцать два дома Пишу поочередно варили десятки литров чанга.

Отдавая дань любимому напитку, я располагал достаточным временем, чтобы рассмотреть своих соседей и обменяться с ними блохами. На мужчинах были повседневные шерстяные платья, похожие на лохмотья, а у женщин спины были прикрыты грубо выделанными козьими шкурами. Похожие шкуры я видел в Бутане; они служили в основном для защиты плеч и спины от ран при переносе тяжелого и плохо уравновешенного груза. У всех женщин на шее висели украшения, а голову некоторых из них венчали меховые «собачьи уши» и ленты с бирюзой. Мне часто приходилось видеть женщин в лохмотьях, которые работали в поле, нацепив на себя все драгоценности. Позже я узнал, что этот обычай возник в Заскаре во времена частых набегов и грабежей. Женщины держали при себе все свои богатства днем и ночью, чтобы при малейшей тревоге скрыться в горах без лишних сборов.

Пока мы распевали молитвы, женщины обходили присутствующих с поварешками чанга, и атмосфера становилась все более и более веселой. Шутки и смех перемежались с молитвами. Изредка сквозь толпу продирались мальчишки. Стоило им распахнуть дверь, как в кумирню врывалась песчаная буря; моя чашка для чанга, которую без усталости наполняли гостеприимные хозяева, покрылась серой пленкой. Некоторые женщины тут же прями шерсть с помощью веретена в форме волчка.

Я был объектом всеобщего любопытства. Окружающие тыкали в меня пальцами, указывая на рубашку, брюки, солнечные очки, шляпу, обувь, и вслух комментировали мой наряд. Позже я узнал, что был вторым чужестранцем, посетившим их деревню.

С большими затруднениями я покинул собрание через час, задолго до конца церемонии, хотя все уже были в большом подпитии. После ужина, который, к счастью, завершил свежий зеленый горошек, я удалился, чтобы приступить перед сном к охоте на блох. Но им, увы, забыли сообщить о пагубном действии ДДТ — они блаженствовали в потоках инсектицида, которым я поливал свое тело и внутренность спального мешка.

Пиявки во влажных южных районах Гималаев и блохи на севере — два бича, угрожающих любому путешественнику. Не один из них хвастался тем, что прошел сложнейшие перевалы и взшел на высочайшие вершины, но из непонятной стыдливости ни один не обмолвился о насекомых, делавших их жизнь в Гималаях тяжелой и невыносимой!

Мои паразиты проснулись рано утром вместе со мной. Лобсанг уже давал указания своему юному двоюродному брату, чтобы он отвел лошадей в монастырь. Мы наняли нескольких мужчин для переноса багажа. Наш маленький караван вышел из Пишу и прошел около двух километров вверх по течению ледяной кипящей реки, ширина которой местами достигала ста метров. Стояла середина лета, и вода поднялась до максимума. Недавний дождь мог привести к паводку, и река грозила выйти из берегов.

У меня захолонуло сердце, когда, сразу за поворотом реки, я увидел мост. Длинный висячий мост, столь провисший и узкий, что любой шаг по нему был равнозначен вызову смерти. В Бутане и Непале я не раз переходил реку по сходным самодельным мостам, которые висели на вручную выкованных цепях или толстых канатах, сплетенных из волокон бамбука. На них я ступал по бамбуковым доскам или циновкам, убегающим из-под ноги, словно губка. Ходить было трудно, но те переправы представлялись детской забавой по сравнению с мостом Зангла! Он побил все рекорды. Во-первых, его длина составляла семьдесят метров, и могу вас уверить, что длиннее моста в Гималаях нет. Но главное не длина, а невероятная смелость замысла его строителей. Тросы, а вернее веревки, были составлены из ломких веточек, сплетенных кое-как по четыре в одну веревку. По всей длине моста веточные тросы не превышали толщины трех пальцев. Четыре таких троса, расположенных рядом, образовывали «полотно» моста, то есть переходить его следовало, раскорячив ноги. Два или три троса справа и слева служили поручнями. Через каждые два метра они соединялись с «полотном» небольшими отрезками того же троса.

Здесь я понял, почему невозможно было пройти по этому мосту вечером при том ветре, который дул вчера. Даже в неподвижном воздухе раннего утра мост раскачивался словно маятник.

Человек, переходящий по одной из этих примитивных переправ, должен обладать определенными навыками. Дело в том, что мост совершает два вида колебаний — справа налево и снизу вверх. Последний вид колебаний вызывается перемещением массы идущего человека и может закончиться резким рывком вверх, который перебрасывает человека через перила. Маятниковое движение еще опаснее, поскольку все усилия уменьшить его приводят к увеличению размаха колебаний. Однако эти колебания ничто по сравнению с третьей ловушкой висячих мостов. Неопытный человек может счесть, что перила служат для опоры и сохранения равновесия. Опасное заблуждение, ведущее прямо в объятия смерти, поскольку стоит опереться на один из поручней, как он тут же отходит в сторону. И вы оказываетесь в ледяной воде реки. Поручни служат не для опоры — их можно слегка касаться лишь в самом крайнем случае.

Я знал каверзность таких висячих мостов. И знал также, что с их длиной растут и опасности. Этот рекордный по длине мост

побил все рекорды по амплитуде колебаний и мог в любое мгновение выбросить вас в пустоту.

Но я, увы, не подозревал, что колебания резко уменьшаются, когда мост переходят одновременно несколько человек. Действительно, дополнительная масса, различный темп ходьбы и то, что все тянут поручни на себя, во многом снижают опасность перехода. Я же наивно полагал, что, переходя мост в гордом одиночестве, мне удастся избежать неожиданных рывков. А потому храбро ринулся вперед.

То, что я остался в живых, следует отнести к чуду. Я шел, переставляя ноги, как танцор на проволоке, переваливаясь уткой и цепляясь за шершавые и острые боковые тросы. Первые двадцать шагов сделать было просто. Но меня охватило волнение, быстро перешедшее в панику, когда я увидел несущийся под ногами поток. Мне казалось, что он увлекает мост за собой. Чтобы справиться со зрительной иллюзией, я невольно отшатнулся в другую сторону. Веревка потянулась за мной. Вцепившись в оба поручня, резко дернул их к себе. По мосту пробежала дрожь. Я ощутил слабость в коленях, и мне показалось, что река радостно взревела. Рискнул бросить взгляд на берег, к которому стремился. Он, казалось, удалился на многие километры. Я едва прошел треть расстояния. Теперь меня охватил настоящий страх. Я уже не верил, что выйду из этого испытания живым. Поручни, которые вначале висели на уровне плеч, теперь проходили где-то у середины бедра. Когда я оказался на середине моста, они опустились до колен и уже не могли помочь мне удерживать равновесие. Почти обезумев от ужаса, я, как автомат, полз вперед и, спустя вечность, ступил на твердь.

Остальные с завидной скоростью перешли по мосту плотными группами из четырех человек каждая. Один из носильщиков перенес на плечах собаку. Оправившись от страха, я внимательно осмотрел сооружение. И подивился смелости замысла его создателей! С каждой стороны реки тросы были завязаны вокруг обычных балок, закрепленных в кучах громадных каменных блоков, уложенных один на другой. Вместо цемента их скрепляли ветки.

Лобсанг сказал, что каждый дом провинции должен по очереди поставлять ежегодно сто метров троса. К работе приступали весной, используя ветки росшего в горах кустарника. Каждая веточка длиной не более шестидесяти сантиметров замачивалась, затем их свивали в веревку. Четыре таких веревки переплетались в один трос. Высохнув, ветви сохраняли форму скрутки, и трос получался очень прочным...

— Самое неприятное в том, — добавил Лобсанг, — что ветки быстро гниют и их приходится заменять каждые два года.

На берегу мы встретили мальчугана, который пас двух осликов размером с большую собаку. Мы навьючили на них наш багаж и двинулись вниз по течению Заскара по направлению к Зангла. Я бросил прощальный взгляд на мост, улыбаясь при

мысли, что мне больше не придется его переходить, поскольку намеревался возвращаться в Падам по другому берегу. Там есть другой мост, и вряд ли он столь же опасен... Увы, тот оказался во много крат хуже!

...Огромное напряжение сил, затрачиваемое при пересечении труднопреодолимых Гималайских хребтов, уже давно заставляло меня задуматься над тем, как облегчить путешествия в горах. За несколько лет до описываемой здесь экспедиции я попытался применить в Гималаях аэроглиссер.

Позвольте сделать небольшое отступление, вернуться на несколько лет назад и рассказать об этом необычном путешествии.

ЧЕРЕЗ ГОРЫ НА АЭРОГЛИССЕРЕ

Девятого июня 1972 года, судорожно вцепившись в рычаг рулевого управления маленького аэроглиссера, я вынырнул в фонтане брызг ледяной воды на северном склоне Гималаев позади массива Аннапурны. Свидетелями этого славного подвига были шестеро непальских ребятишек, смотревших, разинув рот, на диковинную машину — первую машину в их жизни. Треск моторов растревожил тысячелетнюю тишину, и в такт двигателям колотилось мое сердце. В тот день осуществилась дерзновенная мечта, которую окружающие дружно считали утопией: я пересек Большой Гималайский хребет на судне типа амфибия. Отныне яки и пешеходы потеряли монополию на преодоление гор, прoderжавшуюся от сотворения мира до нашего космического века...

А началось все в октябре 1970 года, когда я — поздногато, к стыду своему, — узнал о существовании судов на воздушной подушке. В юности я горевал, что родился слишком поздно, чтобы отправиться в полет с братьями Райт, слишком поздно, чтобы испытывать первые автомобили или открывать полюс. Но вдруг оказалось, что, пока я карабкался по гималайским тропам и продирался сквозь мексиканские джунгли, инженеры изобрели совершенно новое средство транспорта. По сути произошла революция в способах передвижения: суда на воздушной подушке (СВП) совместили в себе лодку, автомашину и самолет. Ничего подобного раньше не было! Мысленно я представил себя в костюме Блерио — огромные защитные очки, кожаное пальто и мягкая шляпа, сдвинутая на лоб... Судно на воздушной подушке, или аэроглиссер, как я буду называть его для краткости и удобства, стало грезиться мне во сне.

Идея СВП проста, как и все великие открытия. Давно было замечено, что, если нагнетать воздух под какой-то предмет, тот поднимается вверх. Так родился аэроглиссер. Думаю, со временем он займет место в воображаемом музее человеческих открытий наряду с колесом.

Человек веками искал способ улучшить свою мобильность. Пытаясь преодолеть силу притяжения и трения — этих двух заклятых врагов движения, он изобрел колесо. Но колесо малопригодно на пересеченной местности. Тогда кто-то изобрел рельсы и пустил по ним поезд. Позже конкуренцию ему составил автомобиль. Но ни поезд, ни автомашина не в состоянии одолеть горные склоны. Самолеты и вертолеты легко парят над горами, но им очень не просто сесть там. В 1958 году, когда в космос

устремилась ракета, многие сочли, что в области средств передвижения все уже открыто и изведано.

Этого мнения не разделял британский инженер Кристофер Кокрелл, который в том же году смастерил первую модель судна на воздушной подушке из позаимствованного у жены подручного материала: сушилки для волос и двух жестяных мисок. Вдувая воздух под миски, он заставил их оторваться от стола и начать летать. Наземный транспорт наконец-то освободился от трения! Разумеется, как и со всеми великими открытиями, поначалу никто не принял его всерьез. А зря.

В словаре судно на воздушной подушке определяется как «транспортное средство, сила поддержания которого формируется слоем сжатого воздуха, создаваемого под корпусом судна». Далее говорится, что амфибийное судно «с помощью специальных нагнетателей обеспечивает полный отрыв корпуса от поверхности».

Аэроглиссер способен ходить по воде и по суше, по снегу и по болоту, ему не нужны ни дороги, ни причалы. Казалось бы, идеальный «вездеход»! Не совсем. СВП не могут преодолевать крупных препятствий, не по силам им и крутые склоны. Правда, в последнем случае это вопрос мощности двигателей. Но в том, что касается препятствий, дело сложнее. Французский инженер Жан Бертен, приспособив к низу аэроглиссера гибкое ограждение воздушной подушки (юбку), позволил ему одолевать двухметровые преграды. Но машина, снабженная такой юбкой, становится очень неповоротливой; лишь СВП с надувным корпусом способны перепрыгивать через каменные нагромождения наподобие кенгуру. Для моих целей это был идеальный вариант.

Каковы были мои цели? Это отдельная история. Мои гималайские странствия начались в 1959 году. С тех пор я прошел пешком, проехал на мулах и яках около шести тысяч километров. Изнурительные хождения во время пяти экспедиций заставили меня задуматься: неужели же в эпоху полетов на Луну нет иного способа передвигаться в горах, помимо доисторического? Непальская река Кали-Гандак ревела подо мной в глубоком ущелье. В некотором роде я мог считать себя ее крестным отцом, поскольку в 1964 году мне удалось установить географические координаты ее истоков. Эта река, прорезая Главный Гималайский хребет, открывает на карте прямой путь через высочайшую на планете горную цепь, простирающуюся от равнин Индии до Тибетского нагорья. Если сделать здешние реки судоходными, изменится сама концепция передвижения по горам...

Полное невежество по части аэроглиссеров давало волю воображению. Поскольку теоретически машина не касается поверхности земли и воды, рассуждал я, почему бы ей не перемахивать через пороги и водопады? Таким образом путь, на который обычно уходит несколько дней, можно будет проделать за

несколько часов. Сказочно! Дороги в Гималаях — это большая тема. Их строительство по понятным причинам обходится невероятно дорого, в период муссонных дождей летом и снежных заносов зимой они часто оказываются непроходимыми. Постоянные оползни, обвалы, камнепады, лавины и прочие напасти заставляют тратить огромные средства на поддержание их в мало-мальски пригодном состоянии.

Если мне удастся запрыгнуть на аэрогиссере на «крышу мира», то путешествие по горным рекам в остальной части земного шара будет казаться детской забавой. Не сегодня-завтра отомрет понятие «заброшенная горная деревушка». Страны мира получают готовую дорожную сеть, куда войдут все реки, даже пересыхающие. Это даст толчок хозяйственному развитию горных краев и приведет к их преобразованию.

Так я мечтал. Стратегические и экономические последствия этой затеи (существовавшей пока лишь в воображении) были огромны, но если говорить честно, то мой энтузиазм коренился в давней любви к Гималаям. Огромный континент, чье наименование «Хималайя» означает на санскрите «Обитель снегов», заморозил меня, как это случилось со многими до меня и наверняка будет после. За тринадцать лет я привык считать Гималаи своей приемной родиной. Зазубренные вершины и исхлестанные ветром перевалы стали моими близкими знакомыми. Я выучил тибетский язык. Здесь у меня были друзья и среди носильщиков-шерпов, и среди членов королевской семьи Бутана. Хотя Гималаи фигурируют сегодня даже в проспектах бюро путешествий, я знал, что они сохранили еще немало тайн. Убедился в этом в 1964 году, когда мне первому из чужестранцев довелось пожить в Мустанге, бывшем княжестве (теперь — один из районов Непала), лежащем в ста километрах севернее Аннапурны. В 1968 году я вновь убедился в скудости наших сведений об этих краях, пройдя из конца в конец Восточный Бутан. Живя в Европе, я сгорал от желания вновь увидеть пронзительно знакомые пейзажи и открыть для себя новые.

Было и еще одно обстоятельство. Во время предыдущих странствий я поневоле был привязан к пешеходным тропам. Все, что лежало в стороне, оставалось недосягаемым. Между тем Гималаи представляют собой захватывающее поле исследований для этнографа. Достаточно сказать, что до сих пор нет точных данных о языках и диалектах жителей многих здешних мест. В одном Непале выделено несколько десятков языков и диалектов, четырнадцать из которых имеют письменность.

Среди многих гималайских тайн была одна, которая не давала мне покоя все эти годы. На головокруглительном, почти отвесном склоне над рекой Кали-Гандак видны открытые пещеры, целый пещерный город. Кто обитал в нем? И каким образом люди попадали туда? На этот вопрос никто не мог мне ответить. Забытая цивилизация в стене каньона Кали-Гандака бедила воображение.

Я отчетливо понимал, что одному человеку не под силу заниматься исследованием этого гигантского края. Но, если продолжать пешие хождения, даже на самую скромную задачу не хватит оставшейся жизни. Аэроглизсер же мог открыть ученым недоступные прежде зоны. Именно это я намеревался доказать самым убедительным образом, а именно собственным примером.

Моя восторженность рискует показаться детской серьезному читателю. Я понимал, как много препятствий ждет впереди. Надо было найти и оборудовать судно, способное проходить порожистые реки; трудности отягчались тем, что гималайские реки мало изучены, большинство порогов не обозначено на картах. А до этого предстояло еще разрешить проблемы финансового и дипломатического порядка. Как ни странно, но все эти препоны лишь придавали мне решимости.

Практическое осуществление проекта началось в Лондоне дождливым (как и полагается) вечером, когда, сидя у камина в квартире моего старого друга Майкла Александра, я решил поделиться с ним дерзким замыслом. На камине стоял череп, вперивший пустые глазницы в чучела диковинных птиц на стенах самого оригинального дома, какой мне только доводилось видеть. Не менее оригинальным был и сам хозяин, Майкл Александер. Герой войны, летчик, награжденный многими боевыми орденами, Майкл закончил летать в двадцать три года и дальнейшую жизнь посвятил поискам приключений. Удача сопутствовала ему не только в небе, где он уцелел в воздушных боях, но и на земле и даже под землей. Он открыл городище XI века до нашей эры во время раскопок в Малой Азии, стал одним из пионеров охоты с фоторужьем, сделав уникальные снимки экзотических птиц, написал пять книг и основал журнал «Энималз» («Животные»), одно из первых периодических изданий, посвященных живой природе. В свои пятьдесят лет он оставался человеком редкостной энергии, умевшим «зажигаться» от каждой новой идеи.

Именно на это я и рассчитывал, когда с безразличным видом, словно между прочим, обронил:

— Как бы ты отнесся к плаванию через Гималаи на аэроглизсере? По-моему, неплохая идея...

Майкл не пошевелился. После долгой паузы он вынул изо рта трубку и двумя фразами раздавил мою мечту в зародыше:

— Кто-то уже пытался. Пустая затея.

Я взвился. После короткой, но бурной дискуссии бросился к телефону и набрал номер нашего общего знакомого Чарлза Уайли, блестящего знатока Гималаев; в свое время он был членом британской экспедиции, покорившей в 1953 году Эверест.

Мой звонок его удивил.

— Нет-нет, никто не пытался пересечь Гималаи на аэроглизсере. Я знаю только, что Хиллари с друзьями привез в Непал лодку с водометным двигателем и пытался пройти по реке Сун-

Коси. Посудина перевернулась, и двое спутников Хиллари едва не утонули.

Перед тем как пожелать мне спокойной ночи (было десять часов вечера, добропорядочные англичане видели уже первый сон, так что мой звонок был нарушением всех правил приличия), Уайли порекомендовал обратиться к Роберту Трилло, одному из лучших британских специалистов по судам на воздушной подушке.

Отправив письмо Трилло, я вернулся в Испанию, где жила моя семья, и принялся за строительство модели аэроглиссера. При этом я руководствовался собственными представлениями о его конструкции, поскольку «живьем» эту машину мне видеть не доводилось. Я купил банку клея и разобрал на части игрушечные электрические машинки своего сына. День спустя — счастливое предзнаменование! — в купленной коробке печенья жена нашла вложенный в нее в качестве премии игрушечный пропеллер. Непривычный к моделированию, я претерпел немалые муки, вырезая из бальсового дерева корпус. «Юбку» я соорудил из пластикового мешочка, приклеив ее к подобранной на свалке крышке из пенопласта. Моторчик подсоединил к батарейке. К моему несказанному удивлению, сооружение заработало! Крохотный аэроглиссер грациозно летал над полом, да так резво, что я едва успевал уползать на четвереньках в угол.

Вне себя от радости я ринулся вон из дома к соседней каменной дороге. Мое дитяще успешно проплыло над ней, заодно перемахнув через неглубокую лужицу. Я не смог сдержать восторженного восклицания. Несколько прохожих сочувственно посмотрели на меня, как смотрят на дефективных.

День моего триумфа совпал с получением ответа от Трилло. Он приглашал меня в город Питерборо в Англии, где находилась фирма по производству интересовавших меня судов.

Пейзаж вокруг Питерборо, небольшого местечка на берегу стоячего озера, так же непохож на Гималаи, как плюшевый мишка на лесного медведя. Ни одной возвышенности на горизонте, ни малейшего холмика. Местными кульминационными точками были фабричные трубы, торчавшие над плоской равниной. Нет-нет, фабрики не принадлежали фирме, с которой мне надлежало иметь дело. Судя по обшарпанному сараю, в котором хранилась готовая продукция, ее дела были далеки от процветания. Клиенты не толпились у кассы.

На мой вопрос о способности аэроглиссера карабкаться в гору мне ответили, что предельный уклон, который машина, вероятно (!), сможет одолеть, не превышает десяти градусов. От этих слов душа у меня упала под гораздо более крутым углом. Далее выяснилось, что ни в Канаде, ни в США, ни во Франции не выпускают судов на воздушной подушке, предназначенных для передвижения в горах.

Мне показали небольшой аэроглиссер размером 2,4 на 1,5 метра, двигателя которого (два мотора в тарелку величиной

каждый) производили грохот стартующей эскадрильи реактивных лайнеров. Роберт Трилло начал посвящать меня в тайны управления СВП.

Машина имела два двигателя. Первый обеспечивал поступательное движение, а второй, нагнетая струю воздуха вниз, поднимал судно над поверхностью. Управлять аэроглицером таких размеров очень трудно из-за того, что он подвержен действию ветра. Корпус имеет резиновую оборку по всему периметру — уже упоминавшуюся «юбку». Когда судно приподнимается, «юбка» скользит по поверхности, не давая воздуху растекаться из-под днища. Важной проблемой оказалось «преодоление гребня», что примерно соответствует преодолению самолетом звукового барьера. Дело в том, что направленная вниз струя воздуха, поднимая лодку, вырывает в водяной поверхности яму; соответственно перед носом лодки возникает волна, препятствующая быстрому движению. Чтобы развить скорость, надо преодолеть гребень этой волны. Ясно?

После каждого объяснения я кивал головой, поскольку все равно был не в силах сообразить что к чему. Затем мне предложили опробовать изделия фирмы. Поскольку места для инструктора в лодке такого калибра не предусмотрено, мне пришлось без подготовки брать быка за рога. В данном случае рычаги управления строптивой конструкции. Под адский вой моторов (предназначавшихся ранее для электропилы), подняв фонтан пены и брызг, я понесся по озеру как водомерка — дикими зигзагами. В какой-то момент экспедиция через Гималаи чуть было не сорвалась вместе со всеми остальными жизненными планами. Произошло это, когда на меня стремительно понеслась бетонная дамба, отгораживавшая часть озера. В последний миг мне удалось выключить оба мотора, раздался шлепок — и судно остановилось. Отдышавшись, я завел СВП и с грехом пополам добрался до сарая, где консультант и коммерческий директор фирмы радостно бросились мне навстречу. Думаю, их радость была неподдельной: потенциальный покупатель мог уйти из рук, причем безвозвратно.

Короткое плавание по озеру на маленьком аэроглицере оставило незабываемое впечатление. Судно переходило из водной стихии на твердь совершенно незаметно. В последний раз я испытывал такие острые ощущения, когда носился на джипе по льду замерзшего озера в Канаде. Надеюсь, канадские автоспециалисты не прочтут этой книги...

Короче, я подписал с фирмой контракт на постройку судна данной модели. Коммерческий директор заверил меня, что товар будет готов в середине июня. Все было прекрасно, за исключением того, что моя жена не видела причины, почему нужно потратить семейные сбережения до последнего су на неведомую машину, которая к тому же не была как следует испытана. Я набросал перед ней радужную картину: за три месяца я увижу больше, чем за десять лет, и преподнесу человечеству пода-

рок, сделав Гималаи и все прочие горы на свете доступными новому средству передвижения. Это будет подвиг века!

На жену это не произвело особого впечатления. Но отступить уже было поздно, контракт подписан.

Снедаемый нетерпением, я набросал проспект будущего похода, скромно озаглавленного «Международная трансгималайская экспедиция на аэроглиссерах». Я без обиняков объявил, что нашей целью является «исследование каньонов и долин в верхнем течении главных гималайских рек, проведение сравнительных экологических изысканий, изучение типов жилищ, выяснение происхождения пещерных обиталищ». Упор делался на «способности аэроглиссера проникать в районы, не доступные никакому другому виду транспорта». Проспект был разослан в различные организации в надежде раздобыть денег на эпохальную экспедицию.

Да, самой капитальной проблемой на ближайшее будущее было отсутствие фондов. Из собственного опыта мне было известно, что пешие хождения по труднодоступным уголкам Гималаев требовали солидных средств. Что же говорить о доставке двух, а то и трех аэроглиссеров на «крышу мира», в места, не обозначенные на карте, за много миль от ближайшей заправочной станции! Подобная операция намного превышала мои финансовые возможности.

Майкл согласился участвовать в походе, предупредив, что не сможет вложить в предприятие ни единого пенни. Я решил не занимать его финансовыми проблемами. В своей наивности я полагал, что промышленные воротилы кинутся, толкая друг друга, с чековыми книжками наизготовку снаряжать нашу экспедицию: ведь мы могли им обеспечить такую рекламу! Три следующих месяца прошли в ежедневных встречах с президентами и генеральными директорами крупных французских, английских и испанских фирм. Все были в восторге от нашего проекта — до того момента, пока не заходила речь о финансировании. В этом месте они рассыпались в извинениях («трудные времена») и желали нам всяческих успехов. Складывалось впечатление, что вся промышленность Западной Европы находится на грани банкротства. Или же меня принимали за безумца, о чем время от времени прозрачно намекал Майкл. К концу третьего месяца он заявил, что от слов «Гималаи» и «аэроглиссер» у него начинается изжога...

Итоги мы подводили в его лондонской квартире между портретом спятившего в прошлом веке баварского короля Людвига II (предзнаменование?) и черепом на камине (другое предзнаменование?). Все наши обращения с просьбой о субсидиях к бизнесменам, университетам и богатым знакомым вызывали один и тот же ответ: «Очень сожалеем, но...»

Одно-единственное письмо порадовало нас: фирма уведомляла, что заказанное судно ждет нас в Питерборо. Это уже было

кое-что. «Международная трансгималайская экспедиция на аэроглиссерах» сдвинулась с мертвой точки.

Пресс-конференция, устроенная моим лондонским издателем, собрала немного народа. Средства массовой информации почему-то проигнорировали предстоящий штурм Гималайского хребта. Лишь «Дейли экспресс» поместила в светской хронике заметку своей корреспондентки, более привычной к освещению театральных премьер и туалетов кинозвезд. Можете судить по заголовку: «Путешественник Мишель Пессель уплывает за облака». Мило, не правда ли? И главное, точно отражает суть дела.

Вскоре оказалось, что я сталкиваюсь с непониманием на каждом шагу. Мое детище выглядело полной аномалией. Так, когда я решил доставить купленный аэроглиссер во Францию, англичане уведомили меня, что суда на воздушной подушке считаются «стратегическими единицами» и для их вывоза требуется разрешение британского военного ведомства. И хотя моя малютка при всем желании не смогла бы сыграть отведенную ей стратегами роль, пришлось выправлять бумаги в министерстве обороны.

Строгий взгляд французского таможенника в Кале показал, что британские документы ему не указ.

— Что это у вас такое? — спросил он. — Лодка, автомобиль или самолет?

— Ничего, — ошарашенно ответил я. — То есть ничего из того, что вы перечислили.

— У вас есть технический талон или права на вождение этого?

После долгих препирательств мне удалось доказать, что «это» является самодвижущейся машиной, причем оба ее мотора имеют столь малый объем цилиндров, что за них не полагается пошлины. Уф!

Первые испытания будущего «трансгималайца» прошли на ферме моего тестя. Взглянув на самодвижущуюся машину, он поначалу твердо заявил, что не хочет видеть свою дочь вдовой. Нам все же удалось уговорить его разрешить полетать на лугу. Машина понеслась, виляя между коровами. Жаль, не было кинокамеры, чтобы запечатлеть первое в истории «родео» на воздушной подушке. К чести коров скажу, что они не потеряли ни хладнокровия, ни аппетита. Нам же пришлось до вечера отмывать революционное средство транспорта от навоза.

Следующим этапом стало испытание на воде. Мы выбрали пустынный берег в несудоходной части реки Шер. Едва мы собрались завести моторы, как из небытия возник строгий господин и потребовал, чтобы мы убирались.

— Река официально объявлена несудоходной!

— Обещаю вам не прикасаться к воде! — кричал я, отваливая.

Никогда не забыть мне первой прогулки по Шеру. Столетиями эта речка непотревоженно текла меж берегов, поросших почтительно склонившимися ивами. Я парил над хрустально чистой водой и, если бы не стрекот моторов, мог бы вполне считать себя в раю.

За поворотом показался рыбак с удочкой. Заметив меня, он отчаянными жестами стал показывать, что здесь мель и я вот-вот наскочи на нее. Поблагодарив его кивком головы, я вылетел на низкий песчаный берег, объехал рыбака сзади и вновь направился в речку. Оглянувшись, я с удовлетворением констатировал, что рыбак застыл, словно пораженный столбняком. Удочка выпала у него из рук... Подобные эпизоды, думаю, лежат в основе многих достоверных рассказов о летающих тарелочках.

Меня все еще разбирал смех, когда за следующим поворотом я вдруг увидел стремительно приближающуюся плотину. У аэроглиссеров нет тормозов, чтобы остановиться, надо выключить двигатели. Я лихорадочно проделал нужные манипуляции, какое-то время еще шел по инерции, но все-таки благополучно пристал к берегу.

Плавание по Шеру лишний раз подтвердило, что управление аэроглиссером — вещь весьма непростая. Машина реагирует на приказы руля с некоторым запозданием, так что начинать поворачивать надо загодя; между тем повороты на реке плохо заметны, поскольку водитель сидит на уровне воды.

— Ты ищешь приключений на свою шею? Ты их получишь!

Это пророчество одного из знакомых не раз всплывало у меня в памяти в последующие недели. Все летело кувырком, и, к сожалению, в буквальном смысле. Прокручивая сейчас в памяти эти события, я могу уподобить их лишь кадрам из фильма ужасов.

Начало весьма красочное, как в цветном телевизионном фильме. Место действия — голубое озеро Баньолас в Испании, где проходит Международная олимпиада по водным лыжам 1971 года. На трибунах — тридцать две тысячи зрителей, вооруженных биноклями. Обстановка праздничная: съехавшиеся чемпионы в причудливых доспехах, загорелые красавицы в еще более причудливых, непонятно на чем держащихся купальниках, увешанные камерами озабоченные спортивные журналисты. Американское телевидение ведет через спутник репортаж на весь мир.

Далее начинается мой выход. Изображение меняется на черно-белое. Я стою возле своего суденышка, чувствуя себя как братя Райт перед полетом. Распорядитель подает мне знак. Я наклоняюсь, чтобы включить оба мотора, и слышу, как громкоговорители возвещают: «А теперь, дамы и господа, впервые в Испании — миниаэро...» Грохот моторов заглушает текст. Зантригованные зрители вытягивают шеи. Я выплываю из-за трибуны для почетных гостей и сейчас должен явиться на всеобщее обозрение. Телеоператоры нацеливают камеры. Но что это?

Экран пуст. Один мотор, чихнув, замолкает, и я останавливаюсь за кадром.

Опытный диктор начинает заполнять паузу:

— Впервые в Испании — аэроглизсер новой модели. Этой машине предстоит долгий путь, причем бьюсь об заклад вы не догадаетесь, где он будет проходить!

Дрожащими руками я изо всех сил дергаю за шнур запуска. Организм не в силах совладать с паникой.

— Дамы и господа! Аэроглизсер пронесет через Гималаи отважного путешественника Мишеля Песселя!

Шнур обрывается, и я падаю навзничь, дрыгая ногами.

На этом лента кончается. На глазах у тридцати двух тысяч зрителей я медленно гребу веслом к берегу. Мне хочется провалиться, утонуть, исчезнуть. Я готов изорвать проклятую машину на кусочки — так подвести меня... Ведь водная Олимпиада давала шанс получить чуть ли не международное паблисити и заручиться поддержкой могущественных спортивных организаций. Но кто станет со мной разговаривать после такого конфуза?

И все-таки народная мудрость, толкующая о том, что нет худа без добра, подтвердилась и на сей раз. Когда, удрученный донельзя, я упаковывал свое добро, ко мне подошел бородатый незнакомец. Без тени насмешки он сказал, что аэроглизсер произвел на него огромное впечатление. Настолько, что он готов отправиться на нем в Гималаи. Не знаю почему, но я сразу ощутил в нем родственную душу. Бородатый добавил, что его зовут Роберт Кордюкс, что он австралиец, плавал по всем морям судовым механиком, сейчас живет в Испании, где владеет небольшим пансионом, и давно хотел «присоединиться к чему-нибудь стоящему».

Так экспедиция обрела третьего участника, и ее англо-франко-австралийский состав стал действительно международным. Дальнейшие события развивались в быстром темпе. Дома меня ждала телеграмма от Майкла: «Фирма ликвидируется тчк распродажа СВП послезавтра тчк необходимо присутствие Лондоне».

Распродажа имущества после краха всегда грустное зрелище. Аэроглизсеры и оборудование лежали на берегу, словно брошенная на поле боя техника. Инженеры фирмы потерянно бродили среди покупателей, норовивших купить за несколько фунтов то, что неделей раньше стоило несколько тысяч. Некоторые высказывали пессимистические прогнозы относительно будущего аэроглизсеров — наша фирма была уже третьей, разорившейся за год. Я с раздражением смотрел на своих потенциальных конкурентов: «На что им такая машина? Небось хотят похвастать перед соседями!» В свою очередь я ловил на себе иронические взгляды присутствующих: им было известно о нашей затее. Мы с Майклом держались особняком, полные сознания собственного

превосходства — мистер Роллс и мистер Ройс среди извозчицкой братии.

На аукционе мы купили два аэроглиссера с надувным корпусом той же модели, что и наша первая машина. Любопытно, что эта покупка не осталась незамеченной. Упомянув о ней, журналист «Дейли экспресс» присовокупил такую фразу: «Очевидно, Мишель Пессель намерен доставить свои суда в горы, навьючив их на спины лам».

— Что знаем, то и пишем, — прокомментировал Майкл. — Для начала он перепутал горы: ламы водятся в Андах. Те, что в Гималаях, во-первых, двуногие, а во-вторых, служат богу, а не средством транспорта.

Как бы то ни было нелепая газетная фраза вернула нас к действительности. Пора было испытать приобретенную технику в горах. Как поведут себя аэроглиссеры на высоте?

В ноябре мы отправились в Пиренеи, на озеро Буйуз по соседству с Андоррой. Разогнавшись на снегу, я лихо перескочил на воду. Поначалу все шло хорошо, но потом аэроглиссер потерял скорость и никак не мог преодолеть гребень. Корпус постепенно стал обрастать льдом, а карбюратор заиндевел. Судя по всему, моторы не справлялись с высотой две тысячи метров. А ведь это пустык в сравнении с Гималаями...

Я вновь обратился к Роберту Трилло. Тот вооружился логарифмической линейкой и через неделю представил нам записку с рекомендациями, как следует модифицировать моторы СВП для работы на высоте три тысячи метров над уровнем моря.

Это вселяло надежды, но... Для модификации требовались деньги, а после покупки двух машин на моем счету оставалось несколько франков. Это обстоятельство должно было сделать особо обольстительной мою улыбку, которой я готовился встретить на набережной Сены, в центре Парижа, представителей прессы и телевидения. Мы собирались показать возможности судов на воздушной подушке, надеясь убедить какую-нибудь организацию выделить экспедиции необходимые средства.

За десять дней до рождественских праздников были разосланы приглашения, арендована баржа для пресс-конференции и коктейля. Все было готово. Не было только аэроглиссеров. Два застряли в Англии, в порту Саутгемптон, а третий жена должна была привезти на машине из Испании. Жена прибыла накануне знаменательного события, в три часа дня. Пресс-конференция была назначена на следующее утро в 10.00.

— А где же аэроглиссер? — чуя недоброе, спросил я, глядя на пустой багажник.

— Понимаешь, возле Нарбонна, когда я ехала на скорости сто десять, аэроглиссер сдуло ветром с крыши.

— Ну и? — хрипло выдавил я.

— Я собрала все кусочки...

Аэроглиссер выглядел так, словно его пропустили через мясорубку. Отменять пресс-конференцию было уже поздно. Все шло

к тому, что меня ждет новый Баньолас с той разницей, что я уже не смогу подгрести на веслах к берегу... Поначалу мне захотелось броситься в Сену. Но я бросился к телефону. Выслушав мою похоронную депешу, Майкл невозмутимо, как и подобает англичанину, сообщил, что все формальности выправлены и он намерен быть на берегу Сены завтра в десять утра. «Если все будет нормально»,— добавил он.

Без десяти минут десять следующего дня журналисты нетерпеливо переминались на набережной возле баржи. Я переходил от группы к группе, пытаюсь дурацкими шутками отогнать мысль о самоубийстве. Пресса ждала показа. Здесь был весь цвет французской научной журналистики, многие репортеры побывали на мысе Кеннеди, видели запуск ракеты на Луну. Никто из них не верил в начинание, обозначенное на их приглашениях как «Международная трансгималайская экспедиция на аэроглицсерах». Поэтому они и приехали.

Ровно в десять на набережной показалась машина с лондонским номером. На крыше у нее красовался аэроглицсер «002». Майкл появился в элегантной меховой шубе с трубкой в зубах. Из другой двери выпорхнула юная особа в леопардовом манто. Казалось, они сошли с обложки журнала мод, не хватало разве что породистой собаки для полноты картины. Внимание всех переключилось на приехавших. Майкл прекрасно играл роль «эксцентричного англичанина». Я, худой и бледный, с всклокоченными волосами и полубезумным взглядом, прекрасно вписывался в образ профессора Паганеля.

Теперь надо было либо победить, либо умереть. Мы победили. Я парил по Сене, промчавшись под знаменитыми мостами до Лувра в один конец и до Эйфелевой башни — в другой. Я играл в кошки-мышки с неповоротливыми грузовыми баржами, взбирался по пологим откосам и вновь вольтижировал на воде. Ничего подобного наши гости не видели даже на мысе Кеннеди. Обстреливаемый кино-, теле- и фотоаппаратурой, я чувствовал, что парю на раздутой подушке собственного тщеславия.

Затем на арендованной барже я произнес перед журналистами тщательно отрететированный спич. К этому времени уровень спиртного в выставленных бутылках заметно понизился, а настроение присутствующих соответственно повысилось. Все желало нам удачи. Только один нудный господин счел нужным заметить:

— Похоже, машина с трудом взбирается на откосы, а они здесь не превышают трех метров. На какой высоте пролегает ваш маршрут в Гималаях?

— Три тысячи метров,— отрезал я.

Журналист пожал плечами. Аналогичной была и реакция французского правительства. После долгих переговоров с министерством по делам молодежи и спорта я получил официальный ответ: «Обратитесь в Федерацию гребного спорта». Там мне

заявили, что моторные суда вне их компетенции. Вот если бы мы отправились на байдарках, тогда другое дело.

Британское правительство проявило к нам больше внимания. Майклу позвонил директор Национального комитета по исследованиям и развитию, на финансовую помощь которого мы сильно рассчитывали. В голосе этого джентльмена звучала неподдельная озабоченность: «Вы рискуете скомпрометировать репутацию британских судов на воздушной подушке. Если с вами что-то случится, рассчитывайте только на себя». Майкл поблагодарил за напутствие.

Под Новый год я получил замечательный подарок: письмо от моего старого друга генерала Сурендры, бывшего командующего непальской армией, занимавшего сейчас правительственный пост; он оказал мне большую помощь во время предыдущих путешествий по Гималаям. Сурендра извещал, что нам дано официальное разрешение на проезд в Непал и испытание наших машин на горных реках. Письмо начиналось обращением «Мой дорогой Мишель» и заканчивалось пожеланием всяческих успехов. Другое письмо с приложением чека на двести фунтов стерлингов я получил от друга моих родителей; он цитировал старинную голландскую поговорку: «Там, где дурак не пройдет, умный перепрыгнет». Лучшего девиза не придумаешь!

Экспедиция все еще находилась на финансовой мели, но новый год открывал светлые перспективы. Мой лондонский издатель согласился дать аванс под будущую книгу. Авиакомпания «Эр Франс» в целях рекламы предложила бесплатно доставить нас в Непал. К началу весны экспедиция уже вырисовывалась с пугающей отчетливостью...

Трило с двумя инженерами модифицировал моторы. Последняя гайка была закручена за два дня до вылета. Аэроглицеры поместили в три больших контейнера, в остальных двух десятках ящиков были сменные моторы и бесчисленные запчасти. Мы отправлялись в такие края, где люди умеют возделывать рис и чай, валить деревья и охотиться на тигров. Но ремонтные мастерские там — редкость, поэтому потеря одной гайки рисковала парализовать экспедицию. Все ли мы взяли? От этого вопроса я просыпался среди ночи. Только теперь, когда все было готово, я соразмерял наше начинание с масштабами гималайских рек. Перед мысленным взором катились миллиарды тонн ледяной воды, которая перепиливала горные хребты, подрывала берега, ворочала камни величиной с дом. И этих монстров мы рассчитывали укротить своими утлыми суденышками?

Впервые я засомневался, а не прав ли был высокопоставленный джентльмен, что опасался за репутацию британской продукции...

С самолета Гималаи выглядят беспорядочным нагромождением пиков и ледников, узловатым сплетением хребтов. Лишь на карте видно, что горная система выстроилась в определенном порядке. Первая ступень начинается на юге, где над так называе-

мыми тераями — узкой лесистой, местами заболоченной равнины — полосой поднимается Сиваликский хребет, цепь сравнительно невысоких гор и холмов. Следующая, более высокая ступень — хребет Махабхарат — горная стена, в которой всего три сквозных ущелья, через которые устремляются реки. Наконец, на севере высятся Главный Гималайский хребет, увенчанный заснеженными вершинами — восьмитысячниками, известными каждому школьнику, — Эверест, или Джомолунгма, Дхаулагири, Аннапурна и другие.

Нашей целью было попытаться преодолеть по очереди все три барьера — холмы предгорья: Сивалик, затем Махабхарат и, наконец, Главный Гималайский хребет. Вопрос был лишь в том, какую реку выбрать. Точных сведений о режиме гималайских рек нет ни в одном справочнике. Можно было полагаться лишь на собственный опыт. Я в свое время совершил путешествие в Мустанг на севере Непала вдоль берега Кали-Гандака. Но для этого похода требовалось особое разрешение властей, поэтому в качестве рабочего варианта мы остановились на другой реке, Сун-Коси, прорезающей хребет Махабхарат в восточной части страны.

В Катманду нам удалось зафрахтовать грузовой самолет до Биратнагара. В отсек с грехом пополам влезли три контейнера с нашими СВП, двадцать одна пустая канистра, якоря и весла. В последний момент в Лондоне я закупил снаряжение, перечень которого должен вызвать удивление у любого знатока туризма и экскурсий: альпинистские штормовки и резиновые комбинезоны для ныряния, якоря и парашюты, буи и альтиметр, меховые шапки и мотоциклетные шлемы, рыбацкие сапоги и шипованные ботинки. Да, я чуть не забыл упомянуть о главном... Майкл заявил, что готов следовать на край света через пороги и перекаты при одном условии: если я поставлю ему в аэроглицер комфортабельное кресло. Стандартное сиденье его не устраивало. Пришлось лезть из кожи вон и заказать поролоновое кресло по фигуре моего спутника. Требования Боба, по счастью, были куда скромнее: ящик пива «Гиннес».

Биратнагар, второй по значению непальский город, стоит на границе с Индией. Возле аэродрома нас ожидал громадный грузовик, любезно предоставленный правительственным ведомством. Мы не стали откладывать выезд: термометр показывал плюс сорок девять градусов, и нас тянуло к воде. Мы направлялись в Чатру на берегу реки Сун-Коси, где должны были начать свою трансгималайскую эпопею.

Проезжая дорога доходила только до Чатры, дальше в горы поднималась вьючная тропа. Конец машинной цивилизации был отмечен свалкой металлолома: ржавые бульдозеры, скреперы, экскаваторы. Сделав свое дело — проложив шоссейную дорогу, механизмы были уже ни на что не пригодны. Над свалкой парили коршуны. Символическое место для старта экспедиции: порог, достигнутый технологией. Здесь нам предстояло опробовать

новую технику. «Стать пионерами в загрязнении еще не тронутой среды», — безжалостно отчеканил Майкл.

Я не стал возражать. Спорить с Майклом — заведомо безнадежная затея: в искусстве риторики ему нет соперников, причем он любит выступать в роли «адвоката дьявола». Думаю, он и сам прекрасно знал, что не техника повинна в деградации природы, а люди, неразумно и бесконтрольно ее использующие.

Мы решили провести пробную поездку на одном аэроглиссере. Эта честь выпала мне. Моему судну предстояло пройти вверх по течению и вернуться назад. Тем временем носильщики с частью груза и несколько мулов с запасом горючего должны были двигаться к месту будущего базового лагеря у слияния Сун-Коси с Аруном. Это была удобная развилка, откуда легко было взять курс на север и на юг.

Первая проба сил. Застрекотали моторы, заглушив шум реки. Аэроглиссер легко сошел с берега. Вода мчалась на меня фронтом шириной сто метров, низвергаясь из горловины, находившейся в четырех-пяти километрах впереди. Подпрыгивая на волнах, я направил судно против течения. За круглым поворотом открылся первый перекат. Он производил гораздо более внушительное впечатление, чем я думал. Тугие струи били в резиновый борт. Машина задрала нос и начала... отползать назад! Вокруг летела пена, сильный ветер и течение сносили судно к береговому утесу. Что, если заглохнет мотор? Отчаяние от собственного бессилия охватило душу. Правильно мне твердили — это безумная затея.

Машина отползла на более спокойное место, потом дернулась вперед и с грацией газели перескочила трудное место. Короткий разбег — новый поворот и новый перекат. Я понял, насколько недооценил в Европе серьезность будущих препятствий: ведь мы еще не добрались до порогов. Гималайские реки были мне знакомы прежде только как наблюдателю; сейчас предстояло познакомиться с ними «изнутри»... Едва я прошел второй перека-т, как впереди, буквально в нескольких метрах, заметил низко провисший металлический трос. Скорость была слишком велика, чтобы остановиться. Я вжался в аэроглиссер и поднырнул под трос, просвистевший над головой.

Это был урок: опасности могли возникнуть с самой неожиданной стороны, не только снизу, но и сверху. Аэроглиссер между тем бодро продолжал путь в ущелье. Было всего четыре часа пополудни, но в ущелье уже стало темнеть. Слева обозначилось место впадения притока. Значит, я добрался до расчетной точки, где мы собирались устроить базовый лагерь.

Подняв облако пыли и мелкой камней, я выскочил на низкий берег. Что ж, первую прикидку можно было считать удачной. Я откинулся на сиденье. Ко мне робко приблизились несколько местных жителей; они явно не знали, чему изумляться больше — моей персоне в мотоциклетном шлеме, гидрокостюме и спасательном надувном жилете или необычной прыгающей машине. Глаза их расширились еще пуще после того, как я поздоровался с ними

и спросил, далеко ли до селения. Они ответили, что оно за рекой. Это меня озадачило. Значит, где-то недалеко есть переправа, а я не заметил.

Пошел взглянуть на место слияния двух гималайских рек. Эту картину можно описать лишь словом «неистовство». Вода кипела. В воздухе стояла водяная пыль. Грохот закладывал уши. Пытаться одолеть это буйство природы на наших суденышках? Об этом нечего было и мечтать.

В ущелье упала густая тьма. Надо было располагаться на ночлег...

Я проснулся в пять часов утра. Рокот реки казался еще более угрожающим. Стылый рассвет покрыл все вокруг изморосью. Я надел спасательный жилет, шлем, погрузил в аэроглиссер спальный мешок и дернул за шнур запуска.

Вниз по течению лететь было приятнее. Я старательно вспоминал, где по пути сюда мне встретились «острые углы». Берега расступались, горы стали приземистее. Теперь можно было немного расслабиться и полюбоваться пейзажем. Солнце ярко освещало джунгли. Двое людей на берегу приветливо махали мне: Майкл и Боб.

Я подробно изложил им диспозицию. Обсудив все детали, мы решили пуститься в путь, но при пробном запуске выяснилось, что в машине Майкла барахлит мотор. Починка заняла почти четыре часа. Солнце прищельно било в макушку, и каждые полчаса приходилось окунаться в ледяную воду, чтобы не изжариться. Горло пересохло, голос охрип. Наконец мотор завелся. Мы ничего не ели, поскольку все припасы унесли носильщики, не было сил шевельнуть рукой — и это в тот самый момент, когда первый серьезный старт требовал предельной собранности.

Майкл двинулся первым. Я последовал за ним, но, оглянувшись, увидел, что Боб бессильно болтается у берега. Пришлось развернуться и выяснить, в чем дело. Минут через пять Боб отладил карбюратор, и мы поплыли вместе. Тем временем Майкл успел исчезнуть из виду. Река, достигавшая в месте старта стометровой ширины, постепенно сужалась перед ущельем. Мы благополучно одолели первый перекат. Все шло нормально, если не считать того, что Майкла не было видно.

Оказалось, что на это были серьезные причины. Я предупредил друзей о протянутом через реку тросе, но в пылу азарта Майкл забыл о нем и увидел ржавый трос буквально перед самым носом. Еще мгновение, и Майкл остался бы без головы. Он сумел все же пригнуться, но трос чиркнул по коже тягового двигателя. Майкл так разволновался, что круто свернул к берегу и остановился в маленькой бухточке, поджидая нас.

Первый привал на воде. Мы обсудили ситуацию. Итоги выглядели следующим образом: удалось пройти двадцать восемь километров. Это было далеко от намеченного графика (в своих наполеоновских замыслах мы мечтали проходить за день до сот-

ни километров!), но все же движение на аэроглизсерах было возможно.

Усталость оказалась настолько сильной, что вытеснила голод. Когда я поставил палатку и гостеприимным жестом хотел пригласить в нее своих спутников, Майкл и Боб уже спали на песке, положив головы на надувные спасательные жилеты...

На рассвете стали готовиться к продолжению путешествия. Неприятности первого дня заставили нас как следует обследовать моторы. Ведь предстояло преодолеть бурное место слияния двух рек. Мы находились в нескольких километрах от того района, где Хиллари потерял один из своих водометных судов. Закончив с механикой, Майкл взял спиннинг и отправился «добывать обед». Он надеялся поймать крупного «массира», местную разновидность осетра, иногда доходящего по весу до сорока килограммов. Не принимайте эту цифру за классическую гиперболу рыбацкого рассказа: мы собственными глазами видели эту рыбу в сетях у местных жителей. Майкл забрал по пояс в воду и стал деловито крутить катушку спиннинга. Мы с Бобом в ожидании улова решили провести разведку течения реки.

К северу от лагеря крутые волны перекачивались через невидимые камни. Серая масса Аруна вырывалась из глубокого каньона и сталкивалась с зелеными струями Сун-Коси.

Теоретически наши суда отрывались от поверхности, но движение их при этом замедлялось из-за трения воды о нижнюю часть «юбок». Особенно это чувствовалось на перекатах. Преодолев ближайший из них, мы собирались нырнуть в глубокую горловину Аруна. Стиснутая скалами река должна была быть очень глубокой.

Арун — одна из крупнейших рек Непала. Могучий водный путь начинается на Тибетском нагорье и проходит двести семьдесят километров вдоль Главного Гималайского хребта, прежде чем найти проход.

Мы вклинились в ущелье, и я сразу обратил внимание на изменение шума мотора. Что это — акустический эффект? Нет, похоже, тяговый двигатель потерял мощность. Так и есть: аэроглизсер стал пятиться назад. Я лихорадочно заработал веслом, вбок, вбок к крохотному заливику. Боб подрулил ко мне. Причина неполадки выяснилась лишь час спустя: лопнула шпилька вала. О том, чтобы заняться починкой на месте, не могло быть и речи. Решили, что я останусь «загорать» в ущелье, а Боб продолжит разведку.

Не прошло и получаса, как я увидел плывший ко мне по течению аэроглизсер Боба. Он был пуст! Я едва успел испугаться, как голова Боба вынырнула позади корпуса. Вдвоем мы вытянули на берег его машину. Отдышавшись, Боб рассказал, что, разворачиваясь в нескольких километрах от места моей вынужденной стоянки, он чиркнул лопастью нагнетателя о камень, и та сломалась. Ничего не оставалось, как пуститься назад по воле течения, держась за надувной корпус аэроглизсера.

Итак, оба наших транспортных средства вышли из строя. Что делать? Можно было, оставив машины, вскарабкаться по откосу вверх и двинуться к лагерю пешком. Это заняло бы примерно шесть часов. В свое время Майкл, вспоминая фронтный опыт, говорил мне: «Надувная посуда способна спуститься по течению любой реки». Заметив мой недоверчивый взгляд, Майкл повторил: «Резиновая лодка — самый надежный вездеход».

Но сейчас идея спуска через пороги на обездвиженных машинах казалась мне слишком опасной.

— Здесь же всего несколько километров до лагеря! — воскликнул Боб. Аргумент возымел действие, и мы столкнули машины в воду.

Возле берега течение подхватило и понесло нас, сначала медленно, потом быстрее, быстрее. Скалы полетели назад. Иногда нас начинало кружить, и тогда приходилось, бешено работая веслом, выгребать на стремнину. Пока все шло хорошо.

Я пустил Боба вперед: мне было спокойнее, когда он находился в поле зрения. Расстояние между нами все увеличивалось. Вскоре грохот возвестил о месте слияния Аруна с Сун-Коси. Значит, до лагеря рукой подать! Не успел я это подумать, как потерял Боба из виду. Машина слушалась все хуже. Как я ни налегал на руль, ее несло в самую бурную часть потока. А вот и первые крупные волны. Я ожидал их: когда мы шли вверх, я постарался пройти это место у самого берега, где вода была спокойной. Сейчас вокруг кипела пена.

Две водяные массы сталкивались в яростном желании поглотить друг друга. Они обвивали тугими струями торчащие как надолбы камни, расталкивали берега и становились на дыбы, не желая уступать первенство. В долю секунды я понял, что меня ждет. Двухметровые волны катились в моем направлении, не было никаких шансов одолеть их. В отчаянии я стрельнул глазами по берегу. Какой-то человек кричал, размахивая руками. «Держись крепче!» — догадался я. Волна ударила в борт, аэроглизсер задрал нос, и машина всей тяжестью опрокинулась на меня.

Все дальнейшее шло как в замедленной съемке. Я был под водой в плену аэроглизсера; белый свет казался сквозь дно оранжевым. Я изо всех сил барахтался, отпихиваясь руками и ногами, но могучее течение несло меня дальше как палый лист. То и дело меня било о камни. Я задыхался. Неужели конец? Дышать было нечем, вокруг пузырилась вода, и свет доходил все слабее. В последнем отчаянном усилии я рванулся из-под резиновой тюрьмы и вынырнул на поверхность. Мгновением позже набежавшая волна вновь увлекла меня на дно.

Казалось, прошли часы. В мозгу стучали все похоронные пророчества, которыми нас потчевали перед началом экспедиции. Как они были правы, эти благоразумные люди: мы схлестнулись с противником, который явно был нам не по плечу...

Тупая боль стиснула голову, тошнота подступила к горлу. По-

ток вынес меня на поверхность. Затуманенным взором я увидел большой черный камень посреди течения. Плохо соображая, что делаю, я протянул руку. Рука показалась мне совершенно чужой, ладонь судорожно сжималась и разжималась... камень проехал в нескольких миллиметрах, а река поволокла меня дальше. Растопырил руки, и в объятия мне попал скальный выступ. Мертвой хваткой вцепился в него и повис. Тут же меня начало выворачивать наизнанку в приступе рвоты. Отдышавшись, взглянул на саднившие ладони: они были в глубоких порезах. Сильно болела спина. По счастью, встречи с камнем избежала голова. Живой... Я даже не смел подумать об этом. Никогда не приходилось видеть смерть так близко.

Я был еще слишком слаб, чтобы оценить ситуацию. А она была не из блестящих: один на камне посреди бурной реки. Бесполезно звать на помощь; во-первых, голоса никто не услышит из-за грохота реки, а во-вторых, вокруг никого нет и не может быть.

Где Боб? Меня начала бить дрожь. Боже, лишь бы только он остался жив!

Забегая вперед, скажу, что Боб в это время изо всех сил старался удержать голову над водой. Его аэроглизсер постигла та же участь, что и мой, но у австралийца хватило опыта и присутствия духа не отпустить посудину, а уцепиться за днище. Улучив момент, он сумел вскарабкаться на него и так на перевернутой машине доехал до лагеря. Завидев палатку, Боб, работавший в молодости спасателем на сиднейских пляжах, нырнул в пенистые воды, схватил причальный трос и попытался храбро достичь берега вплавь. Однако поток властно потащил аэроглизсер дальше, и Боб на тросе последовал за ним.

Ему вновь удалось влезть на днище. Перевернутый аэроглизсер оказался надежным сплавным средством, он даже увернулся — по собственной инициативе — от крупного валуна. В пятистах метрах ниже лагеря Боб все же сумел соскочить на мелководе и подтянуть аэроглизсер к берегу.

Всего этого, повторяю, я знать не мог. Повиснув на камне и оглядевшись, я стал взвешивать свои шансы достичь берега вплавь. Шансы были равны нулю. Меня всего трясло, перед глазами стояла пелена, впору было думать о том, как бы не сорваться с камня...

Сколько прошло времени — пять минут или полчаса — не знаю. Неожиданно на ближнем ко мне берегу появился человек. Это был старик, судя по согбенной фигуре и медленным жестам. Он что-то крикнул, махнув рукой, по всей видимости предупредая, чтобы я не слезал со своего камня, потом удалился и вскоре возник вновь. В руках у него был длинный бамбуковый шест. К сожалению, дотянуться до меня он не смог. Тогда он начал знаками показывать на другой берег.

Я обернулся. Четверо мужчин что-то тянули по откосу на берег. Мой перевернутый аэроглизсер! Я отчаянно замахал им. Зна-

ками они дали понять, что заметили меня. Отвязав от посуды нейлоновый трос, они стали бросать его мне. Удивительно, но с третьей попытки я поймал конец и обмотался им. До сих пор помню, с каким тщанием я вывязывал узел — на нем держалась моя жизнь. Затем поглубже вздохнул и соскользнул в волны. Четверо крестьян благополучно вытянули покорителя гималайских вод на сушу.

Кошмар кончился. Я был цел и почти невредим. Все остальное было прежним: солнце немилосердно жгло (впрочем, продрогшему путешественнику это было как нельзя кстати), река пенилась и бесновалась, крестьяне оживленно комментировали происшествие.

Понемногу все становилось на свои места, только судьба Боба бередила душу. Чтобы как-то отвлечься, я стал оценивать масштабы случившегося. Машины потерпели крушение, спутник исчез, возможно даже погиб. Но даже если он и остался жив, все планы пошли насмарку. И это после стольких хлопот по организации экспедиции...

Я подошел к аэроглицсеру, бессильно лежавшему вверх дном. Удивительно, но резиновый корпус не лопнул. Зато уж кожух из фибerglassа и шасси тягового двигателя наверняка сломаны. Дружным усилием перевернули машину: от кожуха отломался только уголок, все остальное было цело! Я не мог прийти в себя от изумления: неужели ущерб этим и ограничивался? Разумеется, исчезли все инструменты и передний чехол. Моторы, естественно, были полны воды, кое-какие металлические детали погнуты. Но в целом картина была не столь уж грустной.

Крестьяне, вызволившие меня из реки, взялись донести потерпевшее крушение судно до лагеря. Там меня ждал Майкл. Со вздохом облегчения я увидел рядом с ним Боба. Мы наперебой стали делиться впечатлениями.

Майкл слушал насупившись. Перипетии пережитого нами не могли развеять его горечи от того, что мы отправились в путь одни. Он даже не слышал, как мы отъехали. Ни одной рыбки он не вытащил, зато сломал удище. Поистине это был день неудач! Вскоре нам предстояло убедиться, что неприятности еще не кончились.

Я щедро расплатился с крестьянами, выручившими нас и наши машины из беды. Но, когда они помогали переворачивать аэроглицсеры, из-под машины 002 выскочила белая змея и ужалила непальского подростка. Бедному пареньку стало очень худо. Надо было срочно что-то делать. Мы с Бобом приступили к операции. Прозецифицировав спиртом ланцет, сделали глубокий надрез на зиге и как можно тщательнее обработали рану. Юноша не издал ни единого стога; презрение к боли — признак доблести в горах.

Убедившись, что жертва змеиного укуса вне опасности, мы приступили к осмотру флотилии. Перво-наперво следовало вылить воду из моторов. Вывинтив свечи и дергая за шнур стартер-

ра, мы выталкивали из цилиндров илстую воду. Процедура оказалась трудоемкой, и лишь наступление темноты заставило нас прекратить манипуляции. Мы съели ужин (он же обед и завтрак этого нескончаемого дня) и улеглись спать. Если такое будет повторяться часто... нет, лучше не думать.

Утром на освеженную вчерашними купаниями голову мы составили ведомость убытков. Во-первых, из трех наборов инструментов остался только один. Поскольку многие вещи, как мы знали наверняка, в Катманду найти не удастся, это была подлинная катастрофа. Но она меркла в сравнении с состоянием моторов. Удастся ли когда-нибудь завести их? После трехчасового интенсивного копання один заработал. Из груди у нас вырвался радостный вопль. Окрыленные первым успехом, мы искупались и принялись разбирать второй мотор. Каждую деталь отвинчивали, сушили, смазывали и вновь ставили на место... Двигатели оказались более стойкими к передрягам, чем мы смели предполагать. С оснасткой летучих кораблей дело пошло быстрее, и к ночи наша флотилия пришла в боевую готовность.

...Вечером мы принимали гостя — местного рыбака, одного из моих спасителей. Как и его сородичи из племени раи, он был приземист, с монголоидными чертами лица. Разговор у нас шел преимущественно жестами, но бутылка рисовой водки обеспечивала полное взаимопонимание. Время пролетело незаметно. Мы осмотрели снасти рыбака, а он — наши машины. Обе стороны проявили заинтересованность. Орудие лова состояло из двух бамбуковых шестов, связанных так, что они образовывали угол. Между свободными концами провисала сеть. Зайдя по пояс в воду, рыбаки окунают сеть, а затем быстро вытаскивают ее. Такой слепой метод позволяет добывать мелких рыбешек, которые поднимаются на нерест к верховьям.

Эта встреча была первым контактом с непальскими рыбаками, которых мы позже во множестве встречали в восточной части страны. Надо сказать, что наличие племен, живущих рыбной ловлей в Гималаях, было для меня неожиданностью. Правда, мы находились на высоте всего триста метров над уровнем моря, в то время как соседние горы поднимаются на две с половиной тысячи метров.

Горы налагают поразительный отпечаток на географию мест обитания. Если составить схему населенных зон, то можно увидеть, что нередко на одной и той же горе живут три совершенно различных племени — каждое на «своей» высоте. Прав был профессор Туччи, утверждавший, что этнография Непала «самая сложная в мире».

Происшествие на Аруне показало, что от работы моторов зависела наша жизнь. Между тем из опыта стало ясно, что на них нельзя полностью положиться, машины требовали постоянной наладки и регулировки. Разумно ли подвергать себя риску из-за внезапной неполадки в моторе?

В целом отрицательный результат на Аруне обогатил нас полезными сведениями о поведении наших машин. Так, было установлено, что аэроглиссеры могут одолевать волны полутораметровой высоты, но на больших перекатах постепенно замедляют ход. Если увеличивать скорость, суденышки начинают «клевать носом». Таким образом, задача сводилась к тому, чтобы пролетать перебаты на оптимальной скорости — не слишком быстро, не слишком медленно, одновременно обходя крупные камни. Нелегкая задача. Она усугублялась еще и тем, что на высоте двадцать пять сантиметров над поверхностью воды трудно видеть, что делается впереди. Выходя из поворота, надо было за считанные секунды принять решение и произвести маневр. Так, нам с Бобом пришлось одолевать самый трудный перебат в несколько приемов: каждый раз крутая волна звонким шлепком отбрасывала нас назад.

Особенно живописно этот процесс выглядел сквозь объектив кинокамеры, когда я снимал Боба в действии. Вот его СВП соскальзывает с песчаного пляжа в воду, набирает скорость, описывает большую дугу и мчится к каменистому перекату; нельзя избавиться от ощущения чуда, глядя, как машина пролетает над камнями, подсакивая на гребнях. Иногда аэроглиссер застывал на месте, затем в облаке пены броском продвигался вперед. Бобу приходилось все время делать поправку на дрейф. Вождение амфибийного судна требует быстроты реакции, координации движений и обостренного чувства ориентировки.

К сожалению, все эти замечательные качества не могут застраховать от неприятностей: на обратном пути Боб не сумел избежать столкновения с острым камнем. Результатом была дырка в надувном корпусе. Подкачав его, он добрался до лагеря, где мы быстро заделали брешь.

Неожиданностью для нас оказался индивидуальный «норов» каждого аэроглиссера. Теоретически машины были одинаковы, однако на воде каждая вела себя по-своему. Причиной были таинственные законы аэродинамики низких давлений, над которыми мы были не властны.

Сопоставляя впечатления первых дней, мы выявили три типа перекатов. Под этим словом я разумею стремнину, проходящую через каменный барьер, в отличие от столь же быстрого течения по гладкому руслу. Каждый перебат имел свое лицо, но условно мы разделили их на три типа.

Первый нарекли «простым перекатом» — река спускается по наклонной плоскости, не встречая на пути особых препятствий. Второй тип был назван «изогнутым перекатом»; эти стремнины очень коварны, поскольку течение, завихряясь, устремляется к противоположному берегу поперек русла. При этом машину начинает таскать во все стороны, и приходится идти на максимальном режиме, стараясь держаться середины реки. В третью категорию мы включили «перебаты с зубьями», то есть усыпанные торчащими камнями. На практике, как всегда в природе, чистые

типы встречались редко. Сплошь и рядом перекаты включали в себя участки всех трех типов. Кроме того, на глубине нередко возникали восходящие потоки, которые неожиданно подбрасывали машины, и те опасно кренились.

Еще одно открытие: вопреки первоначальным предположениям спуск по бурной реке оказался делом не более легким, чем подъем против течения. Причиной был тот самый гребень, о котором я упоминал. Чтобы выскочить из впадины, надо было развивать максимальную скорость и мчаться сломя голову (не буквально!); управлять при этом чрезвычайно трудно. Результат? Спуск к лагерю, рисовавшийся нам безмятежной прогулкой, превращался в изматывающее сражение со своенравной рекой.

Путешествие по Аруну представляло собой первую попытку плавания по гималайским рекам. Была доказана принципиальная возможность движения по ним судов на воздушной подушке. Какое это имеет значение в здешних условиях, мы поняли на одном из притоков Аруна. Берега представляли собой отвесные стены, на верху которых виднелись человеческие фигурки. Их разделяла река. Я знал, что путь от одного берега до другого занимал... четыре дня. Да, надо было два дня идти вниз до переправы, а потом два дня вверх, к прежнему месту. Будучи соседями, порой даже перекликаясь друг с другом, люди не могли встретиться, пожать друг другу руки. Позже я узнал, что племена, обитавшие на двух берегах в сотне метров друг от друга, говорили на разных языках.

Мы преодолели каньон, разрезающий хребет Махабхарат. Дальше на север лежала долина, упиравшаяся в массив Эвереста. На карте до макушки Земли было чуть больше ста километров. Учитывая, что за день нам с Бобом удалось пройти пятьдесят километров, до высочайшей точки планеты оставалось два перехода на СВП. Как все доступно на карте...

Ко мне понемногу возвращался оптимизм, основательно подорванный кораблекрушением. Надо было готовиться к продолжению путешествия, постаравшись учесть опыт предыдущих плаваний. Было замечено, что при перегревании моторов существенно уменьшается маневренность, поэтому стали грузить на аэроглизсер меньше канистр. С собой на борт мы брали солидное количество запасных частей: лопасти вентиляторов, резиновые заплатки, тросы и прочее, не считая весел, якорей, еды и питьевой воды (последнее звучит особенно курьезно при описании путешествия по реке). Таким образом мы могли взять всего три канистры, что обеспечивало дальность хода в сто двадцать километров.

Опыт отчетливо показал, что наши СВП, не будучи ни самолетами, ни кораблями, ни автомобилями, унаследовали дефекты всех этих трех видов транспорта. Они опрокидывались, как корабли, наталкивались на препятствия, как автомобили; немало стараний приходилось прикладывать, чтобы оставаться «на лету» и не совершить вынужденной посадки посреди реки,

Для тех, кто знаком со всеми тремя средствами передвижения, трудно описать ощущения, которые испытываешь, поднимаясь против течения неведомой реки. Пожалуй, это больше всего похоже на бреющий полет. Добавьте к нему такую деталь: поскольку на аэроглицсере нельзя делать резких поворотов, каждый маневр оказывался выбором между Сциллой и Харибдой. Скорость была нашим спасением и одновременно нашим злейшим врагом. Необузданный нрав горных рек создавал удивительную атмосферу, и эмоции, пережитые в Гималаях, не шли ни в какое сравнение с теми, что я испытал на смирных реках Франции и Испании.

Пусть слово «необузданный» не покажется читателю авторским преувеличением. Когда я пишу эти строки, мне вспоминается, как мы топтались на месте в одном из ущелий. Вода мчалась под нами со скоростью тридцать километров в час, мы продвигались вперед с той же скоростью и в соответствии с законом физики стояли на месте по отношению к берегу. Эхо от воя моторов билось о стены ущелья, и, казалось, горы хохотали над тщетными усилиями людишек проникнуть в их сокровенное царство.

Нашей целью было пройти все три ступени гималайских хребтов. Получилось так, что начали мы со второй ступени. Для прохода через Главный Гималайский хребет требовалось специальное разрешение правительства Непала. С целью упорядочить нашествие альпинистов и неорганизованных туристов в страну правительственное ведомство заранее рассматривает заявки каждой экспедиции, уточняет маршрут, принимает во внимание снаряжение и квалификацию участников и лишь затем высказывается «за» или «против». Мера эта разумная и необходимая. Наша заявка лежала в Катманду. Поскольку возможности судов на воздушной подушке были неизвестны ответственным лицам, принимающим решение, ответ не мог прийти очень скоро. Правда, мы надеялись на покровительство генерала Сурендры, и оно в конечном счете сыграло важную роль, но об этом позже. Пока же было решено сначала спуститься к югу и оттуда от границы с Индией, из района джунглей начать движение по реке Кали-Гандак через первую ступень — Сиваликский хребет. Если разрешение поспеет вовремя, мы сможем по тому же Кали-Гандаку выйти к конечной точке нашего маршрута.

Переезд на юг обошелся без злоключений. Мы добрались до Чатры, где нас подобрал грузовик, доставивший экспедицию со всем снаряжением к месту старта на берегу Кали-Гандака.

Я был очень рад встрече со старым знакомым, моим «крестником». Правда, на сей раз все было по-другому. Во время предыдущих странствий по Гималаям, когда меня охватывали страхи или сомнения, я вспоминал об опыте предшественников, и это подбодряло. На сей раз мы были пионерами и предоставлены сами себе. Перед каждым перекатом надо было быстро решать, как действовать. Малейший просчет отдавал нас во власть могучей стремнины.

Все три машины вели себя на удивление спокойно — никаких поломок или капризов. Возможно, мы просто стали более опытными и не подвергали суда рискованным экспериментам. Часто приходилось заниматься «слаломом» — проскакивать, отчаянно виляя, меж гранитных валунов.

Как ни странно, в южной части страны на реке оказалось куда холоднее, чем у подножия вечных снегов, — еще один парадокс Непала. Встречный ветер окроплял нас водяной пылью, пробравшей до костей. Крутые берега заросли соснами. Высоко над головой был виден клинышек голубого неба. По плану мы должны были проплыть километров двадцать, но холод заставил сократить путь.

Говорить о контрастах природы в Гималаях стало уже банально: об этом можно прочесть у многих авторов. Могу добавить лишь, что одно дело — читать и совсем другое дело — испытывать их на себе. Едва мы остановились и вылезли на берег, чтобы починить днище моего аэроглиссера, как оказались словно на скорородке. Вид заснеженных вершин не умерял адской жары. У нас начала кружиться голова — первый признак обезвоживания. По счастью, трех путешественников посетило чудное видение: по тропинке к берегу спускалась девушка с кувшином. Нет, она шла не за водой, она несла воду сверху из горного источника. «Где он?» — жадно спросили мы. Девушка указала направление, добавив, что это невысоко.

...Мы добрались до живительной влаги лишь через полтора часа. Силы были на исходе. Упав на землю, мы жадно припили к крохотному озерцу, готовые выпить его целиком. Вода не имела цвета, запаха и вкуса — самая дивная вода, которую мне когда-либо доводилось пробовать.

Починив мою машину, двинулись дальше без особых приключений, если не считать маленького происшествия, которому мы не придали тогда значения. Идя на малой скорости по мутной реке, я заметил справа чешуйчатую спину рыбыны. Какая огромная, безотчетно отметил я.

Полчаса спустя заглох мотор аэроглиссера Майкла. Он соскочил в воду и подтолкнул машину к берегу. Развернувшись, я присоединился к нему. Решено было подождать Боба и устроить в этом месте привал. Все шло отлично, и мы отметили удачный день обильным ужином.

— Кстати, — безмятежно сказал Боб, орудуя ложкой в банке с ананасным компотом, — вы не обратили внимание на крокодилов?

Мы с Майклом переглянулись, но удержались от улыбки. Боб явно хотел разыграть нас, и мы включились в игру.

— Крокодилы? Да, их здесь полным-полно.

— В столице один малый рассказал мне, что где-то здесь живет монстр пятиметровой длины, — продолжал Боб.

Тут Майкл не выдержал.

— Этот малый тоже австралиец? — спросил он.

Оказалось, что Боб не думал нас разыгрывать. К вечеру из расспросов местных жителей выяснилось, что мы устроили стоянку в самом центре крокодильего царства! На следующее утро мы убедились в этом воочию. Замерев от ужаса, я смотрел на страшилище, гревшееся в том самом месте, где я чинил машину, то и дело спускаясь в воду для охлаждения. Кажется, вчера я был недалеко от того, чтобы охладиться навеки. Теперь уже не было никаких сомнений: моя «рыбина» была спиной крокодила.

— Если вы ночуете на пляже,— вразумлял меня много позже один знакомый, большой знаток крокодилов,— надо воткнуть вокруг лагеря колышки, натянуть веревку и развесить на ней пустые консервные банки. Их звон отпугивает зверей.

Когда я рассказал ему, как в святом неведении мы вели себя, его изумлению не было пределов. Между тем этот знакомый не из трусливых: в его парижской квартире живет удав, и он много раз эдил ловить змей в Непал.

— Вам крупно повезло,— заключил он, качая головой.

Безусловно, везение было на нашей стороне, хотя, знай мы о крокодилах раньше, путешествие было бы сильно омрачено. Сужу по тому, что, после того как мы узрели первого монстра, они стали мерещиться нам повсюду. Мы шарахались от поваленных стволов деревьев и валунов подозрительной формы. Купания были бесповоротно испорчены, а Майклу пришлось прекратить подныривание под аэроглизсер для осмотра днища.

Теперь мы с особым волнением перелистывали книгу о животном мире Непала, купленную Бобом в Катманду. Под портретом «нашего» крокодила было сказано, что это крокодилус палюстрис (или гавиал), который «быстротой движений превосходит обычного человека». Последняя ремарка немало позабавила нас. Стоит ли говорить, что обычный человек развивает необычную скорость, когда чувствует за спиной щелканье крокодильих челюстей!

Далее из текста мы узнали, что речные крокодилы живут по шестьдесят и даже сто лет. Для индуистов крокодилы — священные животные, поэтому они чувствуют себя вольготно. Немудрено, что местные крестьяне знают их «в лицо». Излюбленные места пляжного отдыха крокодилов отмечены характерными следами, похожими на отпечатки гусеничного трактора. Я сфотографировал их на память: вперемежку с крокодильими виднелись следы и моих босых ног.

— В нашей машине два с половиной метра. Ровно половина длины взрослого зверя! — раздумчиво заключил Майкл, закрывая книгу. В его голосе чувствовались нотки удовлетворения, как у врача, констатирующего, что поставленный им смертельный диагноз подтвердился...

Крокодилы на время вытеснили заботы о продолжении путешествия. Теперь пора было подумать о дальнейшем маршруте. Поскольку разрешение взять курс на север еще не поступило,

мы решили пока совершить экскурсию на юг. В шестнадцати километрах ниже по течению река Кали-Гандак расходилась веером на несколько рукавов, обходя заросшие лесом острова; самый крупный из них вытянулся в длину на двенадцать километров. Боясь заблудиться в лабиринте джунглей, мы сочли за благо добраться вначале посуху до охотничьего домика в точке, известной под названием Тигриный холм; она находится в самом центре знаменитого национального парка Читван. Там можно будет оставить часть груза и запас горючего, после чего начать плавание по водно-лесному царству. У подножия Тигриного холма протекал один из рукавов Гандака — Реу.

Резерват Читван известен далеко за пределами Непала обилием диких животных. Несколько десятилетий назад он был королевским охотничьим угодьем. Там принимали будущего британского монарха Эдуарда VII. Хроника свидетельствует, что наследный принц потрудился на славу: за один день он застрелил двадцать три тигра, одного носорога и одного гималайского медведя. Когда сейчас мысленно представляешь эту картину, мороз пробегает по коже...

На базаре в Бхаратпуре мы наняли старенький грузовичок для поездки к Тигриному холму. Машина выдывала виды, невозможно было даже определить ее марку, столько на ней было чужих частей.

— Ничего, под колесами все-таки будет земля, а не вода, — подбодрил нас Боб.

Сам он выбывал из экспедиции: неотложные дела ждали его дома. Мы распрощались, обещая при первой возможности давать о себе знать. Боб настаивал на этом, хотя прекрасно знал, что почта отсюда идет неопределенное время, а телефонные будки на маршруте нам не встретятся.

Предсказание Боба насчет земли под колесами оказалось неверным. В пяти километрах от Тигриного холма надо было пересечь мелкую речушку. Водитель нашего бронтозавтра храбро въехал в воду по ступицы, мотор икнул и замер. Шофер с помощником открыл капот и начал колдовать над двигателем. Прошел час, мотор то кашлял, то замолкал. Я предложил Майклу пойти пешком, оптимистически добавив, что грузовик нагонит нас.

Мы двинулись в путь по дороге, которую джунгли упрямо отвоевывали у людей. По обе стороны высились обвитые лианами толстые стволы деревьев. Слышался птичий гомон, тьяканье шакалов и множество других звуков. Солнце садилось. Я с тревогой думал, что мы можем не успеть добраться к жилью до ночи. Мысль о встрече со зверем мне не приходила в голову: для горожанина, привыкшего «общаться» с дикой фауной по телевизору, такие вещи трудно вообразимы. Я просто боялся заблудиться.

Майкл шел впереди легким шагом, словно по лондонской улице; его правой руке не хватало только зонтика. За время тесного

общения я лучше узнал характер своего спутника: именно в минуты наибольшего напряжения он принимал самый беззаботный вид, чтобы, как он однажды обмолвился, «не нагнетать атмосферу». Сейчас был тот самый случай.

Позади раздался тяжелый хруст. Я оглянулся и метрах в двадцати увидел тигра. Шерсть вокруг его головы стояла дыбом. Свистящим театральным шепотом я позвал Майкла:

— Гляди, тигр.

— Где?

— Да вон, возле ствола.

— Ничего не вижу.

— Разуй глаза! Слева от пальмы.

— Там никого нет.

У меня у самого закрались сомнения: «это» не шевелилось.

— Просто куст,— уверенно сказал Майкл.— Хотя, ты прав, издали немного смахивает на тигра.

Дискуссия могла продолжаться еще долго, но неожиданно смахивавший на тигра куст повернулся, подставив нам полосатый бок, и царственной поступью удалился в джунгли, словно ему опостылел наш вид.

— Говорил я тебе,— хрипло произнес я.

Только теперь мы начали соображать, что означала эта встреча. Мы были одни в наступающих сумерках посреди джунглей, без оружия, у нас не было даже перочинного ножа... Что делать? Мы двинулись вперед на цыпочках, словно боясь потревожить владыку джунглей. Внезапно меня осенило.

— Я читал, что надо громко разговаривать! — заорал я.

Майкл подскочил, как укушенный. Выругав меня, он, правда, согласился, что теперь нам уже глупо пытаться пройти незамеченными.

— Они не нападают, если их не провоцировать,— сказал я для придания храбрости.

Майкл ускорил шаг.

— Подожди меня! Я не хочу быть съеденным в одиночку.

Мы пошли рядом. Малейший шорох в зарослях заставлял нас вздрагивать. Внезапно впереди замерцал огонек. Неужели пришли? К сожалению, нет. Это оказалась хижина сторожей у входа в национальный парк. Внутри за столом у лампы сидели трое непальцев. Они спросили, куда мы направляемся.

— К Тигриному холму. Это далеко?

— Еще пара километров.

— А что, там действительно водятся тигры? — беззаботным тоном лондонского денди осведомился Майкл.

— Полно! — дружно ответили сторожа.

— Тогда, если позволите, мы подождем у вас до рассвета,— решительно вмешался в разговор я, боясь, что бравада Майкла возьмет верх над благоразумием.

Утром мы благополучно прибыли к месту назначения. Охотничий домик на Тигрином холме оказался комфортабельным пан-

Длинный плетеный
висячий мост
близ Занглы

Монастырский городок
Карша приютился
на пологом склоне
высокой горы

На празднике в Сани.
Женщина поправляет при-
ческу подруги

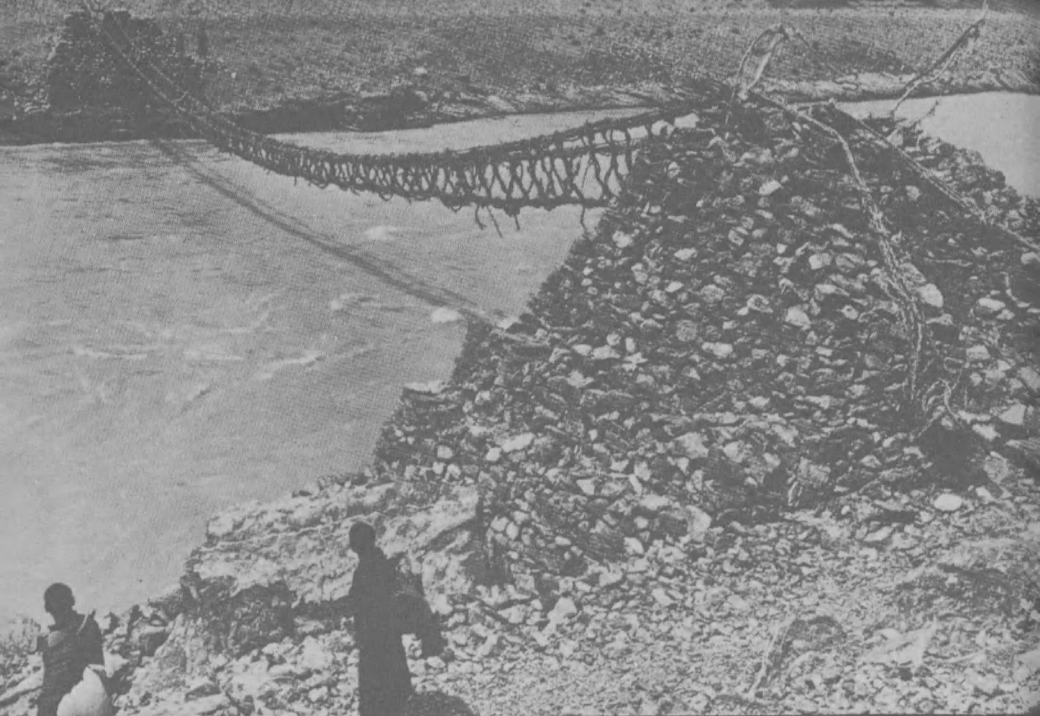

Монастырь Сани — один из старейших архитектурных памятников Западных Гималаев. На переднем плане — два чхортена

Центральная равнина Заскара. Вид с монастыря Карша

Длина моста близ
Занглы — 70 м

Тросы моста сплетены из
ломких переплетенных
веток

Ритуальная церемония
во дворце монастыря
Карша

Дети с самого юного возраста
ухаживают за младшими
сестрами и братьями

На крыше молитвенного зала, возведенного в пещере, монахи читают священную книгу — «Ганджур»

Один из мостов через ущелье
реки Заскар висит на
головокружительной
высоте

Переход вброд своенравной
реки недалеко от перевала
Шинго-Ла

Автор осматривает таинст-
венные доламаистские
статуи неподалеку
от монастыря Сани

Медлительный, но крепкий
як — царь высокогорных
перевалов

Лобсанг и Наванг помогают
провалившемуся ослику
выбраться из трясины

Молодые женщины из Ранг-
дума в лучших нарядах

У подножия холма, на высоте 4 тыс. м, стоит монастырь Рангдум, подавленный громадой вздымающихся над ним гор

Жители Тхунри занимаются любимым видом спорта — стрельбой из лука

Во время каждого праздника выпивают сотни литров пива — чанга

Монах в Тхунри дает благословение с пожеланием долгой жизни

Лобсанг со своими старенькими тетушками

Князь Зангла
перед отъездом Мишеля
Песселя наблюдает за пог-
рузкой его багажа
на ослика

Девушки из Тхунри. Их жел-
тые шапки, украшенные го-
лубыми маками, говорят
о принадлежности
к секте гелукпа

Местный бродячий кузнец,
он же великолепный
ювелир

Красочные миниатюры
в древней книге

На вершине горы, у крутого
обрыва, стоит древняя
неприступная цитадель
князей Зангла

сионом, построенным для туристов, приезжающих из Европы и Америки полюбоваться царством зверей.

Грузовик с нашими аэроглицсерами доковылял до пансиона лишь во второй половине дня. Тем временем мы выработали маршрут. Собственно, никакой новой информации мы не почерпнули, поскольку никто из опрошенных никогда не плавал по реке. Оставалось надеяться, что здесь, в тераях, на относительно ровной местности препятствий будет меньше, чем в высокогорье. Увы, вскоре нам предстояло убедиться, что течение гималайских рек не подчиняется логике.

Пройдя по реке Реу до Кали-Гандака, мы рассчитывали затем подняться по нему до Давегхата, что в общей сложности составило бы стосорокакилометровый пробег по совершенно неисследованной территории. Скоро должен был начаться муссон, и местные дороги (если их можно так величать) станут совершенно непроезжими. Было поэтому исключительно важно испытать возможности наших судов на воздушной подушке в здешних условиях.

Начало было прекрасным. На скорости пятьдесят километров в час мы подлетели к городку Нараянгхат. Привлеченные шумом жители высыпали на берег и радостно замахали руками. Мы, как подобает знаменитостям, кивали головой в ответ. Первые перекаты появились сразу за городской окраиной, но мы их проскочили без особых затруднений. Низкие берега заросли джунглями, кое-где виднелись песчаные пляжи — излюбленное место отдыха крокодилов и водяных птиц. Среди последних Майкл заметил черных ибисов.

Идиллия кончилась довольно быстро: навстречу задул ветер. И не просто ветер. Это был «лоо», жгучий вихрь, зарождающийся в долинах Индии и стремительно набирающий скорость по пути наверх, к Гималаям. Песок сек лицо, несмотря на все попытки спрятать голову за ветровое стекло. Моторы надсадно гудели, но было такое впечатление, что мы топчемся на месте. Решили пристать к берегу, и вовремя — стихия разбушевалась вовсю. Майклу пришла мысль поставить аэроглицсеры на бок и спрятаться за ними, как за щитом.

Сидя скрючившись под защитой резинового днища, я смотрел на массив Махабхарата, над которым в дальнем далеке таяли белые вершины Аннапурны и Мачапучхара. Величественная панорама напоминала о нашем главном замысле: одолеть величайший на планете горный барьер. Несмотря на все перипетии, мы уже прошли часть пути, правда, самую легкую — от непало-индийской границы до того места, где сейчас находились. Предстояло самое трудное — пересечь Центральный Непал через большую щель между Аннапурной и Дхаулагири. Каким соблазнительно свежим казался снег дальних гор отсюда, из охваченной жаром долины!

...Когда ветер стих, мы благополучно вернулись в заповедник.

Засыпая на мягкой постели, я пытался вспомнить все события этого длинного дня, но так и не смог.

Утром мы решили присоединиться к туристской группе, которую должны были вести на встречу с носорогом. Индийский носорог — один из самых могучих зверей на свете. Это травоядное существо, доставшееся нам в наследство от доисторических времен, отличается смирным нравом (когда его не трогают). Болота, питаемые притоками Гандака, издавна были излюбленным местом их обитания. Сравнительно недавно носорогов было еще много. Но последний подсчет популяции выявил всего семьдесят особей.

Есть две причины исчезновения носорогов. Первая касается всех диких животных и заключается в резком сокращении площади их обитания. Но носорогу не повезло особенно: несчастные млекопитающие стали жертвами людского вождения. Дело в том, что порожденный китайской медициной миф гласит, будто рог носорога, измельченный в порошок, является могучим возбуждателем. Бессовестные скупщики платят браконьеру за рог до 35 тысяч рупий — сумму, равную заработку рабочего за три-четыре года. Не приходится удивляться, что за носорогом идет безжалостная охота. И это при том, что авторитетнейшие медицинские комиссии в Азии, Европе и Америке пришли к единодушному выводу, что «носорожий порошок» не оказывает на человеческий организм ровным счетом никакого действия. Увы, миф оказывается сильнее авторитетного заключения профессуры.

Непальские власти принимают энергичные меры по охране носорогов. Специальным законом запрещен выпас скота в местах обитания этих животных. Егерям даны широкие полномочия по борьбе с браконьерами, но уследить за злоумышленниками трудно.

В полдевятого утра к охотничьему домику подошли пять слонов. Мы устроились на деревянных помостах, прикрепленных ремнями на спинах слонов. Слоны были домашние, они родились в королевском уголке, расположенном километрах в тридцати от Тигрино холма. Эта часть страны представляет собой фантастическую оранжерею. Здесь на небольшой площади насчитывается более сотни разновидностей орхидей и несколько десятков разновидностей рододендронов — начиная от кустов, усыпанных розовыми цветами, и кончая исполинскими деревьями, достигающими высоты девяти метров!

Путешествие на слоне было приятной переменой после аэроглизера. Слон легко одолевает густые заросли, по ровной дороге он может забираться довольно высоко: в Бутане я встречал слонов на высоте около трех тысяч метров над уровнем моря. В свое время слон, подаренный далай-ламе, пересек Гималаи, добравшись из Индии в Лхасу.

Мы доехали до места, где должны были пастись носороги, но не увидели ни одного из них. Быть может, им просто надоели докучливые визитеры...

Разрешение на посещение севера страны никак не приходило, и мы решили, что, раз гора не идет к Магомету... надо ехать в столицу самим. 24 мая прибыли в Катманду со всем грузом. Первый звонок был нашему покровителю, генералу Сурендре.

— Вы не могли бы устроить завтра показ ваших машин на Бхагмати? — спросил он. — Я пришлю утром грузовик.

Не вызвало сомнений, что показ имеет отношение к выдаче разрешения. Возможно, аэроглиссерами заинтересовались в правительстве. Мы начали лихорадочно проверять, смазывать, укреплять, подтягивать и заклеивать машины. Во второй половине дня отправились на рекогносцировку места будущей демонстрации. Река Бхагмати, на берегу которой расположена столица Непала, сейчас совсем обмелела и лениво сочилась среди песчаных отмелей и камышей.

— Все в порядке, — уверенно заявил Майкл, укладываясь спать. Его безапелляционность посеяла во мне такую тревогу, что я полночи не мог сомкнуть глаз.

Воскресенье 25 мая 2028 года (по непальскому календарю). Незабываемый день. По случаю выходного все лавки в городе закрыты, учреждения опустели. На улицах — толпы народа. Мы ехали, с трудом прокладывая себе путь, непрерывно сигналив и старательно объезжая священных коров, не обращавших на нас ровным счетом никакого внимания. Грузовик с аэроглиссерами пересек мост и двинулся в сторону университетского городка. В десять утра мы прибыли к месту старта... Солнце уже успело прогреть воздух. Берег был пуст, если не считать расположившихся на сухом дереве стервятников.

— Эти всегда наготове, — процедил Майкл.

Мы очень нервничали и бессмысленно суетились вокруг аэроглиссеров. Судя по тоненькому посвистыванию, из корпуса где-то выходил воздух. Это было не страшно: корпус можно накачать до отказа перед самым показом. Я решил на всякий случай сделать пробный круг, и совершенно правильно — хотя мы накануне проверили шнуры запуска, первый тут же оборвался. Заменяли. Попробовали завести второй мотор — та же история! Заменяли и этот шнур. Честное слово, можно было подумать, что кто-то саботирует это важное мероприятие!

В 10.30 никто из начальства не появился. Я чувствовал себя потерянно, словно накануне экзамена. Завершение экспедиции, а следовательно, ее итоги зависели от предстоящего показа... Мы условились, что пилотировать аэроглиссер буду я, а Майкл в это время будет расписывать его достоинства перед министром (или даже несколькими министрами?). Мой друг уточнял последние детали своей вдохновенной речи, когда подъехал автомобиль. Из него вышел генерал Сурендра. Один. Неужели все отменилось? Нет-нет, успокоил нас высокий покровитель, «кое-кто» прибудет на демонстрацию, возможно, сам премьер-министр. Он продолжал улыбаться, из чего мы заключили, что не исключено появление кого-то еще...

Эта обрушившаяся в последнюю минуту информация взвинтила нервы до крайности. Мы переминались с ноги на ногу рядом с нашими игрушечными аппаратами, один из которых тоненько посвистывал, точно в насмешку. После демонстрации на озере Баньолас, на Сене и в других местах я, казалось бы, должен был обрести некоторый опыт, но экзамен на публике вызывал большее беспокойство, чем грозные пороги. Словно по мановению волшебной палочки, на берегу скопилась большая толпа. Стройными рядами, печатая шаг, прибыла воинская часть из двухсот солдат во главе с офицером в парадной форме. Раздалась короткая команда, и солдаты рассредоточились по берегу в определенном порядке.

Сцена сразу приняла торжественный облик. Один за другим подкатывали черные лимузины, откуда выходили высокопоставленные лица с супругами в шелковых сари. Они любезно здоровались с нами. Один из прибывших гостей был министр транспорта. Стоя возле аэроглиссеров, мы давали пространные объяснения. К сожалению, свистящая дырка не осталась без внимания. Да и как же иначе — утечка воздуха была понятна каждому в отличие от принципа действия судна на воздушной подушке.

Я поглядывал на СВП со смешанным чувством гордости и беспокойства. Что, если они уготовили нам блистательный конфуз? В глубине души даже возникло трусливое желание: а не броситься ли наутек?.. Увы, незамеченным из такой толпы уже не выберешься, повсюду виднелись красные береты солдат и фуражки полицейских. Жара становилась все ощутимее по мере того, как ожидание затягивалось.

В 11.30 все еще не было сигнала к отплытию. Генерал Сурендра представил меня начальнику канцелярии премьер-министра, который сообщил, что нам дано разрешение на плавание по Сун-Коси и Индравати. А по Гандаку? Мы с Майклом наперебой стали объяснять, что с чисто технической точки зрения СВП необходимо испытать на больших высотах, поскольку никакие теоретические расчеты не могут заменить опытной проверки.

— Понимаю,— ответил начальник канцелярии и тут же поспешил к прибывшей машине премьер-министра. После краткой церемонии представления мы показали главе правительства аэроглиссеры, выглядевшие, должен признаться, не особенно впечатляюще посреди громадной толпы. Закончив объяснения, я предложил перейти к демонстрации. Премьер-министр кивнул.

Я взялся дрожащей рукой за шнур. Майкл подкачал дырявый корпус. Первый мотор застрекотал, за ним — второй. Уф! Я занял место водителя и двинул рычаг. Ветер от пропеллера раздул сари присутствующих дам.

Сейчас я покажу, на что способны наши малютки! Круг по песчаному берегу, круг по гравию, по воде, по грязи, по водорослям, по траве... машина спускается в русло Бхагмати и взбирается по откосу... перед тем местом, где стоит премьер-министр... Проносья мимо толпы, вижу, что гости показывают на небо.

Неужели они приняли аэроглиссер за вертолет? Майкл безостановочно дает объяснения, вытирая платком лоб... Лишь бы не повели моторы. Вся демонстрация пойдет насмарку, если мне придется брести к берегу по колено в грязи.

Возвращение прошло блестяще. Премьер-министр поздравил меня, поблагодарил за прекрасное зрелище, задал еще несколько вопросов, попрощался и уехал. За ним последовали министры, правительственные чиновники, супруги, секретари и прочие. Солдаты построились в колонну и удалились. Берег вновь опустел.

— Замечательно! — сказал я.

— Что именно? — спросил Майкл.

— Как что? Все!

— Не вижу причин для ликования. Разрешения плыть по Гандаку мы не получили, так что ничего нового не произошло.

— Зато у нас есть Индравати! — бодро заключил я, хотя прекрасно знал, что эта река протекает на высоте всего в тысячу метров. — И вообще открылись перспективы для СВП.

— Что мы — приехали сюда торговать аэроглиссерами? — с горечью возразил Майкл.

Как бы то ни было, но надежда на путешествие по Гандаку еще теплилась — ведь мы не получили формального отказа. Решено было не упускать шанса с Индравати. Попробуем, а там, глядишь, по возвращении «откроется» Гандак. (В глубине души я не очень верил в это, зато не было никаких сомнений, что по возвращении «откроется» муссон.)

Мы выехали из Катманду 28 мая, погрузив оба наших суденышка на крыши такси. Стояла удушающая жара, не рассеивавшаяся даже на реке. Хотя долина лежит на высоте в тысячу метров над уровнем моря, она плотно окружена горами, и солнце нагревает ее как сковороду. Позже мы узнали, что это было самое жаркое лето за последние десять лет. Надо было, чтобы нам так повезло! Газеты писали, что в индийском штате Бихар десятки людей умерли от перегрева...

Несмотря на жару, Индравати оказалась достаточно полноводной, чтобы причинить нам массу хлопот. Началось с того, что входившие в состав речного песка окиси железа вывели из строя свечи моторов. Приходилось то и дело останавливаться, вывинчивать свечи и очищать их от магнитной пыли. В первый же день я из-за этого потерял из виду Майкла. Пытаясь потом нагнать его, убедился, что перегруженный аэроглиссер клевал носом, не в силах одолеть перекап. Лишь километрах в двадцати от Даувегхата я заметил Майкла, поджидавшего меня на песчаной косе. Подлетев к нему, я осведомился, что случилось.

— Ты не поверишь, но я потерял руль, — меланхолично объявил он.

— Руль?! Не может быть!

Мы были в состоянии отремонтировать судно с помощью подручного материала, но новый руль сделать не могли. Как он мог

умудриться потерять его — ведь руль держится на восьми болтах! Виновата была, как и во многих других неполадках, вибрация одноцилиндровых двухтактных двигателей. Эти проблемы знакомы любому мотоциклисту, а у нас с двумя моторами трудности возрастали вдвое.

Делать нечего, надо было искать. Мы пустились в путь вдоль берега. Вскоре к нам подошли несколько жителей близлежащей деревни. Мы попытались объяснить им, что такое руль. Они вежливо улыбались, но явно не понимали. В отчаянии я махнул рукой и побрел дальше. Минут через пять меня окликнул крестьянин.

— Это, что ли? — спросил он.

В руке он держал потерянное сокровище. Нашей радости не было предела!

Река спускалась с гор пологими ступенями, и мы поднимались по ним против течения. Два особо крутых, усеянных камнями переката долго не хотели нас пропускать. Приходилось «бодать» их с разгона. Но в целом все шло хорошо до того момента, пока я, замешкавшись, не врезался в выступавший мыс. По счастью, резиновый корпус не пострадал. В этом месте река расходилась на два рукава. Включив полный газ, я направил машину по левому руслу. Майкл избрал другой рукав. Минут через двадцать, несмотря на все потуги, тучу брызг и мелких камешков, мой аэроглизсер стал все больше терять скорость. Я направился к берегу, чтобы проверить, в чем дело... «Юбка» с одного борта была разорвана по всей длине.

Это был первый разрыв таких размеров. Я мог бы склеить резину за несколько минут волшебным клеем, который мы захватили из Англии, но тубик остался... в Катманду. Ничего не поделаешь, надо было браться за нитку с иглой.

Должен сказать, что с этими инструментами я всегда обращался из рук вон плохо. В детстве меня не учили вышиванию. Как я об этом жалел! Сейчас, втыкая иголку в палец после каждого стежка, я убедился, что моя левая рука не ведала, что творит правая. Когда левая была исколота вконец, она пришла в ярость и воткнула иголку в ладонь правой — на тебе, будешь знать!

Вокруг собрались зрители, живо комментировавшие действия умельца. В здешних краях йоги не в диковинку, так что мои страдания не вызвали особого удивления. Все внимание было обращено на машину... После часа борьбы с иглой я встал. Шов продвинулся сантиметров на тридцать и выглядел ужасающе. Зрители раскатились радостным смехом при виде результатов моих титанических усилий.

— Посмотрим, как у тебя выйдет! — в сердцах крикнул я, отдавая орудие пытки мужчине, стоявшему ближе всех. К моему удивлению, он спокойно взял иголку и стал быстро шить. По первому же стежку я понял, что попал на деревенского Кристиана Диора. Какое счастье!

Мастер за час замечательным образом справился с делом. Я одарил портного и двинулся вдогонку за Майклом. Машина шла хорошо, радость полета заставила даже забыть о саднящих уколах. К сожалению, вскоре пришлось остановиться на каменном острове, чтобы вытереть въедливую железистую пыль. Закончив дело, взглянул на часы. Мы встали в шесть, а сейчас было уже полпятого дня. Жара усиливала усталость. Я прилегу в тени аэроглиссера и незаметно заснул.

Громкий крик вырвал меня из дремы. Вскочив, увидел Майкла. Весь мокрый, он сидел в машине, выглядевшей так, словно она побывала под прессом. Один борт болтался в воде (явный прокол), весла не было, и Майкл плыл вниз по течению, правя оторванной доской.

— Итак? — спросил я, имитируя его обычную манеру встречать меня.

— Жаль, тебя там не было! Фантастика! — ответил он.

— Фантастика? — Я показал на аэроглиссер.

— Ну, если хочешь, действительность, превосходящая вымысел.

Из рассказа выяснилось, что плавание проходило вполне спокойно, пока СВП не попало на бурный пережат, расположенный к тому же на крутом изгибе. В этот момент заглох нагнетатель. Машину стало сносить назад, неожиданно она наскочила на камень и опрокинулась. Майкл кувыркнулся в воду, весло унесло течением. «Фантастика», по словам Майкла, заключалась в эстетическом аспекте крушения. Я пожалел вместе с ним, что рядом не случилось кинооператора, но, честно говоря, не мог понять, чему так радовался мой друг. Тем не менее я поздравил его, что ему удалось выйти живым из передраги.

— Я берегу себя для Гандака, — заверил меня Майкл.

Неожиданно он побледнел и сел на камень.

— Кажется, у меня солнечный удар, — пробормотал он.

Я немедленно дал ему воды из фляги и уложил в тень моего аэроглиссера. Мне очень хотелось устроиться рядом, но островок был в тридцати километрах от лагеря, и к починке надо было приступать без промедления. Оба мотора аварийного судна наглотались воды, их нельзя было оставлять в таком состоянии.

Наши поклонники (если бы таковые сыскались) вполне могли бы воздвигнуть на этом острове посреди Индравати памятник отваге и упорству, а на нём начертать фразу, сказанную мне однажды Майклом: «Нет ничего более нудного, чем одолевать Гималаи на аэроглиссерах». Несмотря на все усилия, нагнетатель СВП Майкла не желал заводиться: вода испортила в каком-то месте электропроводку. Ноги уже не держали нас, и, смертельно усталые, мы рухнули рядом с упрямой машиной.

Спасение пришло в облике одноглазого человека в лохмотьях, перешедшего реку вброд. Он принес глиняный горшок и медный котелок. В горшке была желтоватого цвета пенная жид-

кость. Плеснув ее в котелок, спаситель добавил воды из реки и стал взбивать смесь палочкой. Несколько секунд спустя мы наслаждались кукурузным пивом. После третьего котелка мы вдруг ощутили, что жизнь прекрасна, особенно на острове. Прошло какое-то время, прежде чем я сообразил, что музыка звучит не у меня в голове, а на берегу. Спаситель сказал, что сегодня праздник — день рождения Будды. Мы тут же решили отложить попытки оживить мотор и сели ужинать, любуясь закатом.

В девять часов Майкл уже похрапывал, а ко мне сон не шел. Луна феерической белизны висела над холмами, река отсвечивала серебристой чешуей. Стояла тишина, нарушаемая лишь шорохом воды о гальку и обрывками песен, доносившихся из селения...

Когда мы проснулись, нас уже окружала группка любопытных. Мы попытались с новыми силами приступить к починке мотора, но нагнетатель оказался крепким орешком. Было решено, что дальше я отправлюсь один.

Запустив машину, я быстро домчал до подножия Хеламбу. Однако на пути вставал непреодолимый барьер хребта Махабхарат, штурмовать который было бесполезно. Я развернулся и полетел к островку, где оставил Майкла. Разогнавшись, вдруг увидел, что лечу прямо на камень, выступавший на полтора метра над водой. Увернуться уже не было никаких шансов. Вобрав голову в плечи, я ждал удара. Аэроглизсер на полной скорости ринулся к камню и, к моему великому удивлению, взвился в воздух и пролетел над ним, словно выпущенный из пушки снаряд! Я звонко шлепнулся в воду, и тут же раздался приглушенный взрыв: сломалась лопасть тягового вентилятора...

Не знаю, что на меня нашло, но я в каком-то наваждении сунул указательный палец сквозь решетку ограждения, рассчитывая «поправить» обломок. Вращающийся винт тотчас отхватил мне кончик пальца. Ощущение было такое, словно меня дернуло током. Палец начал обильно кровоточить. От боли у меня выступили слезы, и сквозь их завесу я явственно увидел, что меня сносит на пенистый перекат. Сунув палец в рот, чтобы облегчить боль, я пытался второй рукой как-то управлять машиной. Нет, словно опавший лист я был отдан на волю течению.

Весло, как обычно в критические моменты, куда-то подевалось. Я оторвал кусок фанеры и стал отгрести от берега, несшегося на меня. Из пальца хлестала кровь. Я чувствовал, что пропадаю. Пытаться пристать к берегу было бесполезно — сплошная крутизна. Только бы не потерять сознание и не опроститься. Надо во что бы то ни стало добраться до Майкла, это единственное спасение. Перекат кончился, дальше начинался спокойный отрезок. Я воспользовался затишьем, чтобы осмотреть палец: кончик вместе с ногтем был отрублен.

Спуск был каким-то кошмаром. Прошла вечность, прежде чем я увидел наконец Майкла. Он ухватил мою машину и под-

тянул ее к островку. Я ступил на землю в полуобморочном состоянии и тут же лег. Сквозь замутненное сознание пробивалась одна мысль: надо вернуться. Но как? Аэроглиссер Майкла вышел из строя, а я не мог пошевелить рукой. В довершение всего выяснилось, что тросы управления оборвались, а запасных у нас с собой не было. Поистине боги реки ополчились на нас! Оставалась одна-единственная возможность: спуститься по течению до Дхаулагхата, где нас ожидал грузовик. Мне сразу вспомнился день, когда мы с Бобом чуть не утонули в Аруне... Но выбора не было. Не могло быть и речи о том, чтобы бросить аэроглиссеры посреди реки.

Возможно, для престижа нашей экспедиции не стоит рассказывать о том, как мы возвращались. Течение быстро несло разгромленную армаду. Вскоре в корпусе открылась дыра, и время от времени приходилось откачивать воду. Нещадно палило солнце. Обратный путь занял у нас четыре с половиной часа. Несмотря на адскую боль, мне приходилось грести двумя руками, чтобы избежать катастрофы. Когда по воле течения наши машины сближались, мы не могли удержаться от смеха. Что еще оставалось?

На полпути Майкл угодил в такой сильный водоворот, что его мотало добрых двадцать минут, пока он не выбрался. Для этого ему пришлось соскочить в воду и, взявшись за якорный трос, изо всех сил дергать аэроглиссер, попавший в плен слепой стихии.

В плачевном состоянии мы добрались — все-таки добрались! — до стартовой точки, откуда машины повезли нас в Катманду.

Плавание по Индравати, столь богатое событиями, не улучшило ни физического, ни морального состояния. Да, мы получили удовольствие от путешествия по Центральному Непалу, но были все еще далеки от цели — Главного Гималайского хребта. К тому же наши машины вышли из строя. Добавьте к этому три месяца тяжелого физического напряжения, мой палец и резкие смены климата. Катманду был окутан влажной жарой, это был характерный признак близкого муссона — проливные дожди должны были обрушиться со дня на день.

С грустью в душе приходилось мириться с мыслью о неудаче экспедиции. Даже если мы получим разрешение, у нас не останется времени на то, чтобы переправить машины в западную часть страны. Нам удалось добраться лишь до высоты тысяча пятьсот метров... хотя в прессе мы утверждали, что вознесемся на три тысячи.

Генерал Сурендра вежливо выслушал по телефону мои жалобы и неожиданно задал вопрос:

— Вы не могли бы устроить еще один показ на дороге или на рисовом поле?

Больше он ничего не добавил, но по тону я уловил, что это предложение сделано неспроста. Наутро мы с генералом по-

ехали выбирать подходящее место. Остановились на рисовом поле в окрестностях столицы. На обратном пути я завел разговор о том, нельзя ли будет — в случае получения разрешения — нанять вертолет для доставки аэроглицеро́в и их водителей к подножию Главного Гималайского хребта. Генерал обещал подумать.

Первого июня грузовичок привез нас к рисовому полю. Вскоре приехал генерал и еще две машины, откуда никто не вышел. Генерал махнул рукой: начинайте!

Я помчался на аэроглицере по руслу почти высохшей реки, лихо вскочил на рисовое поле и пронесся по нему из конца в конец. Винт моего нагнетателя не сбил ни единого стебля, машина легко перескакивала через жесткий кустарник, отмечавший границы владений.

— Прекрасно! — поздравил меня генерал и неожиданно добавил: — Сегодня вечером вы получите разрешение на плавание по Гандаку. Думаю, что и с вертолетом все будет в порядке.

Я едва удержался от того, чтобы не завопить от восторга. Все было слишком неожиданно... и легко. Лишь недели через две мы смогли приоткрыть завесу над этим волшебным поворотом событий.

Дело в том, что наш предыдущий показ в присутствии премьер-министра вызвал большие толки в столице. Настолько, что король, информированный одним наблюдателем, выразил желание посмотреть нас в действии. Ему не хотелось превращать это в официальное событие, поэтому он наблюдал за моими маневрами из бунгало своей летней резиденции, расположенной рядом с рисовым полем. Результат превзошел все наши надежды: путь на север был открыт!

...Пилотом вертолета оказался француз, инструктор-наставник непальской авиакомпании. Все полтора часа лета он занимал нас рассказами о своих приключениях в горах. Но мы слушали его вполуха. Во-первых, речь словоохотливого соотечественника заглушал шум моторов. А во-вторых, я с жадностью всматривался в расстилавшийся подо мной ландшафт. Как он был не похож на ту картину, которую видишь снизу! Снежные вершины проплывали совсем рядом, перевалы казались гладкой дорогой... На земле они измерялись в сутках пути. Этот полет лишний раз показывал, насколько жизненно важна для Непала проблема транспорта.

— Где будем высаживаться? — окликнул меня пилот.

Мы приближались к гигантским массивам Аннапурны и Дхаулагири. Между ними причудливо извивалась белая лента реки.

— Здесь, — сказал я, указывая на мысок, притулившийся между крутым склоном и рекой.

Земля понеслась нам навстречу. Тридцать метров, пятнадцать, десять... Колеса коснулись травы. Пилот выключил мо-

торы. Лопасты какое-то время еще продолжали вращаться. Всё. Приехали.

После вертолетной тряски и духоты мы погрузились в прохладу и тишину высокогорья. Щебетали утренние птицы. Половина глубокого ущелья утонула в тени. Вокруг поднимались сосны, а прямо у ног неслась река (намного быстрее, чем я ожидал). Мы очутились на двухкилометровой высоте в совершенно ином мире. Эхо подхватывало наши голоса и уносилось к снежным вершинам. Смолистый запах сосновых игол смешивался с тяжелым запахом земли. Людей не было видно, хотя на противоположном берегу, метрах в восьмистах от нас, у подножия почти вертикальной стены утеса лепились несколько домиков. Внезапно мы услышали крики. К нам галопом мчался всадник. Ожившая картина напомнила мне хорошо знакомую «крышу мира».

Всадник спешил к нам возле висячего моста и повел коня на нашу сторону. Еще несколько человек торопливым шагом направлялись к нам. На всех были ватные халаты или толстые одежды из ячьей шерсти. Мы стали быстро выгружать снаряжение.

Летчик пожал нам на прощание руку и запустил мотор. Еще минута — и винтокрылая машина скрылась из виду. Мы стали здороваться с местными жителями. Я объяснил, что мы поплывем по реке. Они сочувственно заулыбались: намерения гостей явно свидетельствовали о их слабоумии. Чтобы подкрепить слова делом, я тронул воду рукой и тут же отдернул ее — вода, только что вышедшая из-под ледников, обжигала кожу. Невозможно было представить, что в этой самой воде, только несколько южнее, живут крокодилы. Хорошо, что мы запаслись теплой одеждой и водолазными комбинезонами: упасть здесь в воду в обычном облачении равносильно смерти...

Мы высадились на мысу, круто обрывавшемся в реку. Спускать машины будет нелегким делом, подумал я; одно неловкое движение, и они умчатся без нас вниз. К счастью, неподалеку виднелся довольно пологий спуск, и течение возле берега было не таким стремительным.

Мы с Майклом стали собирать аэроглиссеры. Надули корпус, положили доски, укрепили моторы. За прошедший срок мы научились работать автоматически, руки сами делали нужные движения. На сей раз проделывали все с особой тщательностью. Успех всего предприятия зависел теперь от каждой гайки. Работая гаечным ключом, я время от времени косился на реку. Вся видимая поверхность представляла собой огромный пережат, не было ровного места — повсюду одни бурлящие гребни. Издали казалось, что километрах в полутора выше по течению река таинственным образом исчезала. То был вход в Большую Гималайскую щель, глубочайший на Земле каньон.

Взгляд, брошенный вниз по течению, тоже не приносил успокоения. В восьмистах метрах дальше река обрывалась с уступа высотой с двухэтажный дом. Если мотор заглохнет на старте, нас снесет туда на верную гибель. Может быть, не стоило выбирать для отплытия столь опасное место? Разумеется, вслух я не стал этого произносить.

Майкл запустил мотор и сделал пробный круг по суше: следовало выяснить, как влияет высота на работу двигателей. Мы знали, что моторы потеряют значительную часть мощности, вопрос был в том, хватит ли оставшейся части на преодоление бесконечных перекатов. Пока не было никаких отклонений от нормы: моторы гудели ровно, карбюраторы были отрегулированы так, чтобы увеличить в них доступ воздуха.

Настал момент, когда надлежало тронуться в путь. Мы решили, что я войду в каньон первым, а Майкл с носильщиками двинется по берегу с запасом горячего, запчастей и остальным снаряжением. Тропа вилась по карнизу над рекой, и Майкл, как мы надеялись, сможет наблюдать за моим продвижением. Если все пройдет благополучно, мы должны встретиться в двадцати пяти километрах выше по течению, в Тукуче. В этом крупном селении живут тхакали, исстари занимающиеся перевозкой соли с Тибетского нагорья.

Река Кали-Гандак почитается священной, и именно здесь, в Большой Гималайской щели, находят на дне реки священные камни «салеграм» (окаменелые аммониты), почитаемые индустами и буддистами. Недалеко от Тукучи стоит знаменитое святилище Муктинатх с «горящей водой» и «горящим камнем». Муктинатх на протяжении веков был местом поклонения верующих. «Горящая вода» и камни имеют простое объяснение: святилище построено в месте выхода горячих газов.

Перед тем как пускаться в путь, надо было пройти крещение. Я зашел по колено в воду. На мне были водолазные сапоги и комбинезон из специального изолирующего состава, так что холода я не почувствовал. С помощью носильщиков Майкл спустил ко мне машину. Я взглянул на почти вертикальные стены, вздымавшиеся над водой; сзади слышался адский грохот водопада...

Что ж, мы сами стремились к этому. Я выскочил на стремнину и стал пробовать ход машины на разных режимах. Сразу выяснилось, что на малой скорости азроглиссер клюет носом и течение сносит его назад: маленькая посудина обладает плохой остойчивостью. Я придвинулся к берегу, махнул на прощание Майклу и устремился в каньон.

После первого поворота я потерял Майкла из виду. Оставалось надеяться, что я ему виден сверху. Прямо по курсу русло реки стискивали основания могучих восьмитысячников, чьи имена с придыханием произносят альпинисты всего мира. Мне предстояло букашкой проползти между ногами великана. Река неслась назад, перекатываясь через крупную гальку. Вскоре

волны стали крупнее. Я решил взять еще ближе к скалистому берегу и тут вдруг заметил, что река меня тащит вспять. Каждая минута казалась вечностью. Наконец, разогнавшись, я одолев перекат.

Река немного расширилась — слева в нее впадал приток. Он начинался в леднике где-то наверху и устремлялся вниз по огромным каменным уступам. Зеленоватые ледяные сосульки свисали, как новогодние украшения. За поворотом я не успел увернуться от камня, и машина отлетела назад. Пришлось прыгнуть в воду и обойти препятствие, затем я выскочил на середину «фарватера» и на полном газу... наскочил еще на один камень!

Лишь позже я понял, почему аэрогиссер не поднимался над водой. При расчетах инженеры не приняли во внимание важную деталь: на большой высоте давление между поверхностью воды и днищем внутри «юбки» падало. Таким образом, подушка получалась плоской, толщиной всего несколько сантиметров, соответственно возрастало трение «юбки» о воду, а днище значительно чаще чиркало о камни. Все это не давало возможности развить нужную скорость, приходилось то и дело соскакивать в воду и обходить препятствия.

За очередным изгибом русло вновь стало расширяться — я приближался к концу пятнадцатикилометрового коридора. Скоро должны были показаться первые домишки Тукучи. Вода приобрела цвет слоновой кости. Местами река расширялась до восьмисот метров. Все эти подробности я отмечал краем глаза, поскольку дно было усеяно крупными камнями и приходилось резко маневрировать.

По моим прикидкам, я должен был находиться на воображаемой линии, соединяющей вершины Дхаулагери и Аннапурны. «Пока все идет хорошо!» — промелькнуло у меня, и в тот же миг днище аэрогиссера заскрежетало по нагромождению гравия. Минут десять ушло на то, чтобы слезть с мели. Я тащил машину за собой, как вол. «Пройти во что бы то ни стало!» — молотило в голове. Каждый метр приближал меня к цели.

Слева и справа от реки появились лепившиеся по склонам домики. Над крутым обрывом я заметил прямоугольный массив монастыря. Это был Наршанг, первый буддийский монастырь на соляном тракте. На обрыве ясно виднелись осадочные породы, которых я не встречал раньше. Здесь проходила геологическая граница, место столкновения двух тектонических плит — столкновения, в результате которого вверх вздыбились Гималаи.

Сменилась и растительность: сосны появлялись все реже, трава росла жесткими пучками, как в тундре. Несмотря на защитный комбинезон, я все-таки умудрился вымокнуть и окоченеть, но радость близкого завершения нашего замысла согревала меня. У подножия монастыря выбрался на каменистую отмель и заглушил моторы. Все эти месяцы я часто видел себя в

грезях на аэроглицсере возле одного из здешних монастырей, чьи силуэты мне так знакомы. Задрал голову, смотрел на выбеленные известкой стены, плоскую крышу с ярко-красным бордюром. По углам трепетали на ветру молитвенные флаги...

Пока я любовался монастырем, на берег высыпали люди. Аэроглицсер почему-то не вызвал особого удивления. Странно, ведь, за редким исключением, никто из них никогда не видел машины, даже велосипеда. Лишь потом сообразил: вертолет. Пятнадцать лет назад, когда я был в Мустанге, туда прилетел вертолет, и поэтому появление глицсера не вызвало никакого ажиотажа. Я стал расспрашивать жителей, знают ли они, что это такое. «Это штука, которой положено летать. И она летает», — пожав плечами, сказал мне один погонщик яков. Его логика поразила меня тогда своей ясностью и простотой. Скорее всего обитатели Тукучи приняли мой аэроглицсер за опустившийся на воду вертолет. Они, конечно, не воспринимали меня как пришельца из космоса, все было для них куда будничнее и прозаичнее.

Мне предстояло проплыть по реке еще довольно значительное расстояние, и я боялся, как бы встречный ветер не запер меня здесь надолго. Включив моторы, помчался по каменистому руслу, рассекающему надвое Главный Гималайский хребет. Слева мелькнул еще один монастырь; над ним в отвесной скале чернели десятки отверстий. То было первое пещерное селение в верхнем течении Гандака, вот уже много лет бердившее мое воображение. Возможно, на сей раз мне удастся обследовать его подробно.

Моторы надсадно ревели на подходе к Тукуче, я во все глаза всматривался в берег в поисках мало-мальски подходящей отмели. Наконец углядел зелененький лужок, полого спускавшийся к воде. Здесь, очевидно, был водопой. Отойдя со своим глицсером подальше от берега, для разгона, я ринулся на лужок, проскочил несколько метров по траве и остановился. Всё. Можно было вылезать.

Стайка ребятишек во всю прыть уже мчалась навстречу, за ними следовало все способное передвигаться население Тукучи, включая инвалидов, нищих и монахов. Меня окружила пестрая толпа — караванщики и торговцы, крестьяне и пастухи, старуха с молитвенной мельницей и местный шеголь в клетчатой рубашке канадского лесоруба и с новеньким зонтиком в руке. Ветер дул уже в полную силу, оглушительно хлопали флаги. Холод пробирал до костей, я достал мешок с сухой одеждой и переделся на публике.

Людей это не удивило. А вот то, что я обратился к ним по-тибетски с вопросом, где я могу выпить арака (ячменной водки), вызвало бурю восторга. Все радостно загалдели, меня забросали вопросами: откуда я, почему говорю по-тибетски и что это за машина.

Я едва держался на ногах от усталости. Ведь только сегодня утром покинув Катманду, мне довелось в течение одного дня совершить самый длинный марафон в своей жизни. Пешком путь от столицы до Тукучи занял у меня в свое время две недели, что дало возможность постепенно привыкнуть к смене климата и разреженному воздуху. А тут все произошло молниеносно.

Молодой человек — учитель местной школы, как я узнал позже, — пригласил меня к себе в дом. Толпа двинулась следом, ребяташки тащили рюкзаки и фотоаппаратуру. То было поистине триумфальное шествие.

Деревянные ворота вели на мошений двор, куда выходили хлев и амбары. Прямо под открытым небом громоздились бурдюки из ячьей шкуры, полные соли. В других мешках, сотканных из ячьей шерсти, хранили пшеницу и ячмень. Пройдя хозяйственный двор, мы сквозь вторую арку вышли во второй, идеально подметенный двор перед двухэтажным строением. В первом этаже размещались кухня и кладовые, во втором — гостиная и спальни. Оба двора были надежно укрыты от ветра, сияло солнце. На душе стало спокойно. Жена моего хозяина — красивая женщина с обаятельной улыбкой — поднесла мне стаканчик водки. Я выпил его единым духом.

— Должно быть, вы очень устали, — сочувственно сказала она.

Я опустил на теплые ступени дома. Снаружи свистел ветер, в хлеву слышались вздохи животных. Умиротворение и покой завлакивали душу. Наконец-то меня отпустила тревога, бередившая душу весь год. Я чувствовал себя так, словно с плеч свалился тяжеленный груз. Теперь лишь несколько километров отделяли нас от конечной цели — деревни Марфа на северной стороне Главного Гималайского хребта. Будь это в другом месте, я мог бы сказать, что победа не за горами...

Пока я предавался кейфу, бедный Майкл брел пешком по тернистому «соляному пути». Нелегко далось ему это решение. Я не мог найти подходящих слов, чтобы оценить самоотверженность, с которой он уступил мне право на последний бросок. Мы заранее условились, что завтра оба пройдем на глассерах последний отрезок маршрута, чтобы уравнивать наши достижения.

Три часа спустя я увидел Майкла. Знакомым небрежным шагом он спускался по каменным ступеням, вырубленным в скале над пропастью. Я закричал что-то веселое, но ветер подхватил мой голос и унес его вверх. Наконец Майкл заметил меня и поднял руку с растопыренными пальцами в форме буквы V — виктория, победа!

Я предполагал отдохнуть в гостеприимном доме сельского учителя, но Майкла снедало нетерпение: невзирая на утомительный путь, он желал безотлагательно приступить к знакомству с пещерами в скале над монастырем. Стоит ли говорить, как хотел этого и я!

Превращение некоторых пещер в монашеские кельи легло в основу гипотезы о том, что пещерные селения были устроены ламами. Мне эта теория представляется безосновательной по двум причинам. Во-первых, пещер — некоторые из них насчитывают по двести помещений — значительно больше, чем могло быть монахов в районе верхнего Гандака. Во-вторых, в биографиях первых лам, принесших буддизм в эти края, есть точный перечень всех основанных ими монастырей, и ни в одном тексте нет упоминаний о пещерах. Наоборот, монахи, недавно поселившиеся в пещерных кельях, находили там следы пребывания давних обитателей.

Итак, ни в книгах, ни в легендах нет намека на историю создания скальных жилищ. Когда мы спрашивали жителей, кто открыл пещеры, нам отвечали, что это орлиные гнезда или обители таинственных духов.

Я не стану занимать внимание читателей описанием нашей рекогносцировки. Скажу лишь, что никаких открытий нам сделать не удалось. Единственное, что бросилось в глаза, — это сходство с пещерами майя в Центральной Америке.

Что заставило людей искать убежища на недоступной высоте? Кто были их враги? Пещерные обитатели не могли быть земледельцами: в окрестностях нет никаких следов террасных полей. Может быть, пещеры служили складами торговцам, занимавшимся перевозкой соли из Тибета в Индию? Трудно сказать. У нас для этого не было никаких доказательств. Еще одна гипотеза утверждает, что открытые человеком пещеры были древними рудниками. Это представляется весьма маловероятным, поскольку пещеры разбросаны наугад, открыты в совершенно различных геологических образованиях, а их уровни не соответствуют ни слоистости скальных пород, ни направлению осадочных слоев. Кроме того, возле Муктинатха сохранились рудники, которые разрабатывались вплоть до XVII века, и они несколько не напоминают пещерные жилища.

Можно предположить, что в этих пещерах жили часть года кочевники-скотоводы, большую часть времени обитавшие на пастбищах Тибетского плато; путешественники, побывавшие там, сообщали о наличии похожих жилищ. Как известно, древние обитатели Центральной Азии и Китая жили в пещерах.

Пещерные поселения верхнего Гандака остаются одной из загадок Гималаев. Они требуют комплексного изучения, причем наибольший интерес должны представлять верхние пещеры, недоступные без специального альпинистского снаряжения. Что касается нижних, то они были разграблены и очищены от содержимого еще столетия назад. Я лелею надежду принять участие в подобной экспедиции, если удастся пробудить интерес к этому феномену среди научной общественности.

Ну а нам завтра предстояло завершить экспедицию выше по течению Кали-Гандака.

Мы встали в пять утра. На дворе царила торжественная тишина, какой полагалось быть накануне великого события. Если все сойдет благополучно, еще до полудня мы достигнем Марфы по ту сторону величайшего на Земле горного хребта, по ту сторону вечных снегов, застилавших все это время горизонт, — тех самых снегов, на которые мы с вожделием смотрели из знойных джунглей несколько недель назад.

Клацая зубами от холода, мы спустились к машинам. Нашим славным аэроглисерам тоже доставалось в этом походе. Два смехотворных моторчика общей мощностью двенадцать лошадиных сил позволили бросить вызов законам притяжения и покорили несудоходные реки. Я не мог смотреть на СВП просто как на средства передвижения или спортивный инвентарь: благодаря этим малюткам мы пережили приключение, которое не выпадало на долю еще никому.

Когда я взялся за шнур стартера, за спиной в деревенском монастыре глухо ударил гонг. Раздались крики погонщиков, готовивших к отходу соляной караван. Начинаясь день 9 июня, обычный день нелегкой жизни в горах, все были заняты, никому не было дела до нашего торжества... Застрекотали моторы, аэроглиссер съехал с луга на бугристую поверхность реки. Альтиметр показывал высоту около трех тысяч метров над уровнем моря.

Дав полный газ, я помчался через перекат. Машина шла легко. Очень скоро дно исчезло под плотной массой воды, берега сузились, течение все убыстряло свой бег. Справа и слева торчали острые обломки скал. В целом плавание проходило гладко.

В восьми километрах от Тукучи река сузилась еще больше, и соответственно возросла скорость течения. Машина все чаще клевала носом, явственно чувствовалась потеря мощности. Высота была уже больше трех тысяч, и я продвигался все медленнее. Внезапно впереди открылся оазис посреди тундры: деревья и белые домики — Марфа, первое селение на северной стороне Главного Гималайского хребта.

Я уже собирался свернуть к берегу, как могучая волна отбросила меня назад. Моторы надсадно застучали. Я понял, что упорствовать — значит подвергать себя бессмысленному риску. Потерпеть крушение здесь было бы подлинной катастрофой: берега были так круты, что я не смог бы нигде зацепиться. Нет, надо было разворачиваться и спускаться навстречу Майклу.

Час спустя Майкл в свою очередь исчез за поворотом, идя на штурм последнего отрезка. Когда он вернулся, мы церемонно пожали друг другу руку. Наша миссия была выполнена. Мы оба достигли высоты трех тысяч метров и одолели на аэроглисере Главный Гималайский хребет.

Муссон мог начаться в любой час, поэтому мы заторопились в обратный путь. Решено было разобрать аэроглиссер 002 и

оставить корпус бравого СВП на месте. Позже нам сообщили, что эта странная реликвия установлена на высоком мысу в Тукуче и вентиляторы аэроглизера вращаются на ветру, пронозясь по Большой щели.

...Во время пути назад до Покхары — свыше ста километров по трудным горным дорогам — у меня было достаточно времени подумать обо всем увиденном и пережитом.

Три наших аэроглизера прошли в общей сложности тысячу восемьсот километров по девяти рекам Непала. Количество перекатов и порогов не поддается учету. Нам, правда, не удалось пройти по всему течению Гандака, а пещерные селения в верховьях реки не открыли нам своей тайны. Но я смог все-таки осуществить свой замысел: пересечь Гималаи не пешком, как раньше, а по голубым жилкам рек. Люди, принимавшие нас за безумцев, имели к этому все основания. Поистине надо было отбросить благоразумие, чтобы подвергать себя такому риску ради осуществления зыбкой мечты.

Но я оказался прав: идея пересечения Гималаев на судне по горным рекам осуществима.

...Воспоминания — вещь хорошая, но пора возвращаться в Заскар, где мы сделали небольшую остановку по дороге к крепости Зангла.

КНЯЗЬ ЗАНГЛА

Пройдя несколько сот метров от моста вниз по течению реки, мы вышли на прибрежный луг, и я заметил сотни углублений, вырытых в земле. Это была вторая и, судя по количеству «ванн», самая крупная водолечебница Заскара. Вдали виднелись развалины здания, наверное, бывшие «термы».

Тропа тянулась по самой кромке берега. Мы прошли вдоль пенящейся реки несколько километров и оказались у каменистого русла потока, который вырывался из глубокого ущелья. У входа в ущелье торчала крутая скала высотой около двухсот метров. На ее вершине, у самого обрыва, стояла крепость — бывшая резиденция князей Зангла.

Мы перешли вброд ледяную речонку и ступили на пустынную равнину, где стояли длинная молитвенная стена и чхортен. Затем начались первые зеленые поля Зангла, деревни, состоящей из сорока больших и двадцати восьми маленьких домов.

Меня волновала проблема ночлега. В душе я тайно надеялся остановиться в доме князя, но не мог же я пригласить туда сам себя! Я был уверен, что князь обитает в своем «дворце», но Лобсанг уверил меня, что на самом деле он принадлежит сыну князя, тому молодому человеку, с которым мы столкнулись в долине Суру. Старый князь жил в «малом дворце» — в княжеском эквиваленте малого дома отошедших от дел стариков родителей. Итак, обычаю следовали и князья — они отдавали дом старшему сыну, когда тот обзаводился семьей.

— Надо навестить князя, — сказал Лобсанг, — может быть, он пригласит нас к себе...

И исчез, поручив мой багаж юному погонщику ослов. Тем временем я решил осмотреть деревню и по узким улочкам поднялся до большого бассейна, от которого во все стороны разбегались ирригационные каналы. Благодаря воде Зангла превратился в оазис, прилепившийся к обнаженному склону громадной горы, на одной из вершин которой находилась древняя крепость. Южнее крепости, отрезанные от Зангла бурным водным потоком, стояли несколько зданий, где жили монахи. А еще дальше начиналось узкое ущелье, в котором исчезали ревущие пенистые воды Заскара.

Я еще не успел отдохнуть после прогулки, как прибежал запыхавшийся Лобсанг с известием, что князь ждет меня.

Первым делом мной был извлечен из тюка с вещами парадный шарф из белой хлопковой ткани. По традиции такие шарфы следует дарить каждому встреченному высокопоставленному лицу. Среди запаса подарков имелись и красивые серебряные

ручки. Захватив с собой одну из них, поспешил вслед за Лобсангом в «малый дворец» князя Зангла.

Это было прямоугольное здание, ничем не отличавшееся от большинства больших зданий деревни. Я проник внутрь через низкую дверь, ведущую в хлев. Оттуда по каменной лестнице мы поднялись во внутренний дворик, над одной из стен которого крыша образовывала навес; в трех остальных стенах виднелось несколько небольших деревянных дверей. Лестница упиралась в три двери-окна, выходящих на лоджию, нависавшую над патио.

Четыре крохотные тибетские собачки с золотистой короткой шерстью встретили меня неистовым лаем. Во дворе сидели две девушки пятнадцати или шестнадцати лет. Одна из них была совершенно очаровательна. Их головки венчали шапки, похожие на чепцы голландок. На плечи поверх платьев винного цвета были брошены темно-синие плащи. Они успокоили собак. Тут же из комнаты появилась женщина. Несмотря на заносчивый вид, ее можно было бы назвать красивой, если бы лицо ее не портил торчащий неровный зуб. Она молча указала на низенькую дверцу напротив лоджии. Я прошел в дверь, согнувшись пополам. За мной последовали Лобсанг и собачки.

Почти весь пол крохотной комнаты занимало невысокое возвышение, покрытое оранжевым с синим рисунком ковром; свет в помещение проникал через единственное узенькое застекленное окно. Я впервые видел стекло с момента отъезда из Каргила. В углу сидел старец, в одежде винно-красного цвета, с шерстяной шапочкой на голове. Это и был его высочество Сонам Тхондупде, князь Зангла. Я склонился перед ним и положил у его ног белый шарф, слегка смущенный тем, что мне не удалось найти подарок лучшего качества. Старец улыбнулся и пригласил меня сесть рядом, на ковер. Я тут же скинул обувь и влез на возвышение, перед которым стояло несколько низеньких прямоугольных столиков, больше похожих на скамеечки.

Князь подал знак Лобсангу присоединиться к нам, позвал со двора одну из девочек и попросил принести чай. У нее были румяные щеки, и она с откровенным любопытством разглядывала мое «европейское лицо».

Не зная, что я владею тибетским, князь попросил Лобсанга извинить его — он еще не закончил религиозную церемонию, которую прервал наш приход. На одном из столиков стоял большой тазик из кованой меди, наполовину наполненный водой. В тазике высился серебряный треножник, а на нем — медный кипятильник, украшенный серебряными нитями. Рядом, на том же столике, находились изготовленные из серебра небольшая чашечка, чайная ложечка и полированный диск; в стороне лежала кучка горошин.

Бормоча молитвы, князь налил несколько капель воды в кипятильник и чашку, куда бросил горошины. Затем набрал воды в ложечку и начертал таинственные знаки на серебряном зерка-

ле, не прерывая молитв. Ритуал продолжался около получаса. Испытывая некоторое чувство неловкости, я тем не менее исподтишка разглядывал лицо князя. На нем были роговые очки. Щеки немного обвисли, а во рту не хватало зубов. Его облик напоминал мне типичного европейского дедулю. Религиозная сосредоточенность ничуть не меняла теплового выражения его симпатичного лица. Наконец он с глубоким вздохом оттолкнул от себя сложные ритуальные принадлежности и повернулся ко мне.

— Откуда вы приехали?

— Из Франции...

В его лице ничего не изменилось, из чего я заключил, что он даже не представлял, где находится моя родина.

— Я прибыл для изучения обычаев Заскара и Зангла,— добавил я, не зная, как продолжить разговор.

К счастью, принесли чай.

— Чай по-английски,— гордо произнес князь и взял две обычные фарфоровые чашки европейского типа, забыв о чудесных серебряных сосудах с крышкой в виде цимбал, которыми пользуются знатные тибетцы, когда пьют свой соленый чай. Я отпил глоток и похвалил князя за превосходный вкус его чая «по-английски». Он предложил мне галеты.

В конце концов я решил броситься головой в омут. Рискую сойти за невоспитанного человека, я стал спрашивать об истории княжеской династии, каковы прерогативы князя Зангла и на какую территорию распространяется его власть.

К моему удовлетворению, он ответил на мой вопрос со спокойствием, ведь его могла оскорбить наглость гостя...

Его семейство, младшая ветвь княжеского рода Падама, управляет Зангла более девятисот лет. Некогда Зангла была защищена крепостью. Из своего замка князь правили четырьмя деревнями верхнего Заскара. И никто никогда не смог отнять у князей Зангла контроль над этой крохотной территорией. Даже в 1836 году, когда страну захватили догра, князь Зангла удержался у власти, помогая им в борьбе против ладахцев. Таким образом, Зангла с крепостью и четырьмя деревнями сохранила свое лицо мини-княжества в маленьком княжестве, буферного государства в государстве...

В подтверждение своих слов старый князь порылся в шкафу позади себя и достал второй том «Античного индийского Тибета» Франке, в котором на тибетском и английском языках были опубликованы коротенькие «Заскарские хроники» (я уже упоминал о них), а также подробная генеалогия князей Зангла. Автор книги получил эти хроники от одного ладахского ламы в 1915 году. Франке изучил генеалогию, и хотя его данные немного расходятся с общепринятыми, сомневаться в законных правах на трон нынешнего князя не приходилось. Согласно этой генеалогии, князь Зангла являются одной из старейших правящих династий в регионе. Позже я узнал, что индийское прави-

тельство платит князю ежемесячную пенсию в двести рупий в качестве компенсации за отмену в 1947 году прав и привилегий раджей и магараджей! Эта мизерная пенсия ставит нашего монарха на последнее место в длинном списке бывших хозяев Индии.

Комната, в которой мы сидели, была полна безделушек, развешанных на стенах. В углу ютился вышедший из строя радиопередатчик, рядом с которым висел транзисторный приемник. Князь показал мне крохотный кассетник, подаренный ему австрийцами за несколько недель до моего прибытия.

— Сколько иностранцев побывало в Зангла? — спросил я. Мне хотелось знать, кто побывал здесь до меня.

— Очень мало... Семь или восемь человек. Не больше.

Князь вытащил железную коробку, откуда извлек пожелтевшую фотографию венгерского путешественника Эрвина Бакти, посетившего Зангла. На этой фотографии Бакти стоял около камня, на котором на английском языке были выгравированы слова «Кереша Цчома, пионер тибетских исследований, жил здесь». Венгр Кереша посетил Заскар за сто лет до Бакти. Слова, выгравированные Бакти, увековечивали память о пребывании первого европейца в Зангла.

По редким сохранившимся документам, в которых Кереша Цчома упоминает о своей жизни, мы знаем, что этот венгерский ученый пешком пересек с юга на север Гималаи, дойдя до Ладакха. В пути он встретился с английским ботаником Муркрофтом в Драсе. Муркрофт представил его князю Ладакха, дал ему денег и навел на мысль изучать тибетский язык.

В Лехе Кереша свел знакомство с неким Палде Сангсджи Пхунцоком, монахом в возрасте пятидесяти одного года, который десять лет был мужем вдовы князя Зангла. Этот монах, известный эрудит, был врачом князя Ладакха и учился в свое время в Лхасе. Кереша отправился с ним в Зангла в июне 1823 года. Он провел всю зиму в крепости и покинул Заскар в октябре 1824 года. В Зангла венгр сдружился с другими монахами и после смерти своего первого учителя остановился в доме одного из них, в Стета, на юго-востоке Заскара, неподалеку от монастыря Пхуктал. Так он прожил в Заскаре еще более года, с 12 августа 1824 по ноябрь 1826 года.

Князь сообщил, что в старой крепости на вершине обрыва еще сохранилась «комната, где жил Кереша». Он сказал, что сегодня, когда налоги (не более пяти рупий с семьи) платятся непосредственно тасилдару, официальному представителю штата Кашмир в Падаме, у него, как у князя, не осталось никаких официальных функций. Но он пользовался высоким авторитетом среди населения и, конечно, играл главную роль в социальной и религиозной жизни, будучи самым богатым человеком в районе.

Князь сообщил, что в его владениях рядом с деревенькой Пимо находятся самые богатые россыпи золота в долине реки

Заскар. Он достал серебряные чаши с золотыми ободками, которые создал кузнец из Зангла. Все предметы, которыми я восхищался, были изготовлены из меди, серебра и золота, добытых в заскарских копях.

В повседневной одежде, закапанной чаем и усыпанной собачьим ворсом, монарх Зангла вовсе не походил на короля из волшебных сказок. В столь суровой стране, как Заскар, элегантность отходит на задний план.

В отличие от других властителей княжеств Индии князь Зангла вскоре после образования республики добровольно, по своей инициативе освободил крестьян от традиционных налогов в свою пользу. Этот акт, положивший конец феодальным отношениям в Зангла, привел к тому, что крестьяне отказались платить десятину также и монастырю Карша. Между тем в других провинциях Заскара многие деревни по-прежнему платили монастырям пошлыны в той или иной форме. Эта «десятина» могла достигать половины всего урожая. Итак, мой хозяин, хотя и сохранил свой титул и религиозное главенство, был по существу человеком прогрессивного толка. Он много выиграл в уважении, немного проиграв в богатстве.

Князь предложил мне гостить в его доме все время пребывания в Зангла. Он проводил меня через дворик и показал «открытую галерею» напротив комнатушки, где принимал меня.

— Тут вы можете жить и спать.

Так я разместился в «малом дворце» князя Зангла. Из моей «комнаты», выходящей во дворик, я мог наблюдать за повседневной жизнью князя и его двора. Но одновременно и сам стал главным аттракционом, а это было менее приятно. Поскольку подданные князя имели право денно и нощно приходить в его дом, они непрерывной чередой шли через патио, чтобы посмотреть, как выглядит европеец...

Лобсанг помог мне разместиться в лоджии. Результат получился ошеломительный — сидя на надувном матрасе, я словно восседал на троне в глубине маленького дворика. Одна из плетеных корзинок служила мне столом, а князь украсил «тронный зал» красивыми коврами.

Так я на три дня и три ночи обрел наблюдательный пункт, откуда мог без помех видеть, как живет самая скромная в мире княжеская семья.

В отличие от всех сильных мира сего экс-князь держался весьма просто. Он с благожелательным достоинством обращался к девушкам лишь с просьбой принести чай. Любимым занятием старика были игры с собачками или детьми, приходящими в дом. Хозяйство же вела его жена, старая высокородная дама, которую я увидел в первый день на кухне. У нее был суровый характер, полная противоположность своему добродушному супругу.

Часть дня я сидел и начисто переписывал сделанные заметки. Эта моя деятельность не осталась незамеченной, то и дело

то одна, то другая юная красавица заглядывала через мое плечо и восхищалась, как ладно и быстро я пишу. Если большинство мужчин-заскарцев умеют писать, то женщины обычно знают лишь алфавит и могут прочесть всего несколько простейших слов. Однако жена князя и две девушки, которые прислуживали в малом дворце, были обучены чтению и письму. Власти Кашмира в свое время направили в Кургияхх преподавателя, который знакомил молодых людей с современными приемами обучения, затем те разъезжались по крупным деревням края, где становились учителями. Именно тогда в Зангла открыли школу, в которой молодой монах учил детей тибетскому языку:

Тибетское письмо можно уподобить детской забаве, если сравнить его с китайским языком и даже с хинди. Алфавит состоит из тридцати букв, а гласные выделяются лишь ударением, письмо напоминает стенографическую запись. В любом монастыре и в некоторых кумирнях края можно услышать, как детишки повторяют «ка», «га», «кха», что аналогично нашему «а», «б», «в», и увидеть, как они старательно выписывают буквы на «грифельных» досках — черных деревянных пластинках, обсыпанных меловой пылью. Они макают в воду заостренные палочки и пишут буквы — черные символы на белом фоне.

К вечеру я начинал замерзать. Это было одно из неудобств моего положения почетного гостя — моя комната не имела одной стены. Единственным способом согреться было напялить второй свитер, держа руки на горячей чашке чая, который Лобсанг помогал мне готовить на крохотной плитке.

День выдался длинный и утомительный, и я с наслаждением довольно рано улегся спать. Через несколько минут все двери, ведущие во двор, закрылись, а собачки, прижавшись друг к другу, улеглись на верху лестницы. Даже сквозь сон ощущалась чудесная интимность княжеского дома. Я был по-настоящему счастлив, что оказался здесь, в самом отдаленном уголке княжества Заскар.

Утром меня разбудил лай собачек. Открыв глаза, увидел прямо перед собой симпатичное обветренное лицо крестьянина в высокой шапке, который в упор разглядывал меня, наверное, приняв за монстра. Из-за холода я спал в одежде, а потому, вскочив на ноги, оказался сразу одетым.

Жена князя со служанками возилась на кухне; хозяйка без стеснения делала им резкие замечания. Каждый раз, когда одна или другая девушка выходила из кухни с горшком воды или котлом, который следовало почистить, «княгиня» поворачивалась ко мне с деланной улыбкой. Мне становилось неловко, что я так поздно сплю. Было немногим более шести часов утра.

Вскоре появился Лобсанг, который провел ночь у друга в соседнем доме. Пока он готовил чай, я отправился на поиски княжеского туалета. Это одно из достоинств гималайских домов: в них есть туалет, тогда как они неизвестны в большинстве

сельских районов Азии. Впрочем, недавно и сельская Еврона не знала подобных удобств.

Туалеты — маленькие комнатки с прямоугольным отверстием в полу; в них есть куча песка и лопата. В высоко расположенных домах, монастырях и крепостях туалеты находятся в небольших домиках на отшибе, на краю пропасти, и все падает вниз. В обычных же домах экскременты падают из туалета в хлев на первом этаже, где их каждый день засыпают землей и соломой. Уборные очень чисты. Компост используется как ценное удобрение для полей, поскольку навоз служит в качестве топлива.

Топливо в Зангла еще более дефицитно, чем в других местах Заскара. Здесь почти не растут деревья, очень мало кустарника, а потому высушенный навоз весьма ценится. В наши дни в Европе показалось бы глупо жечь коровий навоз, но в Гималаях благодаря высоте и сухости воздуха экскременты животных быстро обезвоживаются и не разлагаются. Их формируют в кирпичи, сухие, как трут, которые очень хорошо горят и почти не дают запаха. Топливо складывается на террасах рядом с ветками кустарников, которые крестьяне где возможно собирают. Туда же кладут связки сена, которые можно скормить животным: овцам, коровам и лошадям — вся эта живность зимой не покидает хлева из-за морозов и снега.

На больших высотах ни один из перечисленных видов топлива не дает большого количества тепла из-за нехватки кислорода. Чтобы извлечь из него скудный запас калорий, надо постоянно прибегать к помощи небольших мехов, лежащих у очага. Я проводил долгие часы, раздувая немощный огонь из коровьих лепешек. Поскольку для получения кипятка на этом топливе надо не менее часа, я никогда не жалел, что захватил с собой объемистую канистру с керосином.

...Когда князь вышел из своей комнаты, я встал, чтобы поздороваться с ним. Он захватил на кухне закипевший чайник и сделал мне знак следовать за ним. Князь привел меня в крохотный загон рядом с домом, где два человека прижимали к земле жеребенка.

— Волки, — сказал князь. — Если бы его мать не бросилась на защиту, жеребенка бы задрали. В горах много волков. Зимой они часто спускаются в долину.

Я увидел на боку животного следы зубов. Князь знал толк в ветеринарии. Из горячей воды и трав он сделал компресс и наложил его на раны.

...Князь, крепости, волки, безлюдные долины, монастыри, бродячие монахи — мне все яснее становилось, из чего возникают волшебные сказки. Иногда говорил вслух по-французски, дабы убедить себя в том, что я есть именно я, во плоти и крови и что я живу в мире, который покажется мне нереальным, стоит лишь вернуться домой. Конечно, у меня был фотоаппарат. И хотя я не люблю наводить объектив на лица людей, очень

дорожил своими фотопленками, которые позже могли убедить в том, что все это мне не привиделось во сне.

Иногда меня преследовало ощущение, что я уже пережил все это, но не в другом путешествии, а в иной жизни. Все казалось близким и знакомым! В частности, то, что я стоял здесь и говорил о волчьих укусах на боку жеребенка, которого держали двое мужчин с заплетенными в косички волосами, облаченных в желтые платья, скроенные из шерсти, сотканной ими самими...

Закончив работу, мы вернулись в дом, и князь пригласил меня на чай в ту же комнату, где принимал вечером. Я начинал понимать, почему этого экс-правителя жители любят и уважают. Такое отношение окружающих совсем не зависело от его общественного положения, ибо, хотя гималайцы и вежливы по природе своей, они откровенны в речах и без колебаний критикуют даже тех, кто стоит выше их. Общественное мнение, распространяемое и усиливаемое сатирическими песенками, играет в гималайском обществе важную роль, гималайцы не позволяют помыкать собой. Это люди либо откровенно хорошие, либо откровенно плохие. Среди них редко встречаются безразличные или колеблющиеся. Я всегда наблюдал, что во всех своих поступках заскарцы, а особенно молодые люди вроде Лобсанга и Нордрупа, прямодушны и никогда в их поведении или мнениях не проскальзывает ни грана двусмысленности. Здесь пройдохи есть пройдохи, а святые — святые. Между этими двумя полярными категориями промежуточных характеров мало. Поэтому жить среди гималайцев очень приятно, ведь на лице человека написано, кто есть кто, и тебя не поджидают разочарования и недоразумения. Самое неприятное в конце концов не то зло, которое причиняют людям отдельные личности, а лицемерие, которым окутаны их дела. Среди гималайцев не встретишь тартюфов, и, хотя кое-кого из них можно считать настоящим пройдохой, его трудно осудить, если он кается, как грешник.

В полдень я вместе с Лобсангом отправился на приступ древней крепости. По дороге мы миновали большой дворец, который, несомненно, нуждался в ремонте. Около дворца работали люди — они изготавливали кирпичи из местной глины, перемешивая ее с соломой и водой. Кирпичи раскладывались по формам и сушились на солнце.

Мы полезли вверх по крутой тропе, местами засыпанной обвалившимися камнями. Это был как бы театральный задник деревни. Вскоре поровнялись с первым из двухсот чхортенов. Большой частью их так изъели ветры и дожди, что они приобрели самые причудливые формы. Чхортены, словно призраки, стояли на страже заброшенной крепости и руин мертвого поселения.

Сама крепость была громадным прямоугольным зданием, побеленным известью. Оно нависало над большим дворцом и

остальными домами нынешней деревни, которые сверху походили на куски рафинада, лежащие на зеленом поле, окруженном со всех сторон скалистой пустыней. Отсюда Заскар выглядел хаосом обнаженных гор, подступающих вплотную к реке, которая, сверкая на солнце, катилась по равнине и исчезала в извилистых ущельях, чтобы где-то далеко на юге влиться в Инд.

Выражение «лунный пейзаж» давно стало штампом, но оно как нельзя лучше подходит к северной части Заскара, где правят князья Зангла. Безводные горы иссечены шрамами и оврагами и залиты резким ослепительным светом, похожим на тот, что астронавты видели на Луне.

В этой части Заскара дожди выпадают исключительно редко, поскольку те одиночные облака, которым удается перевалить через Главный Гималайский хребет, отгоняются ветрами за пределы заскарского массива.

Оказавшись на вершине скалы, я сразу понял, почему никто и никогда не сумел покорить Зангла. Дело не только в том, что крепость невозможно взять ни приступом, ни осадой, но и в том, что здесь нечем утолить алчный аппетит завоевателя... Совершенно очевидно, что бедной стране намного легче сохранить свою политическую стабильность. Но так ли уж бедны Зангла и весь Заскар? Вовсе нет, и именно в этом противоречии между пустынным обликом края и его богатством кроется уникальность страны.

Осматривая крепость, я заметил, что она частично развалилась, во внутренней части монастыря и в нескольких других помещениях обвалился потолок. Я ползком проник внутрь через щель в стене, вскарабкался по отвесной крутой лестнице наверх и прошел по пустым и безлюдным комнатам бывшей крепости. Выглянув через большое окно с решеткой, увидел человека, взбиравшегося по тропинке, которую мы только что преодолели. То был староста деревни. Он нес ключ от кумирни, единственного помещения крепости, которое старались поддерживать в порядке.

Яростный ветер, гулявший по долине, со свистом врывается в пустые комнаты и вздымал у стен тучи пыли. Мне стало немного жаль, что люди покинули это орлиное гнездо и построили Зангла на новом месте, конечно более удобном, но не столь высоким.

Староста открыл кумирню и дал мне время, чтобы налюбоваться прекрасной древней статуей, изображавшей основателя секты гелукпа Цзонхаву, чьи глаза, казалось, пристально вглядывались в полумрак. Как ни странно, но по обе ее стороны стояли изображения двух лам из секты другпакарджуа, которая была соперницей первой и имела множество последователей в Заскаре. В углу лежал прорванный барабан, а на полу валялись обрывки различных религиозных текстов — свидетельство неумолимого бега времени.

Затем староста отвел меня в крохотную комнатку около большой гостиной на верхнем этаже. Эта комнатка с низким потолком походила на келью; свет попадал в нее через узенькое оконце, а на одной из стен виднелись следы сажи. Здесь сто пятьдесят лет назад жил Кереши Цчома. Я внимательно осмотрел комнату, как, впрочем, и всю крепость, надеясь наткнуться на какую-нибудь надпись или любой другой след, оставленный молодым венгром. Но ничего не отыскал. В некоторых книгах, посвященных Кереши, утверждается, что он жил в монастыре Янгла, но, так как здесь нет крупных монастырей (кроме женского), а его другом и хозяином был супруг княгини Зангла и наставник княжеских детей, можно считать почти доказанным пребывание Кереши в этой крепости, служившей одновременно княжеским дворцом. Как я уже говорил, Кереши практически не писал о своей жизни здесь. Он только отметил, что страдает от сильных морозов и не решается выходить из комнаты.

Я пытался угадать, какие мысли посещали молодого путешественника в этом пустынном, безлюдном краю вдали от родной Венгрии. Вероятно, Европа 1823 года, по крайней мере по условиям сельской жизни, мало чем отличалась от Зангла тех времен. Железные дороги в Венгрии еще не были известны, так же как и паровые машины, крестьяне обрабатывали землю сельскохозяйственными орудиями, сходными с теми, которые Кереши видел в Зангла. По-видимому, именно поэтому его ничто здесь не удивляло, тем более что молодой венгр был слишком поглощен изучением тибетского языка и мало интересовался повседневной жизнью обитателей Зангла, где прожил больше года.

Меня же поражал тот факт, что жизнь гималайцев во многом похожа на сельский уклад средневековой Европы. В том числе и предметами повседневной жизни — деревянными ведрами, лопатами и вилами с длинной ручкой, бочонками и прочими деревянными изделиями. Они аналогичны вещам, существовавшим когда-то в Европе, и отличаются от аналогичной утвари других стран Востока. Тибетцы, вероятно, единственные азиаты, которые обрабатывают поля инструментами с длинной ручкой, чтобы работать, не сгибаясь в три погибели.

Португальский путешественник Диго д'Алмеда принял ладахцев за христиан из-за внешнего сходства в одежде, песнях и организации жизни в буддийских монастырях, которые он, естественно, сравнивал с виденным в Европе.

Не без грусти я покинул древний Зангла, помнивший мне руины инкского города Мачу-Пикчу, и вернулся в мир смертных.

...В малом дворце старого князя царило лихорадочное оживление. Вдоль стен двора раскладывали подушки, а перед ними ставили невысокие столики. Они были разными по размерам, а самые низкие оказались просто грубыми чурбаками. В углу

кухней суетились люди — там готовились шарики из цзамбы, повар скатывал их и передавал одной из юных красавиц, которая смазывала комочки теста кипящим сливочным маслом красного цвета.

Готовилась какая-то церемония. Вскоре явились первые приглашенные. Они принесли священные книги, чтобы прочесть их перед собравшимися.

Я устроился в лоджии на том месте, откуда князь руководил ходом праздника. Приглашенных было всего пятнадцать человек. Среди них дочь князя с мужем и невестка, кроме того, различные друзья семьи. Женщины с их роскошными прическами напрочь затмевали мужчин.

Старый князь направлял ход церемонии, сидя справа от меня в углу двора. Все присутствующие, в том числе и женщины, группой разместившиеся в центре дворика, извлекли из складок одежды деревянные чашечки. Две девушки и высокий юноша принялись разливать чанг из большого медного котла.

Позже молодой человек снял шапку, и я увидел типичную стрижку, характерную для Заскара и Ладакха — передняя часть черепа выбрита, а остальные волосы заплетены в длинные косички и свисают с затылка. Выглядела эта прическа смешно, и у нас ее расценили бы как промах парикмахера.

Я все более и более убеждался в том, что щедрые возлияния чанга — необходимый элемент любой религиозной церемонии. К счастью, небольшие красные пирожки смягчали действие алкоголя. Князь был в прекрасном настроении. Он шутил под хохот присутствующих и следил, чтобы моя чашка не пустела. Довольно грустные религиозные песнопения по окончании церемонии сменились веселыми народными мелодиями.

Наутро, проснувшись, я увидел, что снова сыплет ледяной дождик. О таком в Зангла никто не помнил! Из-за непогоды (дождь шел несколько дней) обвалилось множество домов. Обычно голые вершины бывают в такую непогоду припорошены снегом. Я ощутил беспокойство. Если снегопад не прекратится, то мне не удастся перейти Главный Гималайский хребет через перевал Шинго-Ла. На вершины лягут громадные сугробы, а в долинах нельзя будет пересечь вброд многочисленные речушки.

Непогода задержала меня в Зангла еще на одни сутки. Но у меня оставалось множество вопросов к старому князю, и я еще не посетил большой дворец и женский монастырь.

ОСЛИК В ОПАСНОСТИ

Большой дворец был прекрасным образцом типичной гималайской архитектуры. Его возвели по общему плану, характерному для Заскара. Три этажа. Зимнее помещение — против обычая располагались не на первом этаже в окружении стойл, а на втором, где имелась темная комната без окон для сохранения тепла. На третьем этаже размещались большая кумирня, она же библиотека и зал для приемов. Эти два зала с большими окнами выходили на террасу, защищенную галереей от ветра.

В кумирне хранились великолепные книги и статуи, а также несколько деревянных книжных переплетов с чудесными миниатюрами. В зале для приемов над большим керамическим очагом торчали три кольца для чайников и котлов; очаг был украшен барельефом из буддийских символов. Здание находилось в очень плохом состоянии. Стены во многих местах растрескались. Его реставрацией занялся сын экс-князя, весьма энергичный человек, на которого возлагались большие надежды.

Я вышел из дворца, пройдя через несколько порталов в виде чхортенов, потолок которых был покрыт мандала — геометрическим рисунком, символизирующим упорядоченность вселенной. Затем в сопровождении Лобсанга отправился в женский монастырь, который находился на другом берегу ручья, огибающего Зангла. Он состоял из пяти зданий, окружавших общий зал, с крытой галереей, позволявшей обойти здание вокруг зимой, когда стоят морозы. Обход культового сооружения вокруг, по часовой стрелке, всегда считался благочестивым актом.

Монастырь выглядел безлюдным. Мы с Лобсангом долго и безуспешно пытались вызвать кого-нибудь. Вдруг из ниоткуда возникла старуха монахиня, опирающаяся на суковатую клюку. Ее внешность в точности соответствовала общепринятому облику колдуньи. Она была горбатой и хромой, с крючковатым носом, бородавкой на лице, беззубым ртом. От ее косога взгляда по коже пробегали мурашки. К счастью, она обладала добрым, тихим голосом и не превратила нас в лягушек, а согрела сердца. Ей явно хотелось общения и сострадания. Она пожаловалась на больную ногу, и Лобсанг порекомендовал ей лекарство, которое пробовал на своей двоюродной бабушке. Услышав ее имя, монахиня улыбнулась — они были старыми приятельницами...

Это незначительное происшествие открыло мне глаза на то, как невелик Заскар, хотя самые отдаленные деревни разделяло

расстояние в триста с лишним километров. Это был изолированный мирок, замкнутый в самом себе, и его обитатели в большей или меньшей мере знали друг друга, а многие даже находились в кровном родстве. В стране насчитывалось сорок восемь населенных пунктов, хотя в официальных документах говорилось всего о двадцати восьми. Население не превышало двенадцати тысяч человек, пустяк для современной Европы, но для Гималаев цифра высокая. И самое примечательное в том, что это небольшое население говорит на особом диалекте тибетского языка, имеет свои традиции и древнюю историю. У заскарцев есть и некоторая общность в физическом облике, которую тут же подмечает наметанный глаз.

Надо отметить, что в мире не так много народностей, имеющих строго ограниченный ареал обитания, а у заскарцев он куда более изолированный, чем даже на затерянном в океане крохотном островке. Заскар отрезан от всего мира, и ни один корабль не пристанет к его берегам. Надо обладать большой решительностью, чтобы предпринять путешествие через высокие и опасные горы, берегающие долину от посторонних. На такие путешествия отваживаются лишь торговцы из Карджи, долины, расположенной к югу от Главного Гималайского хребта. В Северной Индии Карджа более известна под названием Лахуль (искаженная транскрипция тибетского Ла-Юль, что означает «жилище богов»). И поскольку я собирался покинуть Заскар через южный перевал, мне предстояло в недалеком будущем узнать, как трудна тропа, ведущая в Лахуль.

Вернувшись в дом князя, я нанял ослика для перевозки багажа на время двухдневного перехода в «столицу» Заскара Паддам по левому берегу реки вверх по течению.

Неожиданно во второй половине дня появился Наванг Триле, брат Нордрупа. Он был неузнаваем в великолепном красном платье и в расшитых остроносых сапогах. Наванг тут же подарил мне бутылку сока манго и маленький пакетик сахара. Я недоумевал, откуда он раздобыл такие сокровища, но вскоре выяснилось, что вернулся Нордруп. Его задержал снегопад на перевале Пенси-Ла, где он поскользнулся и поранил ногу. Именно поэтому Нордруп не смог добраться до места условленной встречи. Когда же он прибыл в Тхунри и узнал, что я подарил шубу его юному племяннику, то тут же послал Наванга с подарками ко мне, попросив его помочь мне в пути до Паддама, где он встретится со мной.

Я принял подарки и предложил Навангу вернуться домой, так как вполне мог обойтись услугами Лобсанга. Но Наванг продолжал настаивать, и было решено, что он будет сопровождать нас.

Вечером предстояло расставание со старым князем, которого я уже считал чуть ли не своим дядей. Его доброта, ум и тонкое чувство юмора покорили меня. После ужина гьялло (князь)

записал на магнитофон религиозные песни, которые пели Наванг и Лобсанг. Магнитофон ему подарила группа австрийских альпинистов:

Затем экс-князь ознакомил меня с прежней административной организацией княжества. Князь Падама и он опирались на несколько знатных семей (лумпос). Служащий самого высокого ранга назывался чанзуп (секретарь князя). Ему помогал ньерпа (заместитель секретаря). Затем шли сордпон (княжеский повар) и чирдпон (мажордом). Крестьян называли улагпа (обеспечивающие бесплатный транспорт князю).

К каждому монастырю «прикреплены» ближайшие деревни. Оттуда посылают на учебу детей и приходят жители отмечать религиозные праздники. В деревне существует собственная администрация во главе с зилдаром, которому помогают несколько мокдамов; самый старый мужчина в деревне, касдман, исполняет функции судьи и решает спорные вопросы межевания земли и ирригации. Управление ирригацией осуществляется на «кооперативных началах», каждая семья должна поочередно выделять человека для наблюдения за оросительными каналами, поскольку летом нередки утечки и прорывы.

В Заскаре действует большинство законов, касающихся землепользования, которые были приняты еще тибетским князем Сонгтсеном Гампо. Эти древние законы преследуют цель сохранить из поколения в поколение целостность земельного надела, принадлежащего семье. По самому древнему закону (устаревшему) земельные наделы крестьян должны были быть равны. По другому, действующему закону землю нельзя продавать. Этот закон до сих пор имеет силу в Заскаре. Чтобы наилучшим образом предохранить недвижимость от раздела, весь земельный надел полностью переходит к старшему сыну, а если такового нет, к старшей дочери. Остальные братья и сестры не получают ничего. Этот обычай старшинства предохраняет владение от дробления в краю, где мало земли и в случае ее раздела крестьянство быстро бы обнищало.

Безбрачие монахов и полиандрия (многомужество) выступают там в качестве природных регуляторов демографического роста. Естественно, младшие сыновья, лишаясь земли, оказываются в невыгодном положении. Однако младший сын может уйти в монастырь и, став монахом, вернуться в родную деревню, чтобы возглавить деревенскую кумирню. Он отвечает за свою паству, отправляет религиозные обряды, а община содержит его. Поскольку он не женат, расходы на него невелики. Есть и другой выход. Если младший сын не хочет быть монахом, он может по мудрому тибетскому закону взять в жены супругу старшего брата, то есть разделить ее с ним. Этот обычай «братской полиандрии» позволяет младшему сыну пользоваться плодами отцовского владения без его раздела. Такие «семьи втроем» вовсе не ведут к увеличению количества детей по сравнению с традиционными семейными парами, и, таким образом,

полиандрия позволяет поддерживать стабильный уровень населения.

Многих европейцев может удивить и даже шокировать этот обычай. Следует понять, что он не более ненормален, чем любой другой, когда речь идет о выживании вида. Вспомните о древних обычаях эскимосов убивать детей при рождении или обрывать на смерть престарелых родителей. Полиандрия, которая является естественным фактором контроля над рождаемостью, много веков практиковалась в мире; в наши дни она сохранилась в странах тибетских традиций.

Я знал много полиандрических семей; в частности, в Тхунри, где живет Нордруп, их три. Поскольку братья с детства воспитываются в мысли, что им, может быть, придется по обоюдному согласию делить между собой одну женщину, эти тройственные союзы особых проблем не порождают. Дети Заскара называют старшего отца большим папой, а другого — маленьким. Никому не известно, кто является фактическим отцом, но это никого и не волнует. В других гималайских странах, где существует полиандрия, старый муж зовется отцом, а тот, кто помоложе, — дядей.

В Заскаре примерно каждая десятая семья полиандрическая. Во многих семьях имеется один женатый сын и несколько холостых — монахов. Младшие отпрыски могут также найти девушку, у которой нет старшего брата, и, женившись на ней, стать главой семьи.

Гималайский феодализм коренным образом отличается от европейского и даже современного тибетского. Крестьянин не раб, чьим имуществом и жизнью безраздельно распоряжается хозяин. Прежде всего он независимый землевладелец, который пользуется своей землей без каких-либо ограничений. Ограничение одно — он не может продать свою землю. Отказавшись считать землю в качестве богатства как такового, тибетцы избежали множества ловушек, которые привели бы к обеднению из-за дробления земельных наделов, спекуляции землей и тирании землевладельцев, скупающих чужие наделы.

Но у Заскара есть свои нелегкие проблемы. Этот засушливый край отличается редкой негостеприимностью, суровым климатом, малоплодородными почвами. Без всякого сомнения, большим завоеванием жителей Заскара является освоение самых непригодных для жизни земель, умение выжить и приспособиться к весьма неблагоприятным климатическим и топографическим условиям. Заскарцам удалось выжить в районе, где почти не растут деревья и могут существовать лишь самые выносливые животные. Здесь царит столь же суровый климат, как и в Арктике. Здесь не хватает кислорода и исключительно высок уровень ультрафиолетового излучения, и этим гималайский край резко отличается от других районов планеты. Арктическая высокогорная пустыня — вот что такое Заскар. Умение приспособиться к таким условиям жизни и создать жизнеспособное об-

щество свидетельствует о незаурядной силе воли обитателей страны.

Чуть ли не каждый заскарец, с которым я сталкивался, обладал хорошей смекалкой и умом. Нордруп с его живым умом и фантазиями, Лобсанг, человек тонкий и деликатный, Наванг с его веселыми и точными комментариями, князь Зангла, скромный эрудит и подлинный гуманист... А ведь мое путешествие только началось.

У меня сложился следующий план: посетить монастырь Тхонде, «столицу» княжества, затем отправиться по деревням и монастырям центрального Заскара, оставив «на закуску» отдаленные изолированные поселения Лунака, провинции «черных демонов».

Мне было грустно расставаться с князем Сонамом Намгялом... Он пришел, чтобы посмотреть, как на крохотного ослика грузят мешки. Сердобольные души из Общества защиты животных подняли бы скандал, увидев, как бедный ослик становится почти невидимым под грузом, который впору было нести двум лошадям. Хорошо, что Лобсанг и Наванг часть вещей решили нести на себе.

Ослик нетвердым шагом пустился в путь. Я обернулся и послал прощальный привет обитателям дворца и крестьянам Зангла. С болью в душе я покидал это крохотное княжество, затерянное среди просторов Гималаев.

Итак, в Падам, в резиденцию князя Заскара. Было приятно снова оказаться в пути. Шагая по тропе вслед за Лобсангом и Навангом, я чувствовал себя более уверенно. Снова миновали горячий источник и мост, которым я мог спокойно любоваться, зная, что моя нога больше не ступит на него... Затем приблизились к Зозару, одной из четырех деревень, находившихся под юрисдикцией князя Зангла, с которым я только что расстался. Пересекли небольшую пустынную равнину, лежащую между рекой и высокими горами, перекрывавшими горизонт на востоке. Рядом с узкой каменной тропой иногда торчали чхортены. В одном месте река вышла из берегов и затопила равнину. Тропа оказалась под водой, и мы двинулись по крутому склону останца, заваленному камнями. Ведомый двумя моими спутниками, ослик мужественно шагал вперед. Выглядела наша тройка живописно — Наванг в роскошном красном платье, Лобсанг в платье того же цвета, но уже давно потерявшем свой блеск, затем миниатюрный ослик, которого он вел на поводу, и, наконец, выступал я в бесформенной шляпе цвета хаки и с лицом, на которое был наложен толстый слой противосолнечного крема.

И в пути я продолжал беседу с Лобсангом. Жалко, что не мог записать наши разговоры. Именно такие разговоры отражают суть повседневной жизни, и очень жаль, что в исторических книгах много фактов и дат, но нет самых банальных бесед. Меня всегда влекло к рассказам о давних временах. До-

стойно сожаления, что никто и никогда не описал простых людей далекого прошлого. А потому мы и думаем, что люди средневековья использовали в обыденной речи столь глупый и высокопарный жаргон, который нам преподносит кино: «О благородный сир, примите заранее мою бесконечную благодарность и укажите дорогу, ведущую к постоялому двору мессира Жеана» и тому подобное... А ведь во времена средневековья говорили так же просто, как и сейчас. Меня поражало, насколько «современны» мои беседы с заскарами, хотя многие аспекты их жизни выглядят анахронизмом. Человеческий дух не претерпел особых изменений за долгие века, нас терзают одни и те же желания, нам свойственны те же слабости и амбиции, которые, как известно, можно выразить без высокопарных фраз.

Я расспрашивал Лобсанга о князе Заскара, с которым мне предстояло встретиться.

— Ну что ж... сказать особо нечего, но он не так хорош, как Сонам Намгьял.

— Он действительно по праву носит титул князя Заскара?

— Конечно! Но его любят меньше, чем князя Зангла.

Мы беседовали, ступая по невероятно беспредельной и величественной местности с ее океаном далеких вершин и близкими обнаженными долинами, в тени обрывистых склонов, окрашенных в разные цвета содержащимися в них минералами.

Пришли в деревню Зозар к полудню. Дома жались друг к другу, образуя некое подобие крепости. Деревня напоминала укрепленные поселения верхней долины Кали-Гандака в Непале, лежащей вдоль соляного пути, ведущего в Мустанг. Эта деревня на крайнем юге территории Зангла представляла собой некогда как бы форпост на пути завоевателей.

Я прошел через арку, сооруженную на фасаде одного из домов, и оказался в обширном закрытом дворе, где несколько молодых людей, увидев меня, высунули языки от смущения при виде чужестранца-визитера. Кроме свода в форме чхортена, ничего примечательного в этой части деревни не было. Я вышел со двора и направился к другой группе домов, где небольшая изгородь окружала рощицу тополей.

К нам приблизились несколько крестьян.

— Можно пройти за ограду и отдохнуть в тени деревьев? — спросил я.

— Да, — ответил один мальчуган, сын владельца тополей.

Я перебрался через стену и растянулся в тени. До моих ушей доносилось журчание воды из небольшого оросительного канала. Без воды деревьям не выжить на этой сухой земле. Лобсанг с Навангом разгрузили ослика, а я отдыхал под взглядами двух десятков зевак, следящих поверх стены за каждым моим жестом, как бы пытаюсь убедиться, что я отношусь к роду человеческому. Я быстро понял, что у них шутовское настроение — слышались реплики по поводу моей одежды, носа, лысого черепа. Я решил заговорить.

— Мне довелось побывать во многих районах Гималаев, и всюду люди первым делом предлагали путнику чапить! Может быть, кто-нибудь из этой деревни зевак угостит меня чагом и предложит цзамбы на завтрак?

Они очень удивились, что я говорю по-тибетски, и на миг даже лишились дара речи. Наконец один юноша спросил:

— Вы действительно хотите чанга?

— Да...

Через несколько минут настала моя очередь смущаться, поскольку юноша вернулся с огромным сосудом, доверху наполненным пивом, и большой деревянной миской с поджаренной ячменной мукой.

В ответ на его щедрое угощение я подарил ему банку ананасного компота. Открыв ее, он подозрительно надкусил один ломтик, а затем с видимым наслаждением съел его.

Отдохнув несколько минут — Лобсанг тем временем кипятил воду для чая, — я отправился на осмотр монастыря. Мне говорили, что там находится чхортен, возведенный еще гуру Римпоче — главным распространителем ламаизма в Тибете, куда, по преданию, он прибыл в 747 году. Действительно, в центре древнего большого зала высился чхортен, но за долгие века его столько раз обмазывали известью, что он стал похож на раздутый сталагмит.

После завтрака мы снова пустились в путь, и стая мальчишек проводила нас до окраины деревни. Их любопытство — лучшее свидетельство крайне изолированного существования жителей этого края.

Менее чем в километре от Зозара мы наткнулись на глубокое ущелье, рассказавшее плато, за которым слева высилась гора. На краю ущелья проходил оросительный канал шириной один метр. По обе стороны канала росла трава. Я был поражен — вода текла вверх по склону! Никогда не видел ни реки, ни канала, текущих вспять! Присмотрелся, протер глаза, снова посмотрел... Сомнений не оставалось.

В конце концов я сообразил, какие факторы обуславливали эту оптическую иллюзию. Прежде всего плоская равнина имела незаметный наклон, окружавшие долину пики тоже не были отвесными, а потому изменилась перспектива. Относительно горизонтальная линия канала казалась наклоненной в сторону, обратную истинному наклону. Ни одно дерево, ни один дом не могли указать вертикали. Иллюзия была удивительной.

Зная, что в природе встречаются странные оптические явления, мне тем не менее ни разу не доводилось наблюдать столь всеобъемлющую иллюзию, которую не мог развеять даже тщательный анализ, — оптический обман продолжал существовать. Я попросил Лобсанга встать совершенно прямо в нескольких метрах от меня, чтобы посмотреть, будет ли его фигура вертикальной или наклонной... Он действительно был слегка наклонен по отношению к общему плану равнины. Следовало иметь

слепую веру в Ньютона, чтобы отказаться поверить собственным глазам — вода текла вверх по склону!

Час спустя, весело вышагивая во главе каравана, я представлял себя неким Дон Кихотом, которому то и дело попадаются текущие вспять реки, как вдруг по щиколотку провалился в грязь. Тут же отпрыгнув назад, на твердую землю, я подумал, что сошел с ума! Дело в том, что я шел по твердой сухой земле и однако ступил в мокрую грязь, хотя все вокруг было сухо и пыльную землю устилали булыжники. Я никогда до этого не слышал о плавающих камнях! Признаться, вначале я с беспокойством подумал, что мне солнышком напекло голову: вот и показалось сначала, что вода течет в обратную сторону, а теперь это «чудо»...

В недоумении обернулся к своим двум спутникам и в то же мгновение увидел, что замыкающий наше шествие осел провалился в сухую землю, покрытую камнями. Ситуация вдруг стала драматичной. Лобсанг и Наванг бросились на помощь ослу. И тоже провалились в грязь. Осел, ушедший в землю по брюхо, не мог даже шевельнуться и испуганно таращил глаза. Лобсанг и Наванг едва успели извлечь его из густой черной жижи.

Что же случилось? Несколько часов назад здесь прошел грязевой поток — сель, а солнце и сухой воздух помогли быстрому образованию корки на его поверхности. Никто не мог бы и подумать, что под этой коркой продолжала течь жижа в сторону долины. Нам крепко повезло, что нас не поглотили тонны жидкого ила, стекавшего с горы. Попадай мы на место, где грязь была поглубже, я встретил бы свою смерть именно здесь, а нахлебаться грязи куда противнее, чем утонуть в воде.

После экстравагантного канала и этой грязевой топи я был готов ко всему, даже к появлению летающего яка. Странно, но он не прилетел...

Я шел и размышлял о том, что у людей Запада, пользующихся современными видами транспорта, утратилось понятие расстояния. Ведь оно непременно связывается с усталостью, мышечной болью, с пределами человеческой выносливости, а потому и исчезло из нашего мира, остались лишь единицы скорости. А здесь, в Гималаях, где ходят всегда пешком, понятие «далеко» — это восемь часов ходьбы, «очень далеко» — десять часов и «невероятно далеко» — четырнадцать.

Я был на пределе сил, когда мы вошли в крохотную деревеньку Шилинг-Шит. Здесь жила сестра Лобсанга, и он предложил отправиться к ней, сказав, что мне будет интересно познакомиться с ее мужем, редким, если не единственным гончаром долины Заскар. Я с удовольствием согласился, и мы пошли напрямик через пустынную равнину к четырем или пяти домикам, сгрудившимся вокруг нескольких деревьев.

Деревня выглядела безлюдной, но Лобсанг заметил какую-то старуху и спросил, здесь ли его сестра. Вскоре она появилась на верхней террасе одного из домов в окружении нескольких чело-

век. Лобсанг представил меня и спросил, могу ли я посетить гончарную мастерскую. После долгой паузы молодая женщина сошла вниз и сказала Лобсангу, что я не могу войти в дом, поскольку ее муж отсутствует. Лобсанг тщетно пытался ее уговорить, но все же пришлось уйти ни с чем.

— Извините их,— сказал Лобсанг.— Деревня очень мала и лежит в стороне от тропы, поэтому ее жители редко видят чужестранцев. Свекровь сестры боится, что вы можете сглазить дом.

К вечеру снова посыпал мелкий дождь. Низкие тучи ползли над долиной справа, слева к небу уходили отвесные склоны величественной горы цвета меди. Ее вершина была скрыта облаками. Вскоре я увидел перед собой монастырь Тхонде — удивительное скопление зданий, цепочкой выстроившихся у края вертикального обрыва и похожих издали на голубей, которые сидят на коньке стены. У подножия скалы находилось несколько белых домов — первый из четырех хуторов деревни Тхонде. Она располагалась на слегка покато́й равнине, спускающейся к реке Заскар в месте слияния двух ее рукавов.

В монастырь идти было слишком поздно. Мы добрались до первого дома Тхонде, расположенного рядом с чхортеном и громадной скалой, сорвавшейся с обрыва. Отсюда едва можно было различить монастырь. Около чхортена стояло человек тридцать одетых в лохмотья крестьян. Среди них были и женщины. Мальчишки и девчонки с грязными личиками и розовыми щечками в упор уставились на меня.

Как обычно, я удивил людей своим знанием тибетского языка, спросив, где можно провести ночь. Но немедленного ответа не получил. Ко мне подошли несколько старых женщин, похожих на колдуний: они улыбались, открывая поломанные зубы. В большинстве своем заскарские девушки красивы, но, старея, они превращаются в уродин; их кожа покрывается несчетными морщинами из-за мощного ультрафиолетового излучения, а из-за отсутствия дантистов их улыбки способны ужаснуть.

С возрастом кожа заскарцев приобретает темно-коричневый цвет, но закрытые от солнца части тела остаются очень светлыми. Румянец на щеках не может скрыть даже загар. Чтобы избежать солнечных ожогов, женщины мажут лица сливочным маслом и присыпают сверху землей. Результат ужасающ, поскольку они выглядят грязнулями, но мне хорошо понятна их боязнь солнца, которое почти напрочь выжгло мой нос!

Лобсанг и Наванг с осликом вскоре нагнали меня. Увидев мой благочестивый эскорт, от толпы отделился монах и предложил провести ночь в его доме, который принадлежал монастырю. Ночь уже вступила в свои права. Поскольку я засунул фонарь в какое-то недостижимое место, мне пришлось в доме идти на ощупь из-за коридора с низким потолком и множеством поворотов. Наконец вышел во внутренний дворик на втором этаже. Низкие двери и извилистые коридоры защищают обитателей дома от холода зимой, а раньше защищали и от разбойников.

Утром проснулся в полчетвертого, чтобы успеть посетить монастырь перед уходом в Падам. Стараясь не разбудить спящих Лобсанга и Наванга, я, вдвое согнувшись, выбрался из дома, не раз стукнувшись головой о потолок, что вызывало взрыв заливающего собачьего лая. На улице было темно и дождливо. Но о дожде я уже знал, поскольку от воды, проникавшей через трещину в крыше, намок мой спальный мешок.

Я довольно легко отыскал извилистую тропинку, по обе стороны которой стояли чхортены и молитвенные стены, и начал медленное восхождение к монастырю. Мне понадобилось три четверти часа, чтобы подняться на четыреста метров. Тяжелый подвиг на голодный желудок! Я собрал в кулак всю свою волю, чтобы не останавливаться для отдыха, и походил на паломника, дарующего свои страдания небу. Меж лопаток ручьем стекал пот, а рубашка охватывала грудь ледяным панцирем. Немного обалдевшим добрался до последних, самых живописных чхорте-нов и стенки, указывающей на границу святилища. Женщины не имеют права оставаться на ночь за этой оградой.

Сидя у входа, я собирался с силами. Несмотря на низкую облачность, света хватало, чтобы рассмотреть основные черты рельефа центральной провинции Заскара, расстилавшейся, как карта. Прямо передо мной, на другом берегу реки, посреди равнины торчал неожиданный одинокий холм. Его вершину венчал громадный, беленный известью чхортен, цоколем которого казался сам холм. В десяти километрах от Пипитинга (так называется этот чхортен) к югу виднелось нагромождение скал — это был Падам, куда мы направлялись. День обещал выдаться морозным. Дождь придавал пейзажу какой-то печальный вид.

Мое меланхолическое настроение развеялось, как только я вошел в монастырь, а вернее, в деревню из волшебной сказки: крохотные домики, где жили монахи, стояли вдоль улочек, петлявших меж огромных скал. Улочки, замощенные плоскими плитами, утыкались в небольшой пруд, над которым нависали скалы и одна плакучая ива. Место было красиво и гостеприимно — величественный горный вид, с одной стороны, и скромное очарование пруда — с другой. Монахи любят жить в подобных живописных местах.

Я выбрался на прямоугольный двор, одной из сторон которого был оранжевый фасад большого молитвенного зала с двумя открытыми верандами по углам, опирающимися на яркие колонны, отделанные золотом. И долго стоял посреди двора, любуясь зданием и немного удивляясь тому, что еще не появилось ни одного монаха. Мои часы показывали 5.30, но здесь, в Заскаре, никто не имел часов, и время определялось по солнцу. Я оказался в монастыре раньше утренней побудки. Кто-то дунул в трубу, и жалобный звук, дрожа, унесся в долину. Начался новый день.

Поскольку никто так и не появился, я решил покамест осмотреть рисунки, украшающие портик молитвенного зала. На

них были изображены четыре хранителя вселенной, божества воинственного вида, которые как бы охраняют вход в любое гималайское святилище. Сразу же за портиком, справа, начиналась лестница, ведущая к площадке, на которую выходило несколько дверей. Одна из них была приоткрыта, и я увидел сидящего перед очагом старого монаха. Он раздувал огонь и готовил чай. Я кашлянул, чтобы обратить на себя внимание, и вошел в комнату. Монах вздрогнул от неожиданности. Я несколькими словами успокоил его, и он пригласил меня отпить чаю с солью. В это время появилось еще несколько монахов. Двое из них были художниками, которых пригласили для реставрации фресок монастыря. Третий был монахом-торговцем, прибывшим накануне с товарами для монастыря. Чуть позже появился настоятель, высокий крепкий человек с энергичным лицом. Он вежливо заговорил со мной, осведомился, откуда я приехал и какова цель моего визита. Он пригласил осмотреть святилище. Спокойно ожидая, пока я допью чай, он завел разговор с торговцем и двумя художниками: сколько хлопковой ткани понадобится для обивки стен одной из боковых кумирен? Подходит ли художникам товар, доставленный торговцем? Торговец извлек несколько рулонов ткани, нитки, иголки и краски. Художники с видом знатоков осмотрели товар и показали нужные им оттенки цветов.

Наблюдая эту сцену, я представил себе, какие сложные проблемы возникают при строительстве и украшении великолепных монастырей, которые мне довелось увидеть. На Западе мы привыкли к тому, что можем купить в магазине любой нужный нам товар. Мы забыли о нашем недавнем прошлом — средневековье, когда было трудно достать товар не потому, что он был редок, а потому, что еще не существовало ни серийного производства, ни точек широкой розничной продажи. Если вам нужно было купить набор толедских или шеффилдских ножей или мечей, следовало за ними послать. Монастыри Заскара и в наше время отправляют своих монахов-торговцев на месяц или два в путешествие для покупки нужных вещей, снабжая их деньгами для приобретения и доставки товара. Все это резко повышает цену самых обиходных предметов, изготовленных в дальних краях. Я смотрел на монахов и думал о тех немалых трудностях, которые возникали и у нас в Европе в те времена, когда передвижение было медленным, люди ходили пешком, сопровождая выюнных животных.

Решив все вопросы, касающиеся монастыря, настоятель провел меня по кумирням, где шли реставрационные работы.

В главной кумирне находились все сто восемь томов «Ганджура» — они лежали позади устрашающего божества Дордже Джигчета, свирепого демона с коровьими головами. В боковой кумирне хранились древние мечи и копья, а также хоругвь, подаренная Тхонде настоятелем Амдо в знак благодарности монастырю, который на год отпустил своих монахов к нему.

Поблагодарив настоятеля за радушный прием, я собрался было уйти, когда он подозвал старого монаха и попросил его проводить меня к весьма почитаемой молельне позади монастыря.

Прихрамывающий монах провел меня мимо чхортенов и заставил карабкаться на скалистый карниз, где стояла знаменитая кумирня. Он достал связку ключей, открыл дверь и пропустил меня в святилище. Стены были покрыты свежими фресками. Увидев не очень древнюю статую свирепого демона, я вздрогнул: у него был очень страшный вид, он топтал человеческие тела и весь был увешан человеческими глазами, кишками и сердцами, символами чувств и страданий.

Я попрощался со своим гидом и спустился вниз к дому, где Лобсанг и Наванг уже навьючивали ослика.

Мы снова пустились в путь по пустынной равнине, которую поливал дождь.

Усталость взяла верх над самыми благими намерениями, и я с готовностью поверил Лобсангу на слово, что в Кумике нет ничего интересного, и мы оставили это селение в стороне. Нам пришлось перелезть через невысокую стену, которая тянулась на протяжении четырех или пяти километров от деревни к реке, деля равнину пополам. Эта необычная стена — яркое свидетельство тому, какое значение имеет право на выгон в Заскаре. У каждого крестьянина свое поле, у каждой деревни свои пастбища, равнинные и горные, где животных пасут летом. Эта длинная стена отмечала границу общинных пастбищ Тхонде и Кумика.

Тропа вывела нас на берег реки Заскар, откуда хорошо виднелись чхортен Пипитинга и руины большого здания. Лобсанг сказал мне, что это форт индусских раджей, захвативших Заскар в 1836 году.

СОВРЕМЕННЫЙ ЛАМА

Ни в одном документе нет точных сведений об участии Заскара в момент захвата Ладакха солдатами Зоровара Сингха, полководца княжества Джамму. Этот генерал, завоевывая гималайские земли, разорил мирные буддийские районы, через которые прошел с огнем и мечом. Будучи не в состоянии оккупировать столь обширный край, как Ладакх, он заключил ряд кабальных договоров с местными вождями. Его войскам часто приходилось выступать для подавления мятежей местного населения. Оставив позади себя кровавый след, Зоровар двинулся на монастырь Рингдом. Прибыв туда, он узнал о мятеже князя Ладакха в Лехе. Не теряя времени, Зоровар преодолел перевал Пенси-Ла и вступил с войсками на территорию Заскара. В то время Заскар оправлялся от трех разорительных вторжений соседних воинственных княжеств, которые за пятнадцать лет обескровили страну. Во время последнего из них, в 1823 году, которое возглавили вожди Лахуля, была разрушена большая крепость Падам. Поскольку крепость не успели восстановить, заскарцы не смогли оказать сопротивления Зоровару Сингху и были в результате этого вынуждены платить радже княжества Джамму ежегодную дань в три с половиной рупии с каждого очага. Дань была невысока по сравнению с ежегодной данью в десять с половиной рупий с очага, которой были обложены ладакхцы.

Зоровар Сингх потребовал, чтобы заскарцы указали дорогу на Лех. Но они отказались показать завоевателям, каким путем можно было покинуть Заскар через Тхонде. Однако некий предатель сообщил необходимые сведения Зоровару, который наградил ренегата пятьюстами рупиями, двумя золотыми браслетами и пообещал посадить его на заскарский трон.

Неизвестно, получил ли этот негодяй власть над Заскаром. Мне это представляется сомнительным. С этого момента в противоречивых письменных свидетельствах о войне с племенем догра на два года исчезает всяческое упоминание о Заскаре. Позднее, чтобы предотвратить восстание в Ладакхе и Заскаре, Зоровар Сингх с тремя тысячами солдат вновь отправился в Заскар через опаснейший гималайский перевал Умаси, лежащий на высоте пяти тысяч трехсот метров над уровнем моря. Двадцать пять его солдат замерзли, а десять лишились рук и ног. Оказавшись в Заскаре, он узнал, что охваченные паникой жители укрылись в горах. Решив дождаться их возвращения, он два месяца стоял лагерем в крепости Пипитинг. Заскарцы, жившие в этом городке, в конце концов покорились захватчикам, и

он снова посадил на лехский трон старого князя Ладакха, которого сам же низложил несколько лет назад.

В 1840 году Зоровар Сингх в третий раз пересекает Заскар, чтобы покорить Балтистан. Затем, преисполненный амбиций, он захватывает Тибет, где, однако, и умирает в 1841 году среди жалких остатков своей армии.

Если верить запискам капитана Каннингхэма, в 1846 году в Заскаре начался новый мятеж, подавленный Басти Рамом.

В 1848 году Томас Томсон, первый из европейцев, посетивший Заскар после второго путешествия Кереша Цчома (в 1825 году), оставил описание крепости догра в Пипитинге. Это было «прямоугольное здание с круглыми башнями по углам». Томсон разбил свой лагерь около Падама и пробыл там двое суток, а затем через Зангла отправился в Ладакх. Другой автор — Франке утверждает, что князь Заскара был пленником и содержался вместе с сыном в Джамму, где и умер между 1839 и 1846 годами, похоже, насильственной смертью.

В 1846 году англичане, расширяя свою империю, подписали лахорский договор, подтвердивший, что Гулаб Сингх остается магараджей Джамму и Кашмира. Таким образом они получили политический контроль не только над крохотным Джамму, но и над Балтистаном, Ладакхом, Заскаром, Спити и громадной процветающей долиной — Кашмиром. Заскар был присоединен к британским владениям, хотя английская армия даже не ступала на его территорию. Этот договор положил конец девяти векам независимости княжества.

Мог ли Заскар восстать против британского могущества? Нет. Однако «рах британика» привел к тому, что гарнизоны догра стали ненужными, крепость Заскар была покинута и вскоре превратилась в руины. Впоследствии Заскар постепенно вернулся к образу жизни предков. Слишком удаленный и изолированный, чтобы сделать оправданным чье-либо вмешательство, слишком бедный, чтобы возбуждать зависть, он продолжал, как и прежде, жить по принципам автаркии.

...Через несколько часов тропа привела нас к широкой молитвенной стене длиной около двух километров, самой внушительной из всех, что я видел в Заскаре. Она имела прямоугольное сечение и была сложена громадными валунами, извлеченными из реки. На каждом из них выгравирована надпись: «Ом мани падме хум». Эта постоянно повторяющаяся фраза написана и на клочках бумаги, которые закладываются в молитвенные мельницы, нанесена на молитвенные флажки, стены чхортепов и даже на некоторые скалы. Самое любопытное в том, что эти слова не имеют особого смысла в тибетском языке. Это магическая формула, означающая: «Будь благословен, драгоценный лотос!» Если вы проходите вдоль такой стены, то вы как бы произносите начертанную там молитву.

Дождь и растаявшие снега переполнили рукав реки Заскар,

вдоль которого мы шли. Пенящаяся вода с ревом неслась мимо нас, образуя водовороты у каждого валуна, лежащего в русле. Когда мы оказались примерно на уровне Падама, который находился на другом берегу реки, тропа пошла вниз с карниза к воде. Падам по-прежнему выглядел нагромождением огромных скал, скатившихся с обрыва.

И вдруг я увидел под ногами мост, по которому следовало пройти. Вернее, два моста, висящих над бешеным потоком. В моих жилах застыла кровь... Первый из мостов, тот, что покороче, висел значительно выше, чем мост Зангла. Он качался над рекой, как старая мокрая бечевка, чудом зацепившаяся за две огромные скалы, одна из которых была на берегу, а вторая — посреди реки. Второй мост состоял из огромных плит, которые лежали на двух искривленных полусгнивших стволах. Деревья опирались своими концами на скалу в центре потока и на камни противоположного берега.

Пришлось оставить нашего мужественного ослика на левом берегу. Я стоически готовился к переходу через мосты. Слово «страх» слишком слабо, чтобы передать мои ощущения. Прежде всего я едва не сорвался с гладкой мокрой скалы, по которой следовало вскарабкаться, чтобы очутиться у входа на сие инженерное сооружение. Затем я заметил, что спасительные поручни висят много ниже моих колен, а следовательно, и моего центра тяжести... В таких условиях любая потеря равновесия будет фатальной. В довершение всех несчастий из-за мелкого морозящего дождика сплетения веточек, укрепленных стальным тросом, стали скользкими. Второй мост был не лучше. Он прогибался под каждым моим шагом, и я слышал зловещее потрескивание плит и прогнувшегося основания.

Бросив прощальный взгляд на ослика, мы двинулись по крутой тропе, ведущей к Падаму. И издали и вблизи городок напоминал большую кучу развалин. Он построен на ледниковых отложениях гигантских морен, где хаотически громоздящиеся валуны находятся в весьма шатком равновесии. Холм увенчан огромными обтесанными камнями, остатками гордой крепости заскарских князей. Падамские дома теряются в этом каменном хаосе. Часто они построены на скалах, плохо побелены и выглядят убогими. Из-за нагромождения скал у города нет четкой планировки; улочки, ведущие к громадному чхортену — центру города, петляют среди домов и скал. Выкрашенный в белый и красный цвета чхортен украшен с четырех сторон великолепными барельефами львов, павлинов, лошадей и слонов. Каждый вид животных представлен парой экземпляров.

Падам без своей крепости не представляет интереса для путешественников, хотя это и самое крупное поселение Заскара (сто двадцать домов). Здесь нет ни монастыря, ни молитвенного зала, где имелись бы интересные украшения. Позже я узнал, что жители города заняты строительством монастыря на развалинах древней крепости.

Будучи «столицей» Заскара, Падам является торговым центром края. Сорок процентов его населения — мусульмане, по большей части балти и карджильцы, осевшие здесь несколько поколений назад, если судить по размерам старого мусульманского кладбища в северной части города.

Дождь превратил улицы в настоящую клоаку. Мне было жаль, что «столица» этого края, в какой-то мере ставшего мне «родным», выглядит столь жалко.

Вымокнув до мозга костей и совсем обессилев (хотя было всего два часа дня), я обратился к Лобсангу с просьбой подыскать мне хороший дом для отдыха. Я был на ногах с половины пятого утра, ни разу не присев передохнуть и не перекусив. Перед выходом в путь монахи угостили меня чаем и цзамбой, а в пути я съел несколько галет.

Наконец меня привели на второй этаж красивого просторного дома. Его фасад украшали ставни и большие окна с переплетами. Это самое красивое здание Падама располагалось рядом с домом большего размера, но победнее, где жил князь Заскара.

Моя комната имела низкий потолок, стены были обиты индийскими набивными тканями, а на полу лежал гималайский ковер. Это гостиная владельца дома, богатого заскарского купца. Он угостил меня чаем. Мы говорили о Падаме, а Лобсанг и Наванг тем временем отправились к брату Наванга, отцу того мальчугана, которому я подарил шубу.

На скорую руку я перекусил, добрый глоток ячменной водки вернул мне хорошее расположение духа. Крепкий напиток — лучшее средство, чтобы согреть озябшее тело. Мой хозяин оказался приветливым и сведущим человеком. Он подробно рассказал мне о древних статуях около Падама. Вскоре мы покинули теплый, уютный дом и отправились для осмотра этих старинных скульптур, расположенных к северу от города.

Несмотря на брюшко, мой хозяин бодро трусил впереди, показывая дорогу. Рядом с тропинкой, проходящей по карнизу над рекой Заскар, виднелось несколько полуразрушенных чхортонов. Метрах в ста от последнего дома мой спутник указал на двухметровый монолит, похожий на дольмен. Барельеф на камне изображал какое-то стоящее божество. Необычная поза и непривычные черты божества наводили на мысль о чрезвычайной древности этого произведения искусства. Рядом с главной фигурой различались фигуры двух божков поменьше столь же древнего происхождения.

Мой гид помог мне спуститься на берег реки к подножию громадной скалы прямоугольного сечения и высотой около двенадцати метров. На южной грани были вырезаны пять великолепных будд, восседающих на троне. Каждый трон стоял на спине животного — льва, лошади, павлина, слона или крылатого гаруды. Этот барельеф был явно более позднего происхождения, чем предыдущие статуи. Справа от пяти будд, на той же

границы, высилось божество ростом в шесть метров. На восточной границе были вырезаны силуэты нескольких чхортенов.

До заселения тибетцами Заскара (в VII веке) долины Ладакха и Кашмира уже были буддийскими. В Заскаре, по-видимому, население тоже придерживалось буддийской религии. Неужели самые древние из скульптур, которые я видел в пути, восходили к дотибетской эпохе? А если так, то они могли рассказать о тех временах, которые предшествовали захвату тибетцами этой изолированной горной долины. Был ли Заскар населен тогда дардами или балти, как и долина реки Суру? Или здесь жили монголоиды? Если последнее верно, то как они сюда попали?

Мое восхищение этими скульптурами почтенного возраста заразило моего проводника, и он с ловкостью, малосовместимой с его талией, увлек меня за собой по скалистой тропинке к еще одной скале, расположенной метрах в ста от первой. Подняв глаза вверх, я различил контуры разрушенных эрозией пяти стоящих будд, головы которых окружал нимб. Эти скульптуры выглядели еще более древними, чем предыдущие.

— Это святое место, — сказал мой спутник, — здесь мы хороним останки наших усопших. — И указал на человечески кости, уложенные у входа в пещеру под скульптурными изображениями.

Согласно буддийским традициям, заскарцы хоронят покойников разными способами. Изредка их сжигают, но эта операция обходится дорого из-за нехватки древесины. Либо они бросают труп в реку. Такой вид похорон здесь применяется чаще, чем в других районах Гималаев. Иногда труп оставляют на растерзание хищникам (волкам и стервятникам). В некоторых случаях умерших зарывают в землю. Столь разные методы похорон подразумевают возврат бренного тела огню, воде, земле и ветру — четырем стихиям, из которых, согласно буддийским верованиям, состоит человек.

После сжигания тела прах покойного перемешивается с глиной, которой придается форма чхортена. Затем эти маленькие чхортены устанавливаются либо в специально предназначенных для этого пещерах, либо внутри больших чхортенов, либо в любом священном месте, в том числе и на алтарях кумирен. Траур по усопшему в Заскаре длится два или три дня; монахи возглавляют различные религиозные церемонии, «чтобы помочь душе усопшего на пути к его новому воплощению».

Естественно, ни одному из нас не нравится идея смерти, но для заскарцев она куда менее трагична, чем для западного человека. Она, согласно буддийским верованиям, предвестник новой жизни, и если ты добродетелен, то новое существование будет счастливее прежнего.

Всю обратную дорогу до Падама я находился под впечатлением древних каменных изваяний. Когда вошли в дом, хозяин

угостил меня араком. Пока я пил, Лобсанг и Наванг спорили о дате начала большого праздника в Сани, древнем монастыре, расположенном на центральном плато напротив Тхунри. Никто не мог сказать, начнется праздник через два или три дня после нашего прибытия в Падам.

— Во всяком случае,— прекратил спор хозяин,— мы увидим огни.

Он имел в виду два гигантских костра, которые по традиции разжигались на пике, возвышающемся над монастырем, в ночь, предшествующую празднествам.

Я очень много слышал об этом празднике с первого дня моего пребывания в Заскаре. Лобсанг говорил, что толпы людей собирались со всех четырех провинций, на праздник приходили как члены секты желтых шапок, так и члены секты другпа, красных шапок. До сих пор я бывал лишь в монастырях, принадлежавших первой секте, но мне сказали, что в полутора километрах от Падама стоит монастырь, принадлежащий другпа. Меня не очень удивило, что в Заскаре располагались монашеские заведения основной секты Бутана. Удивительным было то, что секты не только не враждовали между собой, но и даже совместно участвовали в одном религиозном празднике.

Когда я сел обедать, в комнату ворвался человек с криком, что на той стороне реки заметили волков и что они наверняка растерзают нашего ослика, за которым, несмотря на договоренность, хозяин еще не пришел. Бедному животному, едва не погибшему в трясине и прошедшему двое суток под тяжелейшим грузом, грозила ужасная судьба! Лобсанг, несмотря на темноту, решил перейти через опасный мост, чтобы переночевать с осликом под скалой и защитить его от волков! Весело улыбаясь, он пожелал мне спокойной ночи и растаял в ледяной тьме.

В течение последующих нескольких тяжелых недель пути мне предстояло еще не раз восхищаться его мужеством.

ТЫСЯЧИ ПАЛОМНИКОВ

На заре я был разбужен криками: «Зажглись огни! Праздник Сани начинается!»

Мне хотелось еще поспать, но, кляня праздник, встал, поскольку не хотел пропустить интересное зрелище. Вскоре мы отправились в монастырь Сани. Стояло чудесное утро. Под лучами солнца сверкали заснеженные вершины гор. По долине к монастырю двигалось множество паломников.

Мы присоединились к небольшой группе людей, и между нами вскоре завязался разговор. Все люди шли в нарядных одеждах — женщины сверкали драгоценностями, а мужчины вырядились в великолепные платья из черного бархата. Нас обгоняли паломники на пони. Я обратил внимание на одну семью — отца, мать и ребенка, восседавших на одной лошадке. Она бодро скакала вперед, и на ветру развевались платья и вышитые плащи всадников. Мне казалось, что я попал в эпоху средневековья и нахожусь среди паломников, спешащих в Везле или Шартр.

Люди, отдохавшие на обочине дороги, подбадривали нас жестами и словами. Колонна паломников, двигавшихся пешком или верхом на лошадах, тянулась нескончаемой лентой.

Было за полдень, когда после четырех часов пути мы увидели Сани — его можно было издали узнать по полдюжине высоких старых деревьев, высаженных рядом с монастырем. По обе стороны святилища располагались жилые дома.

Стало ясно, что вернуться назад до наступления ночи не удастся, и я попросил Лобсанга найти комнату для ночлега, а сам отправился в монастырь.

Около монастырских зданий собралось более двух тысяч человек, а новые группы все прибывали и прибывали. Праздник совпадал с ярмаркой, где продавались и покупались лошади и жеребята.

Разряженные паломники обходили прямоугольную стену вокруг сада из старых тополей. За ней находился монастырь и две кумирни. Во дворе высился необычный чхортен с куполом в форме яйца, знаменитый чхортен Канишка. Шесть других чхортенов тянулись вдоль внешней стены, мимо которой шли паломники. Часть из них оживленно беседовала.

Целый час я наслаждался живописным зрелищем. Мне еще никогда не доводилось видеть столь своеобразную толпу. Головы женщин были унижены драгоценностями. Радовали глаз дети. Девочки носили красные или желтые шапки (в зависимости от принадлежности к секте), украшенные цветами, среди которых изредка попадались голубые маки, сорванные на высо-

когорных пастбищах. На мальчишках красовались величественные шапки в форме цилиндра, изготовленные из коричневого или черного бархата и расшитые серебряными нитями. Передний край этого головного убора обрезан, а по бокам края приподняты. В Ладакхе подобные шапки носят как мужчины, так и женщины, а в Заскаре их можно видеть лишь на мужчинах и мальчиках. Женщины же надевают шапки с «собачьими ушами».

Ни один западный режиссер не смог бы поставить столь яркий спектакль. Разглядывая это скопище людей, сверкающее красками, я наблюдал редчайшее зрелище, которое в нетронутом виде сохранилось лишь в Гималаях. Шерпы Непала уже отказались от своих традиционных нарядов; во многих местах происходит быстрое изменение обычаев, вызванное главным образом наплывом туристов. Видя этих пышущих здоровьем людей, я от всей души желал, чтобы Заскар отстоял свои обычаи и традиции, чтобы его жители при контакте с западным миром не отказались от своего гордого прошлого и не лишились собственного лица.

Суровая простота монастыря Сани свидетельствовала о его глубокой древности. Монастырь окружала крытая галерея, которая позволяла обойти святилище даже зимой. В нишах стен были закреплены небольшие цилиндры с текстом молитв. Они со скрипом вращались на осях, и каждый идущий мимо человек мог их прокрутить. В большом зале позади алтаря хранилось множество книг и буддийских рисунков, а стены покрыты сильно поврежденными фресками. Несколько монахов и местных должностных лиц пригласили меня отведать чанга в маленькой кумирне — крохотном помещении на втором этаже. Мне удалось ускользнуть от них, чтобы осмотреть чхортен Канишки. По словам Франке, которому рассказывали об этом чхортене, его название происходит от имени афганского князя — буддиста Канишки, жившего в I веке нашей эры, а значит, святилище воздвигли в эпоху, предшествующую вторжению в этот район тибетцев. Чхортен является предметом особого поклонения.

В монастыре есть необычно украшенная молельня, куда более любопытная, чем яйцеобразный чхортен. Одну из ее стен с нишами, где стоят небольшие статуи, украшает барельеф из обожженной глины, изображающий религиозные сцены. Эта кумирня, носящая имя Гьянчут, по легендам, имеет связь с расположенным неподалеку от монастыря полукруглым комплексом из десяти поставленных торчком камней, на которых высечена трехметровая богиня в окружении божков поменьше. Эти скульптуры были самыми прекрасными и наиболее древними из всех встреченных мной. Они свидетельствуют о том, что место, где находится монастырь Сани, считалось святым задолго до его строительства. Сани, несомненно, самый древний монастырь края. Но датировать время его закладки трудно без специальных исследований.

Получив благословение в кумирне святого Наро, расположенной позади монастыря, я под дождем направился к дому, где Лобсанг оставил мой багаж. По дороге встретил молодого француза и его бельгийского друга, которые проводили меня до Тхунри. Они прожили несколько дней в этой деревне и собирались возвращаться домой тем же путем, которым пришли. От француза узнал, что швейцарские туристы из-за нехватки времени не смогли добраться до Падама и отправились обратно, не дойдя до границ Заскара. В какой-то мере я почувствовал облегчение. Массовый туризм может нанести краю непоправимый ущерб.

Лобсанг снял мне комнату в доме старосты деревни, молодого человека двадцати девяти лет. Меня вначале поразило, что, несмотря на свой возраст, он исполняет функции старосты уже в течение восьми лет. Я забыл о том, что старший сын в семье наследует после женитьбы не только достояние отца, но и его общественное положение. Познакомившись с ним поближе, узнал, что молодой староста Сани отличается большими организаторскими способностями. Помимо организации праздника ему пришлось одновременно принимать самых уважаемых монахов и размещать на ночлег полицейского офицера из Падама, индийца-сикха, тощего бородатого человека в тюрбане, чей облик никак не вязался с Заскаром. Он не знал ни заскарского, ни английского, говорил лишь на хинди, и ему для общения с местным населением был необходим переводчик. Начальник полиции Каргила дал мне письмо к нему, чем я и воспользовался, чтобы познакомиться с сикхом. Бедняга был явно подавлен ужасным климатом Заскара и очень странными местными обычаями.

Через переводчика индийский полицейский объяснил мне, что местные выборные судьи разрешали любой конфликт и ему было буквально нечего делать, за исключением прекращения редких стычек между людьми, выпившими по случаю праздника чрезмерное количество чанга. Далее он сказал, что я не смогу покинуть Заскар через один из высокогорных перевалов Гималаев, не получив разрешения тасилдара, индийского чиновника, жившего в княжеском доме в Падаме. Эта мера касалась и сопровождающих меня заскарцев. Заскарцы не имеют права пересекать границы штата Джамму и Кашмир без особого пропуска. Перейдя через Гималаи, я попадал в другой индийский штат — Химачал-Прадеш.

В тот же день у меня состоялась обстоятельная беседа о монастыре со старостой деревни.

— Это старейший монастырь в Заскаре, — сказал он мне. — Здесь бывал гуру Римпоче. Однажды ему пришлось бежать от врагов, и он перепрыгнул через вон те скалы. Великий святой, несомненно, посетил Сани. Это записано в имеющейся у нас книге.

Я попросил показать эту книгу. Молодой человек достал

пачку листов, отпечатанных с помощью деревянного пресса. Это была биография гуру Римпоче. Он принялся искать отрывок, посвященный монастырю Сани. В книге было около трехсот разрозненных листков, и, как обычно, нужное место найти никак не удавалось.

Молодой староста, облаченный в великолепную шубу, с полчаса листал книгу, сидя на полу в позе лотоса. Затем рядом с ним уселся приятель и взял у него часть листов, затем к ним присоединился старик и, наконец, Нордруп. Добрый час они читали книгу вслух. Я сидел в стороне, смущенный тем, что вызвал всю эту суматоху.

Вдруг молодой староста деревни испустил радостный вопль и протянул мне листки, относящиеся к Сани. К сожалению, я не умею читать по-тибетски, а потому ограничился тем, что сфотографировал текст.

Затем отправился в монастырь в сопровождении хозяина дома. Стояла великолепная погода. Впервые за несколько дней выглянуло солнце. Вереница улыбающихся паломников совершала ритуальный обход святилища. Около чхортена торговец балти разложил под навесом свои товары — спички, конфеты, стеклянные брелоки. Заскарцы практически почти не пользуются деньгами. Они покупают лишь ювелирные изделия, но и за них платят в основном скотом и зерном.

На земном шаре трудно найти край со столь замкнутой экономикой, как в Заскаре, где двенадцать тысяч жителей сами производят одежду, обувь, кормят себя, а также добывают золото, серебро и медь. Они занимаются и сбором целебных трав в почти безводных горах.

Работать восемь часов в день почти без перерыва — вещь для них немыслимая, если только в ней нет неотложной необходимости. Вообще-то говоря, привычная заскарцам работа не является для них тяжелой обязанностью, потому что она непосредственно обеспечивает их благополучие. Они пьют молоко коров, за которыми ухаживают, едят ячмень, который сеют, носят одежду из тканей, которые сами ткнут. Повседневный труд не угнетает, они получают от него удовольствие. Таскать тяжелые камни для чужого человека — тяжелая работа, а нести их для строительства собственного дома даже приятно.

Утром я был разбужен пронзительным и радостным голосом Нордрупа, который стоял в дверях, он широко улыбался, сверкая безупречными зубами. Мне тоже было радостно видеть этого ловкача! Я осведомился о состоянии его ноги, которая, по моему мнению, была весьма «хромоющим» оправданием за опоздание на наше рандеву.

— Теперь все нормально, — заявил он. — Я готов вас сопровождать повсюду.

Мы разработали план. Мне хотелось посетить Лунак, скалистую территорию, простирившуюся на сто шестьдесят кило-

метров вдоль верхнего течения реки Заскар, и добраться до Лахуля через перевал Шинго-Ла, лежащий на высоте пяти тысяч метров над уровнем моря. Оттуда на грузовике или джипе мы попадем в долину Кулу через перевал Ротанг, расположенный на высоте четырех с половиной тысяч метров над уровнем моря.

Нордруп, узнав о моем плане, скорчил гримасу. Переход через перевал Шинго-Ла, сказал он, очень опасен. Несколькими неделями назад в одной из глубоких стремнин в реке Заскар утонула лошадь, несмотря на то что она шла по проторенной тропе. Он добавил также, что в горах выпало много снега и, по слухам, мост через бурную реку по ту сторону перевала под тяжестью снега обвалился, практически закрыв путь.

Мог ли я верить Нордрупу? Конечно. Он, так же как и его товарищ Лобсанг, стал моим другом. Оба они были людьми исключительной честности. Что же делать? Отказаться от первоначального замысла и вернуться по своим следам обратно? Или попытаться пройти через перевал Шинго-Ла, не обращая внимания на слухи об обвале снежного моста?

В конце концов я решил придерживаться уже намеченного плана и пересечь Гималаи. Изучив бывшую в моем распоряжении единственную и не очень достоверную карту, я понял, что нам предстоит преодолеть более двухсот километров по одной из самых высокогорных территорий мира.

Наиболее тяжелая и в то же время самая обычная физическая деятельность заскарцев состоит в лазании по горам. Каждый шаг открывает перед ними новые горизонты. Усилия путешественников компенсируются сказочными по красоте видами и величественной перспективой. Вероятно, поэтому Нордруп с видимым удовольствием забросил мой рюкзак себе на плечо, когда мы, распростившись с друзьями из Сани, пустились в путь к Падаму.

ПИПИТИНГ

Во время долгих совместных странствий у меня было время поближе познакомиться с Нордрупом. Он происходил из менее зажиточной семьи, чем Лобсанг, и у него было не столь счастливое детство — он потерял мать, будучи еще мальчиком. Его живой ум помог ему быстро выучиться читать, писать и усвоить те знания, которые преподаются молодым монахам. Не имея прочных семейных связей в Заскаре, Нордруп, человек с непоседливой натурой, смолоду принялся путешествовать. Это облегчалось тем, что монахов хорошо принимают почти во всех буддийских монастырях Гималаев. Несмотря на изолированное положение Заскара, его жители ощущают глубокую духовную общность с обширным гималайским миром; ничто не мешает им повсюду чувствовать себя как дома. Люди тибетской культуры могут пройти тысячи километров по Гималаям с уверенностью, что всюду встретят людей, говорящих на том же языке, имеющих те же обычаи и религию.

В путешествии монахи обходятся без денег; их примут в любом доме, где чаще всего, как я уже говорил, им не надо платить за ночлег и еду. Гималайская цамба значительно упрощает проблему провизии: поджаренную муку можно есть в холодном виде, и хранится она долгие месяцы. Нордруп с гордостью показал мне мешочек с цамбой, который он принес из Тхунри в предвидении долгого путешествия в Центральную Индию. На высокогорных перевалах, засыпанных снегом и обдуваемых ветрами, костра не развести, а потому заскарцы не запасаются топливом и не делают долгих стоянок, как китайцы и индийцы, питающиеся рисом, который требует немало времени для варки.

Нордруп еще мальчиком побывал на Тибете. Затем посетил Ладакх, где жил в различных монастырях. В родной монастырь Карша он вернулся монахом-торговцем. Несколько раз ходил в Манали, город у начала долины Кулу, куда мы сейчас направлялись. Там он покупал для своего монастыря хлопчатобумажные ткани, иголки и подковы, а также лошадей. Нордруп хорошо знал дорогу, по которой мы шли.

Будучи как-то в Манали, он решил посетить город Дхарамсала, нынешнюю резиденцию далай-ламы. Бежавшие в свое время из Лхасы в Индию монахи и знатные люди жили там в условиях, как ему показалось, современного комфорта. Автомобили и электричество поразили его воображение.

В Дхарамсале Нордруп услышал о большом центре выходцев из Тибета в штате Майсор, на юге Индии. Получив рекомендательное письмо к настоятелю ближайшего к поселку тибетцев

монастыря, он, несколько не смущаясь расстоянием, проехал на автомашинах и поезде (первом, увиденном им) более трех тысяч километров по тропической Индии. Там он несколько зим учил юных тибетцев читать и писать. Когда приближалось лето с его невыносимой жарой, возвращался на север, пересекал горные перевалы и пришел в родной монастырь Карша.

После первого путешествия Нордруп поделился своими впечатлениями об увиденном с Лобсангом, который до того бывал в Лхасе и тоже был неутомимым путешественником. В результате на следующий год в Майсор они отправились вместе. И так несколько лет проводили зиму в Южной Индии, а летом возвращались в свой монастырь. Они выучились неплохо говорить на хинди, что облегчало им торговые взаимоотношения.

Когда мы встретились в Каргиле, Нордруп выполнял одну из своих обычных торговых операций. У него было десять лошадей в Рингдоме. Но пока он находился в Каргиле, часть лошадей была сдана внаем другим торговцам. Вскоре он отправился за лошадьми и товаром, поручив меня заботам Лобсанга. На деньги, что я обещал им выплатить, они собирались купить товар в Манали, перепродать его в Заскаре, чтобы в октябре отправиться в Майсор. Легкость, с которой гималайцы пускаются в подобные путешествия, всегда удивляла меня. Нам, западным людям, куда труднее собраться и в менее далекие путешествия...

Над центральной равниной Заскара висела голубая шаль безоблачного неба. Проходя по одному из хуторов, мы встретили девушку редкостной красоты в черно-сером одеянии, ниспадавшем до самой земли. За ней семенил крохотный тибетский терьер. Острый на язык Нордруп воскликнул:

— Какая красивая у тебя хозяйка! Где же ты ее нашел, малыш?

Не обратив внимания на шутку или не расслышав ее, девушка показала нам собачку и объяснила, что получила ее в подарок, когда была еще ребенком. Ее очаровательная и естественная манера держаться, а также радушное и простое отношение к незнакомым людям характерно для обитателей Заскара. В любом другом месте шутка Нордрупа вызвала бы лишь яростный взгляд.

Отношения между мужчинами и женщинами в Заскаре не осложняются запретами и табу, которые отравляют существование мусульманам и индусам. Ламаистская концепция полов основана на абсолютном равенстве, и часто я чувствовал себя неловко, видя, сколь откровенны женщины по отношению к мужчинам. Нам на Западе предстоит проделать еще долгий путь, прежде чем мужчины и женщины начнут считать себя прежде всего человеческими существами, а не индивидуумами разного пола.

Расставшись с девушкой и ее собачкой, мы вышли на берег глубокой речушки, несущейся с ближайшей горы, где сделали привал, чтобы перекусить. Было довольно жарко, вода в речке

показалась мне не очень холодной, и я решил вымыть голову. В предыдущие дни вода в реках была такой холодной, что мне едва хватало мужества, чтобы сполоснуть руки и кончик носа. Именно низкая температура воды объясняет, почему заскарцы не очень заботятся о своем туалете. Первые европейские путешественники в эти края, увидев измазанные маслом и землей лица аборигенов, не зная, что этим они предохраняют себя от солнечных ожогов, сочли жителей Гималаев грязнулями.

После завтрака я расстался с Нордрупом, который направлялся в Падам, и двинулся напрямик через обнаженную равнину в направлении Пипитинга, деревни, окружавшей гигантский чхортен на островерхом холме.

Около часа шел по прямой. Все предыдущие дни я страдал от холода, сейчас же мне казалось, что я перенесся в Сахару — жара была невыносима.

Поля вокруг деревни Пипитинг были засеяны ячменем и зеленым горошком, основными сельскохозяйственными культурами «низкогорья» Заскара... Здесь, на высоте около четырех тысяч метров над уровнем моря, с трудом, но произрастает и пшеница.

По лету трудно судить о суровости заскарского климата в остальное время года. Зимой долину обдувают яростные ледяные ветры, и температура редко поднимается выше минус 30 градусов. Все реки замерзают, и воду можно добыть, лишь разбивая лед в реках. Снега, как говорил Лобсанг, выпадает столько, что всякое сообщение между соседними деревнями часто прекращается. От хутора к хутору в снегу тянутся глубокие траншеи. В эти узкие проходы, вырытые людьми, нередко забредают волки. Тогда жители деревни организуют охоту и окружают волков. Те прыгают с утоптанной тропинки на рыхлый снег, в котором буквально тонут и вскоре гибнут под градом камней охотников.

Скот проводит зимнее время года в хлеве, а в двориках зимуют лишь яки. Только они способны выжить под открытым небом в суровых условиях гималайской зимы. Как дикие яки выживают в столь пустынных и практически лишенных корма краях, весьма заинтересовало еще Муркрофта во время его путешествия в Гималаи. В Восточном Ладакхе он в конце концов отыскал траву «прангос», оказавшуюся столь питательным кормом, что даже небольшое его количество позволяло скоту наедаться. Яки в основном и питаются этой кустистой травой, питательные свойства которой превосходят все известные кормовые растения.

Муркрофт, словно предвидя будущий продовольственный кризис, советовал европейцам начать культивировать эту гималайскую траву. Насколько мне известно, никто не внял его совету, и я ни разу не слышал в Европе о прангосе, описанном Муркрофтом. Заскарцы ежегодно запасают на зиму в качестве корма ломкие стебли этого растения, а также сушат альпийские травы.

Но куда удивительнее то, что выжить в этом суровом краю удается и людям! Чтобы не умереть с голоду, они придумали спо-

соб, как ускорить таяние снегов весной, чтобы посеять в нужное время ячмень и собрать урожай до наступления зимы. Они набирают землю и прячут ее осенью в доме, чтобы она не смерзлась. В мае крестьяне рассыпают эту землю в поле, еще покрытом толстым слоем снега. Солнце нагревает этот темный земляной слой и вызывает таяние снега, хотя все вокруг еще бело. Можно начинать возделывать землю и сеять. Ячмень успеет созреть до первых снегопадов в сентябре.

Еще одна любопытная деталь приспособления жителей Гималаев к суровым климатическим условиям. Чтобы новорожденные дети не погибли зимой от холода или от переохлаждения из-за смерзания мокрых пеленок, их помещают в шерстяные мешки с толченым коровьим навозом, который впитывает в себя всю влагу. В результате грудные дети находятся в тепле и сухости!

Такая изобретательность позволяет заскарцам выжить в негостеприимном мире, который, может, и годится для богов и фей, но мало подходит человеку.

Многие деревни Заскара, особенно в Лунаке, наверное, чуть ли не самые высокогорные в мире, лето там столь коротко, что, несмотря на вышеописанную технику, ячмень иногда не успевает вызреть. В этом случае колосья срезают до наступления спелости. Урожай, конечно, собирают меньший, но зерна в высокогорном воздухе быстро испаряют влагу и могут быть все же использованы в пищу.

Несмотря на короткое лето и неважные почвы, ячмень дает довольно хорошие урожаи. Это тем более удивительно, что в высокогорных деревнях, где ячмень — единственная зерновая культура, совершенно не практикуется севооборот. Но почва не теряет плодородия, поскольку постоянно искусственно орошается (каждый пятый день). Вода несет ил. Крестьяне проводят прополку, удаляют сорняки, а иногда их едят, особенно разновидность, похожую на валерьяну.

Меня особенно удивило то, что во многих заскарских деревнях произрастает зеленый горошек, а в Каргиле даже абрикос. Горошек может расти везде, кроме самых высокогорных деревень, встречается и дикий горошек, очень мелкий и чрезвычайно вкусный — у него лохматые стручки, и он растет на высотах до четырех тысяч восьмисот метров — самый высокогорный овощ в мире!

В низкогорных долинах, где применяют севооборот, культуры чередуются следующим образом: зеленый горошек — ячмень — пшеница или зеленый горошек — ячмень — зеленый горошек. На средних высотах чередуют ячмень, пшеницу и люцерну.

При каждом доме есть огородик, где растут лук, редис, огурцы и картофель. Картофель в Гималаях произрастает хорошо, завезли его туда в середине XVIII века англичане. Шерпы, живущие в районе Эвереста, питаются почти исключительно картошкой, но в Заскаре ее мало. Когда я спросил Нордрупа, почему картофель здесь почти не культивируется, он ответил,

что картошка охлаждает тело человека и вызывает ревматизм... Интересно узнать, есть ли доля истины в этом суеверии.

Когда я вошел в Пипитинг, деревня показалась мне пустынной. Я некоторое время бродил от дома к дому в надежде привлечь чье-нибудь внимание. Похоже, все ушли в Сани, и никто еще не вернулся. Наконец я заметил в окне мужчину, который наблюдал за мной, и обратился к нему.

— Я ищу привратника чхортена...

— Вам повезло, — ответил человек, — он здесь.

Несколько секунд спустя появился молодой монах и, сказав, что привратник пока занят, пригласил меня в дом. Я поднялся по узеньким ступенькам и оказался в низкой комнате, где сидели два старых монаха и четверо мужчин помоложе. Они нараспев читали молитвы из книги и очень походили на католических монахов. Я тихо уселся в углу, заинтересованный этой церемонией. Когда я выпил третью чашку чанга, один из старых монахов пригласил меня следовать за ним.

Мы поднялись к великолепному чхортену в сопровождении десятка проказливых мальчуганов в лохмотьях, которые донимали шуточками старика. Они были так назойливы, что я едва сдерживал гнев. Кроме того, они толкались, пытаясь спихнуть друг друга с обрыва... просто чудо, что никто не погиб!

Гигантский чхортен был возведен на вершине огромной морены, образовавшей холм посреди равнины. Я вскарабкался как можно выше и обошел кругом святилище, восхищаясь видами, открывающимися со всех сторон. К югу, рассыпавшись по скалистому склону, торчали белые кубики монастыря Карша; к востоку — белые кумирни Тхонде, лепившиеся к карнизу; на юго-востоке темнел проход к пустынным ущельям, ведущим в далекую Зангла. Вдали, на западе, скорее угадывалось, чем просматривалось, Сани, лежащее в тени высоких деревьев, а за ним тянулась долина, упирающаяся в перевал Пенси-Ла. На юго-западе находился Падам с нависшим над ним монастырем, который я собирался посетить утром, а вдали чернела узкая долина, ведущая к таинственной провинции Лунак.

Обзор этой грандиозной панорамы был как бы моим прощанием с центральными и наиболее доступными районами Заскара. И слегка защемило сердце при взгляде на эту забытую главу истории человечества.

На обратном пути в сопровождении той же назойливой мальчишеской оравы старый монах провел меня внутри небольшой кумирни, где вокруг одиннадцатилетнего Авалокитешвары висели ужасающие трехглазые маски. Меня снова поразило сложное и перенасыщенное страшилищами искусство Гималаев, которое никак не соответствует прозрачной и открытой душе их обитателей. Единственное искусство, которое сродни духовному миру гималайцев, — их величественная и сдержанная архитектура, которая, как и люди, вписывается в сказочно прекрасное окружение, вечные «декорации» в жизни гималайцев. Нигде на Востоке

архитектура не обладает столь величественной простотой; никто в мире не понял лучше роли формы, объемов и пространства в их связи с природой, как безвестные архитекторы, возведшие величественные здания во славу своих богов и владык.

Следует помнить, что крупный архитектурный ансамбль Пotalа в Лхасе высотой в двадцать этажей воздвигнут в конце XVIII века, и почти два века он был самым высоким зданием в Азии. Так же величественны дворец в Лехе, гигантские крепости Бутана и сказочные комплексы Мустанга и Заскара.

Вручив, согласно обычаю, несколько рупий старому монаху (на уход за кумирней), я отправился в Падам. Поскольку ребята не отставала, я решил, что они могут согдиться мне, и спросил, есть ли поблизости древние камни с рисунками.

— Нету,— сказал один.

— Да,— сказал другой.

— Нет,— сказал третий.

Схватив за шиворот того, кто сказал «да», я велел ему отвести меня к этим камням, и он действительно привел меня к каменной скульптуре, явно очень древней, представлявшей нечто вроде Будды в трехверхой шапке. Дети показали мне еще одно не менее странное божество. Многочисленные молитвенные флажки вокруг статуй свидетельствовали о поклонении заскарцев этим древним божествам.

Входил ли Заскар в Кушанское царство до вторжения тибетцев? Если да, то как объяснить существование столь примитивных скульптур? Ведь кушанцы, при которых расцвело скульптурное искусство буддизма Гандхары и Матхуры, создали бы более утонченные произведения, чем те, что я видел в Сани и Падаме. А может быть, эти камни еще древнее, чем виденные мной изображения каменных баранов? Был ли Заскар мифическим царством муравьев-золотоискателей? Здесь в конце концов золота было больше, чем в реке Суру, чьи золотоносные россыпи славились до недавнего времени. Кто управлял Заскаром до прихода орд тибетских воинов? Это так и останется тайной, если кто-нибудь не установит точных связей между всеми этими каменными изображениями. Самым странным, на мой взгляд, является то, что созданные до вторжения тибетцев буддийские скульптуры, за исключением наскальных изображений внутри кумирни в деревне Карша, никак не привязаны к «современным» буддийским храмам.

Оставив Пипитинг позади, я двинулся по берегу реки Заскар к Падаму. Солнце висело над самым горизонтом; я очень устал и едва волочил ноги. Дал себе отдых, рассматривая развалины крепости. Затем пересек поля, которые тянулись к югу от Падама над излучинами реки. Я углубился в свои мысли, когда вдруг в поле моего зрения появились силуэты двух европейцев. Я невольно отпрянул в сторону, словно встретил чужеземцев... Я не люблю встречаться с европейцами в отдаленных краях, где путешествуя,— они вынуждают меня расставаться с тем «я», которое

берет верх во время моих продолжительных странствий. И однако мое прежнее «я» сгорало от любопытства, кто это мог быть; к тому же мне хотелось разделить с другими мое восхищение Заскаром.

Когда мы оказались совсем рядом, человек пониже ростом шагнул ко мне с протянутой рукой. Этот жест показался мне неуместным в такой стране, как Заскар, но еще больше меня удивил его вопрос.

— Пессель, если не ошибаюсь?

Я едва не ответил: «Ливингстон!», но произнес более банальные слова:

— Как вы догадались?

— Каждый в Падаме знает, кто вы такой. Тасилдар (местный судебный чиновник) читает сейчас вашу книгу о Мустанге. Мы остановились у него. Навестите его, а заодно и нас.

Молодые люди были немцами и изучали физику в Кёльнском университете. Мы договорились о встрече вечером во дворце князя Падама, куда их пригласил представитель властей штата Кашмир.

Я вернулся в дом, где остановился. Нордруп уже согрел воду, и я позволил себе полакомиться какао. Затем отправился к тасилдару, жившему по соседству, в большом обшарпанном здании, где князь Падама сдавал ему две комнаты. Я постучал в низкую дверцу и, не получив ответа, просунул в комнату голову. Слуга пригласил меня войти и усадил на подушки рядом с молодым человеком лет тридцати, который молился, склонив голову на грудь.

Закончив приношение жертв различным индусским богам (это был индус из Кашмира), тасилдар повернулся ко мне и заговорил на английском языке. Вначале я с трудом разбирал его речь как из-за ужасного акцента, так и из-за дефекта нёба. Молодой человек взял с низкого столика экземпляр моей книги о Мустанге, перелистал ее и, отыскав мою фотографию, сравнил с оригиналом. Успокоившись, сказал, что рад знакомству со мной, и велел слуге приготовить чай.

Он объяснил, что является первым индийским чиновником, прожившим в Заскаре весь год. По его словам, хуже участи не придумать. Зимы здесь столь суровы, что большую часть времени он вынужден сидеть дома и даже не выходить из этой комнаты. Термометр всегда показывал не менее минус 30 градусов, а потому он и носа не высовывал на улицу. Ему надлежало отбыть здесь положенный двухгодичный срок, и я подозреваю, что он считал каждый день, приближавший его к отъезду из этого края. Вряд ли стоило его осуждать — жизнь по принуждению в стране, лежащей на высоте трех тысяч восьмисот метров над уровнем моря, без всех тех благ, которые успел познать, и общение с местными жителями без знания их языка не могли доставить особых радостей! Зима в Заскаре пугала и меня, и здесь я был солидарен с тасилдаром.

Он сообщил мне, что, по официальным данным, в Заскаре двадцать восемь деревень, в которых живет восемь тысяч человек. Индийские власти надеялись вскоре открыть автомобильное сообщение через перевал Пенси-Ла, чтобы облегчить связь этого края с остальной Индией.

Тасилдар признал, что заскарцы редко обращаются к нему как представителю власти. Каждая деревня имеет свои традиционные способы вершить суд и разрешать конфликты. Крестьяне почти никогда не просят помощи у тасилдара, который в основном занимается проблемами торговцев народности балти и оказанием содействия крайне редко посещающим этот край приезжим. С тех пор как он находится здесь (скоро уже два года), в Падаме побывали работник индийского департамента вод и лесов, инспектор начальной школы и два врача, открывшие пункт первой помощи. Эти люди вместе с двумя инженерами-дорожниками из Ладакха составляли всю «индийскую колонию» в Заскаре, которая пыталась улучшить жизнь обитателей этого края. Будет ли это благом для них? Сомнительно! Как приезжие, которые с трудом переносили местную зиму, могли «улучшить» систему, позволившую целому народу в добром здравии жить в столь сухом, столь высокогорном и столь холодном краю? Ведь все они, кроме тасилдара и школьного учителя, покинут Заскар в конце краткого лета.

Мои друзья не выражали энтузиазма в отношении плана развития, предложенного правительством штата Кашмир (в состав которого входит Заскар). Исключение, может быть, составляла врачебная помощь. Строительство дороги Нордруп и Лобсанг, любители путешествий, приветствовали, поскольку оценили быстрые средства передвижения, но большинство заскарцев относилось к ней с недоверием.

Я ушел от тасилдара, договорившись о встрече на следующее утро. Он должен был передать мне разрешение для Нордрупа и Лобсанга сопровождать меня через Большой Гималайский хребет до долины Кулу в штате Химачал-Прадеш.

Утром, когда я явился к тасилдару, заспанный чиновник сидел за завтраком из жареной рыбы. Я с наслаждением отдал должное трапезе.

— В реке полно рыбы, — сказал мне хозяин. От рыбной ловли разговор перешел к охоте, и тасилдар с гордостью показал мне рога ибекса, подстреленного одним из гостей у него друзей.

Гигантские козероги ибексы широко распространены в Заскаре, и именно ими в основном питаются волки. Козероги живут большими стадами на самых высоких склонах и редко спускаются в долины, но зимой иногда подходят прямо к воротам монастырей, где их подкармливают монахи. Рога ибексов часто подвешивают на деревенские чхортены. Саблевидные с «насечкой» рога могут достигать длины в один метр.

Когда мы дошли в разговоре до пропусков, тасилдар проявил сдержанность. Прежде всего он посоветовал мне вернуться той же дорогой, то есть через перевал Пенси-Ла. Потом объяснил, что путешествие, которое я собираюсь предпринять, очень опасно. Несколько дней назад там погибла лошадь. Я возразил, что давно привык путешествовать по Гималаям. Тогда тасилдар выдвинул новое возражение — мне понадобится много времени, чтобы добраться до Кулу, а срок моего разрешения на пребывание в стране подходит к концу, и будет мудрее вернуться через Сринагар. Его настойчивость лишь укрепила меня в принятом решении. Действительно, месячный срок визы подходил к концу, но мне говорили, что ее можно продлить. Я тут же написал письмо в адрес кашмирских властей. Но, когда хотел опустить письмо в почтовый ящик, мне напомнили, что Заскар не имеет почтовой связи. Нет даже эстафетной почты. В конце концов я передал письмо встреченному на базаре заскарскому торговцу, который собирался отправиться в Каргил.

Нордруп взялся помочь мне в укладке багажа. Он сказал, что придется идти восемь — десять дней, чтобы добраться до южных склонов Гималаев и первой индийской дороги. Поскольку мне хотелось посетить округ Лунак, я считал, что мы пробудем в дороге около двух недель. Чтобы путешествовать налегке, я решил избавиться от излишней провизии и отправился в единственную лавочку, владелец которой согласился купить мои припасы за хорошую цену. Пока я продавал рис, к нашему разговору прислушивался человек преклонного возраста с острой редкой бородкой и лицом, задубевшим от сурового климата; он спросил меня, нет ли у меня еще чего-нибудь на продажу.

— Несколько пачек чая, — ответил я, указывая на пачки, лежащие перед торговцем.

— Почему вы их продаете? — спросил человек.

— Ваша цена будет моей.

— Шесть рупий.

Человек забрал чай и тут же расплатился со мной. Торговец посмотрел вслед ему и пробормотал:

— Это был гьялпо.

При таких обстоятельствах состоялась моя первая встреча с князем Заскара... Затем я отправился в монастырь, чьи побеленные известью дома расположились в рощице тополей и ив на склоне горы, вздымающейся над Падамом. Это был один из четырех монастырей секты красных шапок. После утомительной ходьбы по крутой тропинке я добрался до первых зданий. Оттуда мне открылась панорама ста двадцати домов Падама, затерянных среди громадных скал холма, на котором возведен город. Монастырские деревья показались мне настоящим лесом; их тень была невероятной роскошью для глаза и для сердца в этой пустынной стране, раскаленной добела полуденным солнцем. Журчание небольших оросительных каналов придавало местечку особое очарование. Трудно сказать почему — из-за многих недель,

проведенных в созерцании пустынных пейзажей, или из-за забытого шороха листвы, или из-за голода по зелени, но этот садик из ив и тополей, прилепившийся к склону горы и окруженный крохотными кумирнями монастыря, показался мне истинным раем.

Лежа на земле, я созерцал сквозь листву сверкающие вершины, которые вырисовывались на фоне ярко-голубого неба, и дал волю своим мыслям. Меня переполняла радость, и я, как обычно во время путешествий по Гималаям, задал себе извечный вопрос: «А почему бы не остаться здесь навсегда?» Я сознавал, что моя личность во многом сформировалась под влиянием Гималаев. Ведь я почти три года своей сознательной жизни бродил в полном одиночестве по гималайскому высокогорью. Однажды мне даже сказали во Франции, что во сне я разговариваю на тибетском языке. И я действительно мог думать и шутить на тибетском и быть в своей тарелке в обстоятельствах, которые смутили бы любого путешественника. Я много странствовал с самого детства, привык к смене обстановки, легко знакомился с встречными людьми. Жизнь в странах моего детства не имела ничего общего с тем, что любило мое «гималайское я». Долгие месяцы скитаний по Бутану, Мустангу, по стране шерпов и Ладакху, к которым теперь прибавилось и пребывание в Заскаре, складывались для меня в одну непрерывную нить существования, чуждую моей другой жизни на родине. И все же что-то тянуло меня туда, быть может, желание совершить новые путешествия и неистребимая потребность разделить мой гималайский опыт с другими и тем самым сделать его более полезным людям.

Меня уже грызло нетерпение поскорее пересечь Главный Гималайский хребет, пешком пройти по высокогорной тундре Центральной Азии и выйти к влажным тропическим районам Индии. Мне не терпелось увидеть провинцию Лунак, монастырь-крепость Бардун, возведенный на вершине скалы, и монастырь Пхуктал, лепившийся к отвесному склону горы. Лунак — обособленная провинция, куда даже заскарцы выбирают не часто.

— Долина очень глубока, — сказал Нордруп. — Там есть места, которые никогда не освещает солнце.

Лобсанг добавил:

— Тропа очень опасна. Мы рискуем погубить лошадей. Если же ее состояние ухудшилось, придется идти пешком, бросив лошадей по пути.

Люди, которых я спрашивал, высказывались еще категоричнее: «Настоящее сумасшествие идти этим путем. Возвращайтесь в Рингдом!», или «Никто теперь не покидает Заскар по этой тропе, ведь есть дорога до Рингдома», или «Прошедшие дожди свидетельствуют о том, что на перевале выпал снег».

Вернувшись в Падам, я пошел с Нордрупом к чиновнику, который в последний раз пытался переубедить меня. Но я держался стойко, и он, сдавшись, протянул пропуск, разрешавший Нордру-

пу и Лобсангу сопровождать меня до провинции Химачал-Прадеш.

На следующее утро я был на ногах с самой зарей. Нас ждало десятидневное путешествие — двести пятьдесят километров по самым диким горам в мире. Ночью появился Лобсанг с шестью лошадьми, и я отобрал лучших. Еще раз проверил припасы. Затем велел заменить некоторые части сбруи.

Когда все приготовления окончились, я нанес последний визит тасилдару. К моей великой радости, у него я столкнулся с Таши Намгьялом, князем Заскара. Сам не знаю почему, но я вбил себе в голову, что он соперник моего друга, князя Зангла, а потому может вызывать лишь антипатию. Но стоило нам перекинуться парой слов, как я изменил свое мнение. Князь, пришедший со своим внуком, объяснил мне, на каком основании он управляет Заскаром. Его прадед, Тестанг Намгьял, двоюродный брат князя Ладакха и выходец из княжеского рода Хенеску, был послан в Заскар, чтобы получить титул и владения князя Заскара, умершего в Джамму пленником Гулаба Сингха (говорят, его отравили) и не оставившего после себя преемников. Таким образом, он был законным наследником заскарского трона. Он получил титул в качестве отпрыска ладакхской ветви семьи, которая правила Заскаром с 1641 года до захвата его династией догра. Как в Ладакхе, так и в Зангла гьялпо Заскара пользовались большим уважением, хотя индийское правительство официально не признавало их в отличие от князей Зангла.

ДОЛИНА ДЕМОНОВ

Время шло уже к полудню, когда я наконец расстался с князем Падама и тасилдаром, чтобы отправиться в путь по узкой тропинке, огибавшей город и тянущейся над рекой. Большую часть дня нам предстояло идти вдоль отвесного склона гор, нырявшего прямо в реку Заскар. Мы могли сорваться с выступающих скал, и поэтому пришлось спуститься с них.

После трех часов непрерывной ходьбы я увидел на другом берегу сказочно красивую деревню Шила, чьи дома выглядели цитаделью добрых духов посреди ячменных полей, обсаженных по краям ивами.

Я очень устал и начал ощущать голод, как вдруг за поворотом возник совершенно необычный по внешнему облику монастырь Бардун. Природа вонзила в кипящие воды Заскара скальную башню с отвесными стенами высотой около ста метров. На вершине этой необычной природной башни был возведен монастырь, стены которого представляли собой как бы продолжение склона горы. От сооружения веяло какой-то зловещей мощью.

Лобсанг и Нордруп решили сделать привал метрах в ста от монастыря, считая, что лошади найдут себе корм около небольшого источника. Мои друзья принялись кипятить воду для чая, а я отправился в монастырь. Мне не сразу удалось отыскать на отроге горы вырубленную в скале «козью» тропку, которая спиралью поднималась к монастырским воротам. Врата от пропасти отделяла площадка шириной едва один метр. Любой незваный гость мог быть легко сброшен в реку.

Я едва не свалился, когда на меня неожиданно бросился громадный пес. Шаг назад, и я бы полетел в пропасть. К счастью, появился монах лет двадцати и обуздал разъяренную зверюгу. Он провел меня в залитый солнцем двор, стены которого защищали от ледяного ветра, гуляющего по долине. И потому, что от монастыря-крепости веяло холодной суровостью, солнечный дворик казался еще прелестнее. Вскоре к нам приблизился монах постарше, разговорившись с ним, я узнал, что он тоже бывал в Бутане. Мы с интересом обменялись воспоминаниями о крепостях и монастырях страны драконов.

Внутренность молитвенного зала Бардунского монастыря напоминала бутанские кумирни. По бокам алтаря торчали два слоновьих бивня, а в центре был изображен святой Тхубчен, основатель секты. Он сидел в позе лотоса, у него была густая борода, а на голове красовалась шапка в виде веера. Справа от алтаря, на стене, висело четыре великолепных мандала с изображениями золоченых божеств на фоне сплетения зеленых, синих и темно-

красных тонов. Монах пожаловался мне, что в 1947 году пакистанские захватчики вывезли все статуи из чистого золота, отделанные драгоценными камнями, которые раньше украшали алтарь. Из-за своего удобного стратегического положения монастырь подвергался частым осадам, его во все века грабили вражеские войска. По всей видимости, монастырь Бардун, стоящий на почти неприступной скале у тропы вдоль реки, всегда играл военную роль.

Осмотрев монашеские кельи, которые выходили на две галереи, замыкавшие с одной стороны монастырский двор, я вручил монаху небольшое пожертвование и покинул монастырь, чтобы разделить трапезу со своими спутниками. Спускаясь, обратил внимание на развалины укреплений, защищавших монастырь со стороны гор.

С чисто религиозным смирением я вскрыл одну из последних банок мясных консервов, привезенных из Европы. Эти шестнадцать банок были единственной роскошью, которую я позволил себе с момента отъезда из Сринагара. Ужаснувшись моему скромному завтраку, Лобсанг и Нордруп предложили присоединиться к ним. Они уже приготовили упоминавшееся мной тибетское «национальное» блюдо цзамбу — муку, замешанную на чае, скатанную в шарики и обмазанную растопленным сливочным маслом.

К половине третьего мы собрали пони и навьючили на них мешки. Я надеялся проделать добрую часть пути верхом, но вскоре понял, что тропа слишком узка и скалиста, чтобы гарцевать в полной безопасности. Берега реки Заскар в провинции Лунак обрывистые. Мы пока еще не встретили ни одной деревни на нашей стороне реки. На другом же берегу я видел хутор Пипча и ведущий к нему подвесной мост, а также крохотную деревеньку Тиине с ее ослепительно белыми домами. Время от времени мы преодолевали бурные притоки либо вброд, либо по висячим мостикам, готовым рухнуть в воду. Эти притоки, разбухшие после дождей, очень беспокоили Нордрупа.

— Яро мунди (нехорошо), — повторял он. — Столько воды, что некоторые речки нам вброд не перейти.

Я успокаивал сам себя, говоря, что реки более спокойны по утрам. Снег после восхода солнца тает очень медленно, и до полудня многие реки почти совсем безводны.

Тропа то ползла вверх, то спускалась вниз по склонам отрогов гор, чьи вершины иногда возникали у нас над головой. Лобсанг сказал, что зимой Лунак отрезан от остальной части Заскара завалами из камней и снега. Случается, что тропа находится под снегом до конца июня. Нам часто приходилось пробираться по проходу, проделанному в каменном завале. Случалось, мы проводили поочередно каждую лошадь по самому краю склона, и из-под их копыт в реку летели камни.

К вечеру тропа вывела нас к большой снежной плите, остатку лавины. Одна из лошадей потеряла равновесие и заскользила

по обледенелому склону. К счастью, метра через два ее падение остановил выступ скалы. Нордруп изо всех сил потянул пони за хвост, помогая ему подняться, а Лобсанг одним прыжком перескочил через заледеневшую глыбу, проверяя, могут ли пони перепрыгнуть через нее и не сломать ногу. Первый пони прыгнул без приключений, а второй приземлился неудачно и упал, пытаясь удержаться на ногах и оборвав ремни, удерживавшие поклажу. Третий и четвертый прыгнули тоже без приключений. Тропа пошла вниз к песчаному берегу, который лизала речная вода.

Заходящее солнце залило вершины золотом, а мы снова полезли вверх, темно-серебристая лента осталась внизу в глубоком ущелье. Несколько поворотов, и мы оказались на перевале, где я с удивлением увидел три белых чхортена. Выше них торчала дюжина зданий — монастырь Муне. С перевала, к югу, открывался вид на хаотичное нагромождение гор, обрамленных с обеих сторон теряющимися в бесконечности высоченными пиками. Только теперь до меня дошло, сколь безумен был мой замысел: чтобы выйти в Центральную Индию, следовало пересечь все эти горы.

С наступлением сумерек на перевале поднялся сильнейший ветер. Из-за своих лошадей Лобсанг и Нордруп решили остановиться на ночь здесь, под прикрытием чхортонов. Я разбил палатку у подножия одного из них. Но, несмотря на прикрытия, полотнище ее остервенело билось на ветру. Я достал фонарь и блокнот и, забравшись в палатку, записывал все увиденное. Снаружи доносились шутки и смех. Не теряя доброго расположения духа, Нордруп с Лобсангом подшучивали над навестившими нас монахами, посылая одного за водой, второго за сушняком, третьего за кизяком. Я попросил молоденького монаха сходить в монастырь за араком в обмен на несколько аптечных таблеток — у одного монаха нещадно болели зубы, другой мучился желудком, третьего доконала мигрень. Раздача медикаментов привлекла множество монахов из монастыря, откуда доносился приглушенный гром барабанов и перезвон колоколов.

День оказался долгим, и Падам давно стал воспоминанием. Сидя в темноте, я лениво ковырял вилкой в кастрюле со слипшимся рисом. Я слишком устал, чтобы ощущать голод, а арак, как и рис, оказался отвратительным. С тоской вспоминал о талантах Калаи, моего непальского повара, который превратил мои походы в подлинные гастрономические турне. С этой точки зрения, Заскар был настоящим провалом. К счастью, Лобсанг и Нордруп своими шутками разгоняли дурное настроение, навеянное едой.

Когда с первыми лучами солнца я вылез из палатки, стоял пронизывающий холод. Пока Лобсанг искал ушедших в горы лошадей, я наблюдал, как солнце потихоньку высвечивало невероятный пейзаж — словно по гигантской сцене бежал широкий луч прожектора. Как только он коснулся белых зданий монастыря, по долине разнеслось жалобное эхо: тягучие всхлипыва-

ния духового инструмента — тибетской трубы пронесли над долиной, как необычный стон гор.

Я с интересом осмотрел монастырь. Его две кумирни-близнеца были вписаны в большое здание, что указывало на очень древнее происхождение. Два монаха красили окна с внешней стороны. Я надеялся, что они не тронут весьма поврежденные, но чудесные фрески кумирен. Объясняя, что монастырь Муне принадлежит секте гелука, старый монах привел меня внутрь, где я едва сумел отвертеться от соленого чая.

После Муне тропа пошла над карнизом, где ютились дома крохотной деревни. Ячменные поля орошались из нескольких небольших водоемов, где за ночь собиралось достаточное количество воды. Через несколько километров мы прошли перевал, за которым, к моему удивлению, расстилалась равнина. Ее перерезал поток, несущийся с гор справа и впадавший в реку Заскар. На краю равнины, буквально прислонившись к скалистому отрогу, лежала деревня Рару. Наша тропа обогнула деревню и прошла под развалинами крепости. Отсюда уходила тропка на юго-запад в направлении перевала Поат, лежащего на высоте пяти тысяч семисот метров над уровнем моря и ведущего в ущелье реки Чинаб.

Из-за изолированного положения провинция Лунак была относительно независимой. В провинции жило несколько лумпо (знатных семейств), которые решали местные дела без консультации с князем Падама. Одно из таких знатных семейств, Тетха, владело знаменитыми «Заскарскими хрониками», о которых я уже не раз упоминал. Это была копия части манускрипта-оригинала, хранившегося в монастыре Пхуктал. Я хотел посетить указанный монастырь в надежде отыскать рукопись. К сожалению, мне это не удалось, поскольку лумпо Тетха отсутствовал — он в это время наблюдал за строительством дороги через Пенси-Ла.

После Рару тропа пошла вверх по обрыву, нависшему над Заскаром. Мы осторожно карабкались по горной тропе, повороты которой были столь круты, что морды пони часто нависали над пропастью. Иногда мы их придерживали за хвосты, чтобы они не теряли равновесия. Далеко внизу я различил хрупкий мост, переброшенный через ущелье, и порадовался, что не надо идти по нему.

Тропа была столь опасной, что меня охватило сомнение в разумности нашего плана. Сесть на пони было совершенно невозможно, и Нордруп с необычной робостью осведомился, нельзя ли бросить лошадей и часть снаряжения здесь. Я шутливо возразил, что эта тропа — детская забава по сравнению с бутанскими тропами, но позднее, когда нам пришлось пересекать несколько почти вертикальных завалов, понял, что бессовестно солгал. Каждый шаг вызывал лавину. Чтобы не скатиться вниз по склону, я бегом пересекал самые опасные места. Лошадей мы переводили поочередно одну за другой. Лобсанг держал их за уздечку, а Нордруп — за хвост. Они скакали по склону в облаке пыли и

падающих камней. Остановиться или споткнуться означало соскользнуть вниз и найти трагический конец в водах реки. Именно здесь, по словам Нордрупа, недавно погибла лошадь.

Несколько километров тропа с трудом цеплялась за горный откос. Но я успел полюбоваться деревней Итчар по ту сторону реки. Ее дома, словно соты, висели на скале у подножия большого горного пика. В Итчаре, как и в Карше, по словам Лобсанга, имелся древний чхортен, возведенный в XII веке Ринченом Дзампо. Вскоре мы вышли к подвесному мосту, который вел к деревне. Из-за усталости и отсутствия времени мы не стали переходить по мосту и ограничились осмотром деревни издали.

В полдень сделали привал на склоне и перекусили, не сходя с тропы, а наши бедные лошади ползали, словно мухи, по откосу, поедая цветы и траву, растущие близ источника. Вокруг росло несколько видов кустарника и даже тутовое деревце. На некоторых кустах висели съедобные оранжевые ягоды, кисловатые на вкус и размером с нашу смородину. Из ветвей этого кустарника плетут тросы для подвесных мостов.

Во время завтрака нас потревожил караван ослов, которых вели мальчуган и живописный старик, во время разговора с нами не спускавший с меня удивленного взгляда. Мы спросили его, не пересекал ли он Шинго-Ла, старик ответил, что живет в деревне, расположенной под самым перевалом, и добавил, что в последнее время там никто не ходил и что лучше идти в район Рипчу через перевал Пхилтсе, а затем в Лахуль через перевал Баралапча. Нордруп, похоже, соглашался с ним, но у нас не было разрешения идти через перевал Баралапча, считающийся стратегической зоной. В конце концов я сказал: «Посмотрим», поскольку Нордрупу и Лобсангу явно не хотелось идти через Шинго-Ла.

Но я неверно оценил их характер: не было более динамичных, закаленных и смелых людей, чем два моих молодых друга. От зари до сумерек они шутили и смеялись, бежали рядом с лошадьми, покрикивали на них, хватали за узду или за хвост, помогая влезть на склон или удерживая их в опасных местах. Отвага соответствовала их неисчерпаемой энергии.

Живя рядом с ними, я начинал понимать, насколько и для тела, и для духа полезна активная жизнь, которая постоянно требует значительных усилий. Чем больше Лобсанг и Нордруп потели и трудились в горах, тем более крепили их воля и энергия. Я ни разу не слышал, чтобы они пожаловались, что надо лезть по крутому склону или гоняться за удравшим в горы пони. Они ежесекундно были готовы к действию, и я часто стыдился собственной неловкости и слабости, когда часами с трудом переставлял ноги, мечтая лишь о том, чтобы карабкание по горам скорее прекратилось.

А ведь я набрал хорошую физическую форму и уже давно акклиматизировался; правда, косвенные воздействия высокогорья я ощущал — каждый километр на высоте четырех тысяч метров казался мне вдвое длиннее. С момента ухода из Падама

мы шли по горам, взбираясь на высоту до четырех тысяч трехсот метров, когда передвигались по вершине откоса — краю ущелья, на дне которого ревела бурная река.

После Рару, из которой ушли на восходе, мы не пересекли ни одной деревушки, хотя видели три поселения на другой стороне ущелья — все они ютились на карнизах. К вечеру вышли в район белых скал — эрозия превратила их в башни причудливых замков. Подавленные громадой скал, мы походили на муравьев, ползущих по стенкам громадного муравейника.

После нескольких крутых подъемов наша группа выбралась на небольшое плато, где на обнаженной земле четкими зелеными пятнами выделялись ячменные поля вокруг двух домов. По ту сторону реки высилось большое одинокое здание, похожее на замок и окруженное террасированными полями, которые освещали лучи заходящего солнца.

В конце долины мы различали зеленые поля деревни Сурле — они отчетливо выделялись на фоне скал. Хотя мы были по соседству с деревней, Нордруп и Лобсанг решили остановиться не доходя до нее, поскольку нашли зеленый лужок для лошадей, которые не ели почти весь день. Вообще когда путешествуешь по Гималаям на лошади, летом в деревнях останавливаться нельзя, поскольку поля не обнесены изгородями и животные могут нанести ущерб посевам.

Я разбил палатку в небольшом углублении, немного защищенном от ветра, а Нордруп, набрав веточек, тщетно пытался развести костер. В конце концов мы подогрели еду на моей керосинке. Вначале я выпил чашку какао, разбавленного водой (остаток какао едва прикрывал донышко банки). Затем съел тарелку риса с прогорклым маслом, исходя из жесткого рациона, который разработал для себя, и добавил в него одну из оставшихся четырех небольших баночек мясных консервов. На десерт — масло какао с кусочком испеченного мной хлеба. Хлеба мне хватало на несколько дней, поскольку ни у Нордрупа, ни у Лобсанга не хватало смелости его есть. Однако я гордился своим хлебом. Он напоминал круглый деревенский, даже имея привкус плесени. Я пек хлеб без духовки, когда было достаточно топлива, что в Заскаре бывает не часто. Для этого клал четыре небольших камня в большую кастрюлю, а уже в нее ставил кастрюльку с тестом. Плотно накрыв обе кастрюли, я ставил их на огонь, а на крышку укладывал горячие угли.

...В эту ночь мне снился громадный стол, уставленный яствами — мясом с хрустящей корочкой, деликатесами на громадных серебряных блюдах, но стоило открыть глаза, все это таяло, а в животе по-прежнему урчало от голода...

За час до зари я на пустой желудок пустился в путь с Нордрупом. Меня ждал монастырь Пхуктал, лежащий километрах в пятнадцати в стороне от нашей тропы.

С первыми проблесками солнца мы прошли деревню Сурле. Затем тропинка начала круто спускаться к реке, где притаился

еще один подвесной мост. Я заранее переживал, что надо идти по нему, и паниковал, будто шел на прием к дантисту, а это портило все удовольствие от скорой встречи с самым сказочным монастырем Заскара. Еще были свежи воспоминания о мосте у Падама и в Зангла. Вообще я не очень труслив по натуре, но сейчас мои страхи умножились от голода и холода.

Солнце едва окрасило вершины гор, когда мы вышли к мосту. Я спросил у Нордрупа, не боится ли он.

— Нет, к этому быстро привыкаешь,— с улыбкой ответил он.— Несчастные случаи бывают редко. Последний был лет пятнадцать назад. Обрушился мост Зангла, и два человека утонули.

Меня очень беспокоили веревки, на которых висел мост. Они выглядели очень древними. Их следовало менять каждые два года... Может быть, местные жители забыли это сделать?

— Идите, держась как можно ближе ко мне,— посоветовал Нордруп,— мост будет меньше качаться.

Я робко ступил на скрипящие веревки, боясь, что из-за пустого желудка у меня начнется головокружение.

Вода под ногами кипела в холодном свете зари, из-за быстрого течения казалось, что мост куда-то несется. Чтобы не смотреть вниз, я уставился на пятки Нордрупа. Легкое сотрясение моста отзывалось во мне сильнейшей дрожью. Я машинально считал шаги. Наконец ступил на твердую землю. И сразу страха как не бывало, я даже расхохотался, радуясь, что последний висячий мост остался позади. Из монастыря мы отправимся уже по другой дороге, через «мост для лошадей» солидной конструкции из дерева. Я полагал, что уже исчерпал все заскарские «преlestи», не зная еще тогда, что впереди нас ждут новые испытания.

Отдохнув, мы решительно полезли вверх по крутой тропе к деревне Чар, десятку полуразвалившихся домов, торчащих среди ячменных полей на широком горном карнизе над рекой. До первых хижин добрались в ледяном полумраке рассвета и с удовольствием приняли приглашение какого-то мальчугана отпить чаю у него в доме.

Я согнулся вдвое, карабкаясь в темноте по ступенькам, и оказался в комнате, застеленной ковром. В углу стояло несколько фигурок старинных божков из обожженной глины. Мальчик сказал, что они предназначены для молельни, которую собирался строить его отец.

В ожидании чая я расхаживал по комнате. Через приотворенную дверь увидел старуху, которая длинной палкой мешала варено в громадном медном казане, подвешенном над яростным огнем. Старуха готовила чанг для какой-то религиозной церемонии. Из-за беззубого рта в багровых отблесках пламени она походила на колдунью в момент варки волшебного зелья.

Вскоре появился мальчик с соленым чаем и горстью стручков

зеленого горошка, которые мы быстро очистили и съели. Зеленый горошек с чаем — странный, но очень полезный завтрак.

Поскольку нас ждал долгий путь и множество дел до встречи с Лобсангом, мы поблагодарили мальчика за гостеприимство и поспешили откланяться. Я несколько поторопился и... вскрикнув от боли, схватился руками за голову. Я уже, наверное, в десятый раз расшибал череп, ударяясь о низкие балки здешних строений, но этот дом был каменным, и поэтому удар оказался очень болезненным — посыпались даже искры из глаз. Нордруп жалел меня, но ничем не мог облегчить моих страданий. Я неверным шагом шел за ним, задыхаясь от нехватки кислорода и потирая голову.

Боль потихоньку отступила, а к тому же начало греть солнце — день обещал выдаться чудесным. В глубине долины синемолочный Заскар сливался с серыми водами своего главного притока. Оба потока разноцветными лентами тянулись среди лунного пейзажа в окружении гор. Сколь же прекрасна здешняя природа! Словно орлы, угнездившиеся на узеньком карнизе, мы любовались этой красотой. Нордруп, взволнованный не меньше меня, воскликнул: «Как я счастлив!» Счастье, радость и красота — синонимы в гималайском мире, где знают, что без умения ценить прекрасное человек не может быть счастлив.

Тропа, выбитая в красной породе, несомненно богатой железом, продолжала идти вверх по обрыву. Мы добирались до монастыря целых два часа, с трудом продираясь сквозь каменные завалы и спотыкаясь о булыжники, которые срывались в ущелье... Я молил небо спасти меня от падения вслед за ними.

Было всего девять часов утра, но лучи солнца стали уже жгучими, поэтому я с облегчением вздохнул, когда заметил ручей, пересекавший тропу. Утолив жажду, мы с наслаждением окунули головы в ледяную воду. На солнце и в сухом воздухе волосы высохли за несколько минут. Затем я решил постирать носки — это следовало сделать давным-давно. Но носки не желали сохнуть, поэтому ботинки пришлось надеть на босу ногу.

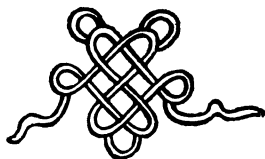
В столь странном облачении я и попал в монастырь Пхуктал. Подход к монастырю обозначен двенадцатью чхортенами, возведенными на изъеденном эрозией почти отвесном склоне, который поднимается на двести семьдесят метров над рекой Заскар. А посредине склона висит самый удивительный из виденных мной монастырей — каскад белых строений, либо приклеившихся к откосу, либо выступающих наружу из гигантской темной пещеры. Эта пещера и дала название монастырю, поскольку пхук означает «грот». Чтобы войти в монастырь, следовало подняться по вертикальной стене, к которой крепилось несколько лестниц.

Пока мы карабкались к этому «осоному гнезду», я слышал громкую религиозную музыку — это играли монахи. Мы пришли в Пхуктал в период, когда все монахи готовились к чтению ста восьми священных томов «Ганджура». Они сидели на террасе одной из кумирен прямо над пропастью. Своды пещеры были

метрах в двадцати над их головами. Монахи заметили нашу группу. Один из них по лестницам вывел нас на террасу. Нашу группу обступило человек тридцать монахов, каждый из которых держал листки священного писания, от чтения которого мы их оторвали. Они с удивлением разглядывали меня, и я чувствовал себя неловко из-за голых ног и засаленной одежды.

Нордруп быстро объяснил им, что я — «ученый, исходивший Гималаи вдоль и поперек», Робко согласившись с этим комплиментом, я сказал, что потрясен красотой их монастыря, а сам торопливо пытался спрятать мокрые носки, которые, как назло, не хотели лезть в карман.

На памяти монахов я был пятым европейцем, посетившим Пхуктал.

ПЕЩЕРА ПХУКТАЛ

Дюжина монахов в красных одеяниях повела нас в глубь пещеры к небольшой лестнице, оканчивающейся у священного источника. В темноте я едва различал свод пещеры, который завершался большой аркой у края пропасти. Пропорции этой природной пещеры столь совершенны, что она кажется делом рук человека. Сверху доносились пронзительные крики летучих мышей и воркование птиц. Перед входом летала пара галок с черным оперением и желтыми клювами. В глубине пещеры пряталось несколько маленьких зданий, похожих на склады. Раньше здесь, наверное, размещались кельи монахов, а теперь их приспособили для хозяйственных нужд. Запасы дров были сложены у источника. В передней части пещеры находились большой молитвенный зал и трехэтажная кумирня, а затем до самого края пропасти расстилалась терраса. Она была как бы сердцем монастыря.

Меж двух зданий высился четырехметровый древний чхортен, на который наложили столько слоев краски, что он стал походить на природный сталагмит, из которого, наверное, и появился. Такие чхортены, «изваянные рукой бога», то есть сталагмиты, в Гималаях встречаются очень часто.

Запах плесени и крики птиц создавали в гроте странную атмосферу. Монахи уселись в позе лотоса на краю пропасти и возобновили чтение священных изречений.

Я не решался завести разговор с монахами о древних документах, ради которых явился, и попросил встречи с настоятелем. Меня представили его заместителю, старому угрюмому монаху с резкими манерами. Нордруп посоветовал мне вначале не упоминать о манускриптах. «Всему свое время», — сказал он и добавил, что куда важнее поесть. Зная зверский аппетит Нордрупа, я поплелся вслед за ним на кухню.

Она была высечена в скале на том же уровне, что и терраса. Низко пригнувшись (череп у меня еще ныл), я проник в закопченное «логово» волшебника — круглую пещеру с большим отверстием в своде, через которое лениво утекали клубы дыма, освещенные солнечными лучами. Справа громоздилось нечто вроде сложенной из камня печи высотой один метр и шириной шесть метров. На ней стояли сосуды самых разных размеров, начиная с крохотных разукрашенных чайничков до огромных котлов, где можно было запросто сварить пару человек.

Громадный багроволицый монах усадил нас в углу прямо на землю и поставил перед нами невысокий столик. Сидя так низко, я мог рассмотреть всю кухню, поскольку не мешал дым.

Полдюжины монахов занимались самыми различными делами. В противоположном углу один из них ковырялся пальцами в огромных кусках масла и извлекал из них шерсть яков! Другой стоял перед огнем и бросал в него охапки веток, которые взрывались оранжевым пламенем. Человек, усадивший нас в углу, был шеф-поваром, одним из влиятельнейших лиц в монастыре. Он уселся рядом с нами и принялся расспрашивать, откуда я, попутно подшучивая над моим обликом и одеянием. Он мне напомнил шеф-повара большого монастыря Хемис в Ладакхе, с которым я провел два дождливых дня; властвуя у своей столь же огромной плиты, он подгонял десятка два поварят и, не скупясь, наносил удары огромным медным черпаком по их бритым головам. Кухни монастырей — это места, где языки развязываются с легкостью. Приготовление чая в Пхуктале начиналось с того, что в котле кипятили воду с чайными листьями, затем черпаком разливали навар по чашкам. После этого в огромный цилиндрический шприц накладывали масло и с помощью поршня мешали его с чаем, добавляя тут же соль. Один из монахов с усердием орудовал деревянным поршнем, чтобы хорошо перемешать ингредиенты. Затем чай (а вернее, суп) сливался в огромный чан, чтобы он оставался горячим до прихода монахов. Заскарцы, как и все тибетцы, могут выпить до пятидесяти чашек чая с маслом за день, а поскольку в Пхуктале живет сорок пять монахов, можно себе представить, сколько напитка заваривают каждые сутки. Кроме того, чай служит не только для питья, с его помощью замачивают цзамбу. Если судить по крепкому здоровью монахов, масло, соль, ячмень в зернах, вода и танин чая являются великолепными питательными продуктами.

После еды мы выбрались из задымленного ада на край пропасти, где я, заглянув в пустоту, едва не расстался с завтраком. Интересно, сколько монахов за долгие века упало в реку Заскар, поскольку перил не существовало и в помине.

Я попытался изложить цель моего визита наиболее эрудированным, на мой взгляд, монахам. Спросив их, есть ли в монастыре древние рукописи или хотя бы записи о сборе налогов, я увидел лишь замкнутые лица, на которых читалось скорее недоверие, чем неведение.

Было ясно, что мой прямой подход к делу насторожил их. Ведь большинство монахов впервые видели иностранца, и, конечно, было неуместно просить их показать старые книги — священное наследие и тайну монастыря! Все буддийские книги вне зависимости от их содержания считаются святыми, и поэтому их укладывают в кумирнях выше статуи. Перед чтением монахи благоговейно прикладывают их ко лбу — этот жест равнозначен благословию. Все, что относится к истории, здесь считается «совершенно секретным». А тут вдруг появляется язычник со странными повадками, с голыми волосатыми ногами и мокрыми носками, торчащими из карманов. В глазах благочестивых и ученых монахов я выглядел бродягой. Кроме всего прочего, у меня

были «желтые» глаза (так называют в Гималаях светлые глаза) и красный нос — явление совершенно необычное в Заскаре. Триста километров пыльных троп, которые остались позади, не могли придать мне и моей одежде идеального облика человека, которому пхуктальский монах тут же вручит сокровища монастырской библиотеки. Настоятель был в отъезде, а для его заместителя я был неизвестно откуда взявшимся чужеземцем.

— Нет,— сказал он,— у нас нет книг, о которых вы говорите.

Обведя взглядом лица окружавших меня монахов, я понял, что настаивать бессмысленно. И даже Нордруп, который был и упрямее и хитрее меня, поостерегся присоединиться к моим требованиям. Он лишь скромно спросил, можно ли посмотреть статуи в кумирнях монастыря. Монахи с радостью согласились. Они очень гордились своими статуями и священными фресками, которые, по их мнению, обладали различными чудесными свойствами. Нас ввели в большой зал, где сидящие в два ряда монахи жевали цзамбу в паузах между чтением стихов «Ганджура». Наше появление вызвало некоторое оживление.

Я с любопытством осмотрел статуи алтаря и фрески. Некоторые из них были, по-видимому, не очень древними, больше всего меня заинтересовали тщательно отделанные и явно старинные скульптуры животных, размещенные позади сидящего Будды. Этот ансамбль напомнил мне древнюю кумирню Лумпо в Карше и святилища Алчи в Ладакхе. Я сделал несколько фотографий и перешел в кумирню под аркой грота. Первый этаж был заполнен массой вещей — статуэтками, масками, книгами. Там же стоял макет мифического дворца, описанного в ламаистских книгах, и громоздились старые барабаны с изогнутыми палочками и суровые божества на лошадях, львах и ослах, окруженные пламенем свечей. Все эти вещицы были изготовлены из обожженной глины и раскрашены в яркие синие, желтые и зеленые цвета.

В кухне мне поведали историю происхождения монастыря. Нашли эту пещеру три индийских мудреца; когда они там поселились, появился лама Чансен Черап Зампо, который предложил заложить здесь монастырь. Они ответили, что пещера слишком мала, и тогда лама совершил чудо: стены грота раздвинулись, и он принял свой нынешний облик.

По другой версии, монастырь основал Ричен Зампо. Этот лама способствовал обновлению буддийской религии в Гугэ и ее распространению на Западном Тибете в XII веке. Факт основания им Пхуктала тем более вероятен, что он заложил и другой монастырь, в Рипчу, в верхнем течении реки Заскар. Я склонен думать, что громадная пещера была святым местом еще в глубокой древности, хотя здесь нет скульптур доламаистского периода. Но я видел чудесные фрески очень древнего происхождения в боковой кумирне, немного в стороне от пещеры. Они напомнили мне сходные фрески XII века, которые видел в монастыре Алчи. Их, вероятно, можно отнести к наиболее древним в гималайском мире. Я детально осмотрел рисунки и сделал фотоснимки, пони-

мая, что для серьезного изучения Пхуктала или любого другого крупного монастыря нужно несколько недель, если не месяцев.

В кумирне с древними фресками молодой монах отвел меня в сторону и попросил перевести надпись. Это была надпись по-английски на плите из местного темного камня:

Керешн Цчома жил здесь в 1825—1826 годах.
Пионер тибетских исследований.

Этот камень был идентичен тому, что фигурировал на фотографии Эрвина Бапти, которую мне показал князь Зангла. Керешн действительно провел часть зимы в Пхуктале, а затем жил в деревне Тетха. Можно только сожалеть, сколь мало сведений о своей деятельности и о тех местах Заскара, где он побывал, оставил этот молодой венгр.

Тот факт, что я говорил по-тибетски и проявлял несомненный интерес к монастырским божествам и постройкам, восстановил доверие монахов к моей персоне. Это можно было заключить из того, что после короткой речи Нордрупа в мою защиту они сообщили, что отыскивали старые бумаги в подвале одной из кумирен. С бьющимся от волнения сердцем я разглядывал под сводом пещеры большие рукописные листы, которые монахи передавали друг другу. Хотелось верить, что в них записаны интересные сведения об истории монастыря. К сожалению, большинство листов обгрызли крысы. Я попросил Нордрупа быстро просмотреть их, чтобы узнать содержание. То были сведения о владениях, списки пожертвований, но нужного мне документа, а также генеалогии князей не было. Мы знакомились с документами около часа, понимая, что нам все равно не хватит времени. «Чтобы иметь шанс отыскать нужное вам, здесь надо пробыть с неделю!» — сказал Нордруп. Он был прав. Мы не могли оставаться долее, во-первых, из-за дополнительных расходов (я платил за лошадей посуточно), а также из-за того, что истекал срок моей визы на пребывание в Индии.

Будучи в полной уверенности, что в монастыре Пхуктал можно найти разгадки тайн, окружающих историю Заскара, я расстался с монахами, вручив им несколько рупий. Спустившись по подвесным и вырубленным в скале лестницам, мы оказались у подножия обрыва. Я бросил прощальный взгляд на кельи, прилепившиеся к скалам, как ласточкины гнезда вокруг черного провала пещеры, откуда уже долгие века доносились зычные голоса молящихся монахов. Если и есть в мире место, предназначенное самой природой для возвышения духа, это, несомненно, Пхуктал!

Но моя радость тут же померкла, стоило мне увидеть еще один подвесной мост, не менее опасный, чем прочие! Я с удовольствием обошелся бы без этого неприятного сюрприза. К счастью,

мост был коротким, и, перейдя его, я согласился с Нордрупом, что все дело в привычке, а в глубине души надеялся, что этот мост последний. Но страхи мои не кончились, нас ждал еще опаснейший перевал.

Будучи в Европе несправимым лежебокой, я во время своих странствий удивляюсь, как много можно сделать в один день, вставая в пять часов утра. Мы проделали долгий путь до монастыря, пробыли в нем четыре часа, изучая манускрипты и строения, а часы показывали всего два часа пополудни. У нас впереди была масса времени до встречи с Лобсангом на пастбище, где он поджидал нас.

Теперь мы шли по берегу реки среди голых раскаленных скал. Примерно через каждый километр попадалась молитвенная стена с именем того, кто ее возвел.

К четырем часам дня меня, как и Нордрупа, начал терзать голод. Но уже был близок первый из домов, которые мы разглядывали утром с вершины обрыва. Нордруп обнаружил поле созревшего зеленого горошка. Я уселся отдохнуть, а мой спутник нарвал немного стручков. «Такой обычай,— сообщил мне Нордруп, разламывая стручки.— Никто не жалуется, что его обворовали». Меня все же мучили сомнения, и я почувствовал себя виноватым, когда увидел женщину, направлявшуюся к нам с явным намерением узнать, что происходит на ее поле. Нордруп, не теряя присутствия духа и даже не прожевав горошек, поднялся ей навстречу и принялся расхваливать ее чудесное хозяйство, не дав выразить протест. Его наглость так потрясла меня, что я набрался смелости и спросил, нет ли у нее на продажу арака и чанга. Да, сказала женщина, она нам продаст арак, если мы последуем за ней. Женщина провела нас в комнату, где два полуодетых ребенка играли с козой. Вокруг низкого столика громоздились подушки, накрытые ковром.

Мы воссели на почетные места, отведали арак и, не смущаясь, налегли на свежайший зеленый горошек. Арак был превосходен, и мы отдали напиток должное. Мы прошли по горам тридцать километров, а оставалось всего только пять или шесть. Но у нас не было сосуда, чтобы унести купленный арак. Женщина тоже не смогла выручить нас — пустой посуды не было. Напрашивалось единственное решение — выпить все на месте... Дом мы покинули в приподнятом настроении.

По пути миновали второе большое здание, наверняка когда-то укрепленный передовой пост у притока Заскара, чьи синие воды неслись навстречу мутным водам второстепенного притока, текущего со стороны Кургиякха. Его-то мы и перешли по нашему первому мосту «для лошадей» элегантной конструкции с настилом и балюстрадой.

На другом берегу началось долгое и трудное восхождение по нависшей над пропастью тропинке. Пары арака быстро рассеивались. Неожиданное происшествие на время отвлекло нас. Нам навстречу шел в стельку пьяный крепыш лет тридцати. Его ноги

подкашивались, он шатался на каждом шагу, останавливался на краю пропасти лицом к ней, чудом отступал назад на пятках, и все начиналось снова. Он замер перед нами, чтобы поболтать, произнес несколько фраз и тут же потерял нить разговора, пожелал нам доброго пути и продолжил свой неверный путь к неизменяемой смерти.

— Нам следовало остановить его,— сказал я Нордрупу.— Он ведь свалится в реку и...

— Знаю,— спокойно ответил Нордруп.— Но что мы можем сделать? Не будем же мы его нести на руках!

Я подумал, что в Гималаях ходить в состоянии крайнего опьянения столь же опасно, как и править автомобилем «под парами» в Европе. Полный сострадания к набравшемуся весельчаку, я помолился за него провидению.

Стояла почти непроницаемая тьма, когда мы подошли к хутору из трех больших домов, где условились встретиться с Лобсангом. Раздался лай крупных псов. Это был пастуший хутор, расположенный на очень пологом склоне, усеянном яркими цветами и низкорослым кустарником. Для этого края пастбище было отличным.

Владелец «нашего» дома был высокий молодой человек с тонкими чертами лица. Он представил нам свою жену, женщину редкостной красоты. Три их ребенка, облаченные в одежды из мохнатых бараньих шкур, не желали прерывать своих игр и отправляться спать. Мать наконец уложила их на ковер рядом с очагом, где лениво горел кизяк. Лобсанг расстелил свой спальный мешок в углу той же комнаты. Я проглотил горсть риса и заснул мертвым сном.

На заре уже был на ногах. Умывшись в оросительном канале, я помог своим спутникам навьючить лошадей. Делал все автоматически, ибо настолько свыкся с новой жизнью, что напрочь забыл о своем европейском житье-бытье. Конец путешествия перестал меня беспокоить; у каждого дня были свои проблемы.

Мы вступили в долину Кургиякх, которая входила в провинцию Лунак. Управляло ею семейство Тетха, обладатель «Заскарских хроник». Эта долина длиной семьдесят километров вела к высотам перевала Шинго-Ла.

Через два часа мы добрались до первых ячменных полей деревни Тетха, где сорок домов образуют три хутора. Крупное здание на отшибе, окруженное скрюченными ивами, было резиденцией лумпо, местного аристократа.

Дома, построенные в основном из камня, были меньше и ниже домов других районов Заскара. Они казались более примитивными, но я не мог понять, откуда у меня возникает такое ощущение. Поговорив с несколькими жителями деревни, мы по тропе вернулись к реке и перешли на левый берег. Мрачная аридная долина постепенно расширялась. Мы находились на высоте че-

тырех тысяч трехсот метров, на границе человеческих поселений. Деревни Тетха и Транзе, где мы останавливались, чтобы отдохнуть, относятся к одним из самых высокогорных поселений в мире. Пока Нордруп с Лобсангом пасли лошадей и пытались разжечь костер из кизяка, я осмотрел дома Транзе, разбросанные по дну долины у подножия беленного известью монастыря.

Вскоре стало ясно, почему дома так низки: они были наполовину закопаны в землю! Только забравшись под землю, люди могли жить в относительном тепле на высоте четырех тысяч трехсот метров над уровнем моря.

Избежав шумных атак громадных псов, я разыскал привратника монастыря. Крохотный человечек в лохмотьях, хромая, привел меня к алтарю, где находилась самая большая масляная лампа из виденных мной. Диаметр в полметра, она имела высоту один метр двадцать сантиметров. Эта чудовищная по размерам лампа из чеканной меди принесла монастырю широкую известность.

Когда спускались в долину, небо снова заволочли тяжелые тучи. Мы вступали в продуваемый ветрами безлюдный край на границе безмолвных ледников. На этой высоте деревья не растут даже при искусственном орошении. Здесь не произрастает ничего, кроме ячменя, но и ему для развития едва хватает ультрафиолетового излучения. Урожай следует собирать, пока не начнутся первые снегопады сентября, то есть до созревания зерен. Сейчас стояла середина июля, а мне казалось, что лето уже на исходе. Здесь, по словам Нордрупа и Лобсанга, заморозки бывают в течение всего года. Для них, заскарцев, обитатели Луака были примитивными горцами, предметом шуток остальных заскарцев, которые сравнивали этих наивных простаков с хитрецами из Падама или утонченными жителями центральных теплых провинций. Разве мы можем понять в Европе, что в Заскаре живет общество столь же сложное, как и наше, со своей аристократией, со своей элитой, своими центрами обучения, своими элегантными деревнями и неблагоприятными для жизни районами вроде долины Кургиякх, где обитает самая высокогорная в Азии сельская община?

Пока мы направлялись к еще одной деревне, Ралта, Лобсанг сообщил, что в русле реки, которую мы переходили вброд, имеется месторождение медной руды. Из-за религиозных верований добыча полезных ископаемых из недр земли считалась у буддистов святотатством. В Заскаре текут золотоносные реки, но местное население никогда не занималось эксплуатацией этих богатств. Обработка металла считается грехом, и ею занимаются только гара (местные кузнецы), к которым относятся как к гражданам второго сорта. Им разрешают за относительно низкий налог, выплачиваемый местным властям, добывать золото. Заскарцам и остальным гималайским буддистам чужда кастовая система. Однако мусульмане-дровосеки и кузнецы приравняются к чужестранцам, как, впрочем, и музыканты. У них ограничен-

ные права, а их дети могут вступать в брак лишь в рамках своей социальной группы.

У самой деревни Ралта, недалеко от брода через медноносную реку, мы наткнулись на странную круглую постройку, похожую на усеченную башню.

— Это волчья ловушка,— разъяснил Лобсанг, показывая на внутреннюю стену, которая расширялась книзу, и на земляную насыпь снаружи.— Зимой,— продолжал Лобсанг,— на дно бросают тушу козы или лошади; запах привлекает волков, они избегают по насыпи, прыгают вниз, а выбраться оттуда уже не могут из-за наклонной стены. Волки ходят стаями, и в ловушку попадают сразу несколько зверей. Их вой привлекает внимание жителей деревни, и те их приканчивают камнями.

Волки в этом районе принадлежат к белой или серой гималайской разновидности, изредка в горах на севере Заскара встречаются черные волки. Лобсанг сказал, что ловушки устроены почти у каждой деревни. Волки — подлинный бич Заскара, худшие враги крестьян, на чьи стада они нападают. Я подумал, что не так давно они свирепствовали и в Европе. Даже в фольклоре отражен атавистический страх человека перед хищником. В Заскаре волки напоминают человеку, что они делят с ним одну и ту же экологическую нишу: это противник, с которым надо бороться, чтобы выжить.

Пройдя мимо покинутого людьми хутора Рале, мы вышли на пастбище, посреди которого торчало некое подобие каменного трона. Вначале я решил, что это и есть трон для отдыха и медитаций святых лам, но заметил, что на сиденье выложены кучки белых камней. Нордруп объяснил, что это алтарь, а белые камешки являются жертвоприношениями богу обрыва, у подножия которого его возвели. Позже мне часто доводилось видеть подобные алтари, окруженные кучами огромных булыжников и покрытые белыми камешками. Это были капища, возведенные в честь таинственных божеств дотибетской религии, согласно поверью живущих в воде, на скалах, в земле.

Ближе к полудню лучам солнца удалось пробиться сквозь тучи, осветив и согрев зеленую траву, которая устилала дно долины. Ревущий водный поток, вдоль которого мы шли, превратился в ручей, мирно журчащий среди травы. Вскоре долина раздвоилась. Оставив справа две одинокие деревни, мы двинулись по левому ответвлению и проникли в широкую долину, в центре которой уже различались белые дома Кургиякха, последней и самой высокогорной деревни Заскара. К сожалению, у меня не было точных инструментов, чтобы измерить высоту, которую я оценил в четыре тысячи четыреста метров над уровнем моря. В верхней части долины, за Кургиякхом, вздымалась невероятная гранитная громада в форме обелиска; гора походила на форштевень чудовищного корабля, несущегося прямо на нас. С каждым нашим шагом гора, казалось, росла, а мы, купаясь в лучах солнца, шли мимо молитвенных стен, которые свидетельствовали

о незабываемой вере заскарицев даже здесь. Справа от горы-обелиска вздымались покрытые снегами вершины. Где-то между ними лежала наша цель — перевал Шинго-Ла.

Я едва дышал, когда мы подошли к первым домам Кургиякха. Крепкий краснолицый крестьянин предложил переночевать у него в доме. Я двинулся вслед за ним, прошел через низкую дверь и попал в темный туннель, который петлял и выходил в узкий коридор, соединявший конюшню и козий хлев. Наконец мы проникли в комнату, вырытую, как и хлев, в земле. В Кургиякхе слишком холодно, чтобы позволить себе роскошь иметь летнюю комнату. Семья весь год «ночует» в «норе», обогреваемой теплом животных. Комната освещалась через крохотное отверстие. В этом погребе жителям приходится проводить десять долгих месяцев в году!

Поскольку комната выглядела мрачно, а коридор-лабиринт не позволял внести багаж в дом, я отклонил предложение хозяина. После долгих переговоров с остальными жителями деревни нам разрешили остановиться в общественном здании с двумя чистенькими комнатками, одна из которых послужила нам кухней.

В тот вечер, как уже случалось не раз, обстоятельства оказались сильнее меня: я хотел улечься и дать отдых ногам, а вместо этого отправился в монастырь, лежащий высоко над деревней. Я иногда шутя говорил, что все монастыри и крепости специально построены в труднодоступных местах, дабы служить наказанием за мою лубознательность. Среди дня я вскарабкался к монастырю Транзе, а теперь, на закате, задыхаясь от нехватки кислорода, лез по крутой тропе в сопровождении двух крестьян, чтобы осмотреть их кумирню, наверное, одно из самых высокогорных святилищ в мире. Если я говорю об этих высотных рекордах, то лишь затем, чтобы придать больше значимости моим восхождениям, ведь я был на последнем издыхании и мог по праву наслаждаться отдыхом в своем спальном мешке.

Кумирня оказалась неинтересной — фрески не раз подмалевывались, а статую изготовили, по-видимому, недавно. Но даже здесь, на «крыше мира», человек во весь голос заявлял о священных традициях, о всем том, что делает его человеком, — вере в гуманизм, добро, добродетели и мудрость. Пусть деревня Кургиякх была бедна и примитивна, ее жители потратили немало трудов на возведение святилища для молитв и созерцания.

По возвращении в деревню я увидел, что большинство ее жителей пришли поглазеть на наш лагерь. Перед моим спальным мешком сидели девушки. Позади них стояли мужчины в почти тельной позе — им не терпелось увидеть человека из другого мира. Более других заскарицев они знали о своей изолированности от других и выше ценили возможность встречи с чужеземцем. Мне поднесли цветы и угостили чангом, затем девушки принялись петь. Этот прощальный вечер прошел в дружеской обстановке, и, чтобы сделать его еще более праздничным, я зажег свою последнюю свечу. Меня тоже попросили спеть, и я во весь

голос затянул легкомысленную песенку «Рядом с моей белокурой...», тем более что вокруг меня толпились девушки с волосами цвета воронова крыла. После этого начался танец. Слушая царапанье тяжелых сапог о землю и мелодичные голоса девушек, я думал о бесконечных годах борьбы и тяжелой работы многих поколений, которая позволила этим людям устроить свою жизнь на этой заоблачной высоте. Я думал о тысячах рождений и смертей, об испытаниях, о скитаниях эмигрантов, покинувших пустынные равнины ради долин, долины — ради холмов, и так до тех пор пока они не обосновались в Кургиякхе, в преддверии неба, чуть ли не выше всех в мире. Кургиякх стал последним этапом долгого пути, завершением вековой борьбы разума человека со слепыми и тайными силами природы. Человек победил все — и холод, и нехватку топлива, и отсутствие дерева и воды, и клыки волков, и когти барсов. Ценой невероятных усилий люди построили здесь свои дома, в которых по окончании рабочего дня могли встретиться с себе подобными и осознать свое братство. Когда наступает ночь, остается лишь возможность петь, любить друг друга, читать молитвы и ощущать себя частицей всего живого мира, путешествующего в вечности.

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ПЕРЕВАЛ ШИНГО-ЛА

Утром, покинув деревню, я несколько раз оборачивался назад. Я прощался с Кургиякхом, а одновременно со страной, с которой расставался, вероятно, навсегда. В Заскаре осуществилась моя, казалось, несбыточная мечта. Мне еще раз посчастливилось отыскать забытый край, где остановилось время, словно застыв от холода.

Теперь меня ждала борьба с природой, которая подвергала испытанию на прочность братство и дружбу, связывающие Лобсанга, Нордрупа и меня. Мы готовились к схватке с Шинго-Ла и опасностям трудной тропы, ведущей через Главный Гималайский хребет.

Я обрел прекрасную физическую форму; мои ноги свыклись с постоянными нагрузками и забыли об усталости — ведь я прошел пешком все долины этого края. Меня снова охватило приподнятое настроение. Мы бодрым шагом шли к сказочным скалистым отрогам, вздымавшимся в конце долины. Высоченные вершины, которые мы раньше видели издали, были на расстоянии вытянутой руки. Нас окружал странный мир скал, вечных льдов и снегов, мы были в зоне, куда не решались забираться даже растения и животные.

К полудню вышли к подножию скального пика, которое было верхней границей растительности. Мы нашли несколько кустиков дикого зеленого горошка, который я с удовольствием отведал. Затем, прислушиваясь к забытому посвисту сурков, углубились в лабиринт громадных скал. Позади одной из них рос прощальный подарок Заскара — голубой мак. Держа его в руке и проклиная холод, я перешел вброд ледяные воды потока, который брал начало в леднике. Там мы остановились, чтобы приготовить чай и позавтракать. Затем продолжили медленное восхождение. Увидев неподалеку от чхортена каменную хижину, решили переночевать.

Прижавшись друг к другу перед дымным костерком из кизяка, мы долго беседовали перед сном.

— Надо выйти очень рано, — говорил Нордруп. — Будет плохо, если солнце растопит снег, когда мы окажемся на перевале. Больше всего меня беспокоит река по ту сторону гор. В Кургиякхе подтвердили, что снежный мост обвалился. Значит, ее придется переходить вброд. А это большая река.

Несмотря на сильнейший мороз (мы были на высоте четырех тысяч шестисот метров над уровнем моря), Лобсанг с Нордрупом решили спать на открытом воздухе из-за волков — их вой будет лучше слышен, если им вдруг вздумается напасть на наших ло-

шадей. Этой ночью я спал очень плохо. Меня мучила мысль, что друзья остались на улице. Кроме того, тревожили думы о предстоящем тяжелом переходе через ледники.

Мы встали с зарей. Глянул на небо. Над перевалом висела свинцово-черная туча. Лобсанг отправился за лошадьми. Он быстро взобрался на крутой холм, увенчанный чахлыми кустиками травы. Через полчаса Лобсанг вернулся в явном беспokoйстве: пропали лошади. Они с Нордрупом разошлись в разные стороны в поисках их следов. Время от времени один из них появлялся вдали на одном из холмов. Они оставались в контакте и перекрикивались, как наши горцы. А ведь мы решили свернуть лагерь ранним утром! Только в девять часов, после трехчасовых поисков, они обнаружили пони, укpывшихся в пещере высоко в горах.

Мы навьючили на четырех лошадок значительно полегчавший багаж и медленно двинулись вперед по обледеневшим камням ледника, обходя завалы от недавних лавин. Тропа исчезла. Из-за снегопадов не осталось никаких следов предыдущих переходов. Сколько людей переходило перевал каждый год? Дюжина, а может, и менее того? Ведь из Заскара можно было выйти и через другой перевал — Пхилтсе.

Мы поднялись на высоту около пяти тысяч метров, и дышать становилось все труднее. Поднимая глаза к небу, я различал наполовину скрытый тучами перевал. Вскоре тучи окутали нас серым саваном. Пошел снег. Мы переставляли ноги, часто дыша, наши сердца стучали в груди, как барабаны. А ведь надо еще подбадривать пони, которым дорога тоже давалась нелегко. Мы их перевели по одному через первый заснеженный склон. Дальше тянулся ряд крупных морен, покрывавших ледник, толщину которого можно было оценить по глубоким разломам голубоватого льда. Лобсанг шел впереди каравана, умело лавируя среди трещин. После медленного и нескончаемого карабканья вверх мы снова вышли на снежное поле, терявшееся в скрытой туманом бесконечной дали.

У лошадей появились признаки крайнего утомления. Они часто останавливались, быстро-быстро дышали, словно собаки, склонив морды к земле. Они много прошли за последние шесть дней, а ели мало. Время от времени одна из них сбивалась с ритма и начинала скользить назад. К счастью, природа научила их не противиться и не делать лишних движений до полной остановки.

Нам встретилась более широкая, чем другие, расщелина, по дну ее меж двух ледяных стен несся водный поток. Мы долго искали более узкое место, чтобы перепрыгнуть трещину: один неверный шаг — и неминуемая смерть в ледяной воде. Пересекли еще несколько снежных полей. Туман на короткое время рассеялся, и я увидел меж облаков вершины. Они были почти рядом, эти таинственные и устрашающие горы с их шапками девственно белого снега и редкими черными проплешинами. Нас окружал ледяной ад, уши закладывало от странной звенящей тишины, и

мне казалось сквозь туманную дымку, что земля ползет, образуя горы прямо на наших глазах. В неземном одиночестве, в окружавшем нас безлюдье я лучше, чем когда-либо, ощущал теснейшие узы дружбы, объединявшей нашу троицу.

Мы останавливались все чаще, чтобы перевести дыхание. К счастью, склон постепенно становился более пологим. Несколькое сот метров шло по ровной местности, устланной снегом, и вдруг Нордруп воскликнул: «Слава богам!» Этот крик странным эхом растекся в тумане, и вдали послышался рев лавины. Мы вышли на самую высокую точку перевала — пять тысяч двести метров. Здесь окутанная туманом торчала в снегу большая ветка, увешанная потрепанными молитвенными флажками. Ветку воткнули в кучу камней, сложенную благочестивыми странниками, которые, как и мы, выстрадали перевал Шинго-Ла и таким способом благодарили богов за благополучный финал. Мы достигли южных врат Заскара — одного из высочайших перевалов в Гималаях.

Ради этого события решили перекусить у каменного холмика. Из плетеных ивовых корзиночек достали яства: цзамбу и галеты. Я был счастлив, что страшный перевал остался позади, и с глупой ухмылкой на лице произнес: «Теперь осталось лишь спуститься». Я не подозревал о трудных преградах и опасных сюрпризах, ожидающих нас на пути вниз.

— Название перевала, — разъяснил Нордруп, — происходит от слова «шинг-курр» (носильщик дров). Это значит, что, если хочешь пройти через перевал, бери с собой дрова, ибо местность дальше лишена какой бы то ни было растительности, пригодной на топливо.

Пока отдыхали после завтрака, легкий ветерок разогнал туман. И только тогда мы увидели, что стоим на краю пропасти, которая резко обрывалась к ледяному озеру, где скапливались лавины со всех окружающих гор. Исчезли облака, яркое солнце ударило по рваным цепям гор, которые мы только что пересекли. Вид на юг был закрыт тяжелыми муссонными тучами, висящими над Гималаями.

С сожалением расставаясь с красотами Шинго-Ла, мы приступили к опасному спуску. Тропы по-прежнему не было. Мы поднимались и спускались по хаотической поверхности ледника, перерезанного множеством опасных трещин, которые, однако, совсем не пугали Лобсанга и Нордрупа. Ледник был частично покрыт снегом, но чаще всего в стороне от места схода лавин под ногами попадались куски сланца, трещавшего под нашими каблуками. Из-за скольжения наше продвижение было трудным и опасным, особенно когда ледник падал почти отвесно. Лошади скользили, били копытами по скалам, съезжая вниз на зад. Мы могли подбадривать их только криками. Груз стал соскальзывать, и пришлось его дополнительно крепить. Это было нелегко, поскольку пальцы без перчаток сильно мерзли. Двигаясь по склону, наткнулись на следы крови на камнях, шагая по ним, до-

брались до самого маленького из наших пони — серой кобылки. Упав, она глубоко рассекла сухожилие у самого копыта. Благо у меня была аптечка, и мы тотчас перевязали ее. К счастью, лошадка не хромала и продолжала путь вниз вместе с остальными.

Достигнув дна этого ледника, мы вскарабкались затем на другой, окруженный хаотическим нагромождением скал и снежных блоков. Когда лезешь в гору, мечтаешь о спуске, но теперь я понимал, насколько спуск труднее подъема! С каждым шагом вниз надо с усилием напрягать свое тело, чтобы удержаться. Здесь очень важно иметь крепкую альпинистскую обувь. С самого начала путешествия на мне были специальные ботинки, но они уже начали рваться. Подметки, когда-то имевшие четкий глубокий рисунок, стали гладкими и просили каши, швы трещали; а ведь я купил совсем новенькую обувь в Каргиле. Правда, после монастыря Рингдом я прошел пешком шестьсот километров, а путь был усеян острыми скалами.

Второй ледник перешел в цепь скалистых останцов. Наконец мы ступали по твердой земле. Наша тропа тянулась вдоль скалистого склона очень узкой долины, окруженной со всех сторон заснеженными пиками. Эта долина, по словам Нордрупа, относилась к Заскару, которому принадлежали «обе стороны горы». Заскарская территория кончалась в конце долины, где она доходит до большой реки. На ее берегу мы и собирались заночевать.

На карнизе, над яростным водным потоком, который вытекал с ледника, мы заметили две современные палатки. Несколько индийцев в хаки вышли из них при нашем приближении. Это были инженеры географической службы Индии. Один из них сказал, что им поручено составить географическую карту Заскара и изучить ее геологическое строение. Ирония судьбы заключалась в том, что из-за долгой изоляции Заскара от внешнего мира эта территория до сих пор не привлекала внимания геологов, в то время как уже изучены образцы пород Марса!

Вскоре мы дошли до места, где сошедшие с гор лавины заполнили все дно долины, а водный поток пробился через снег. Это был первый этап образования снежного моста. Эти мосты образовывались после схода нескольких снежных лавин по одним и тем же ложам. Масса снега, перекрывавшего долину, была так велика, что он не успевал растаять за короткое лето.

Уже наступал вечер, а мы, до предела вымотанные, все еще не выбрались из этой долины. Пошел дождь, и ледяная вода, смешиваясь с горячим потом, потекла по шее и спине. Эта адская смесь, я был уверен в этом, вызовет воспаление легких и приведет к смерти задолго до того, как мы доберемся до цели. Но какова была эта цель? Часть моей души осталась в Заскаре, а другая тащилась по этой долине. Но началось медленное пробуждение моего второго «я» — усилилась тоска по семье, детям, по вкусной пище, хорошему вину, доброй ванне... Искушений было

столько, что я начал забывать свое гордое «я», заскарского бродягу, выступившего и актером и зрителем одновременно в этой необычной средневековой мистерии; моя вторая жизнь отступала на задний план. Мир луков и стрел, князей и слуг, пони и ослов, мостов из плетеных веток, дворцов и глиняных домов, подвешенных над обрывами монастырей, свирепых изваяний богов в кумирнях, диких баранов и волков, песен и смеха, благословений, гонгов, колокольчиков и бьющихся на ветру молитвенных флажков. Мир с двенадцатидневными праздниками, во время которых льются реки чанга для всех, кто любит от души повеселиться.

Такие мысли теснились у меня в голове; мою душу раздирали ностальгия о прошлом и предчувствие будущего, усталость и радость существования... Наконец мы достигли «сумдо», трех камней, обозначающих границу Заскара, точку встречи бурной реки, вдоль которой шли от самого ледника, с громадной ревущей рекой, вытекавшей из широкой долины, охраняемой величественными часовыми — каменными скалами.

— Смотрите! Он обвалился! — вскрикнул Нордруп, указав рукой налево.

Вначале я ничего не заметил. Потом понял, что там, где оба берега соединились снежным мостом, остались лишь жалкие ледяные обломки. Нордруп и Лобсанг были правы, когда выступали против предложенного мной маршрута: снежный мост обвалился!

Оставалось перейти реку вброд или вернуться в Кургиякх. Ни то ни другое решение нас не устраивало. Под непрекращающимся дождем мы быстро разгрузили животных и поставили палатку. Я предложил Лобсангу и Нордрупу спать в укрытии вместе со мной, но они отказались. Они предпочитали провести ночь под открытым небом. Похоже, им не мешали ни дождь, ни снег, ни мороз. Они выбрали клочок земли посуше у стены каких-то руин, соорудили из седел стенку от ветра и натянули над местом ночлега одеяло.

Слишком измотанные, чтобы отправиться на поиски травы, пони бродили вокруг нас, часто дыша и набираясь сил. Немного оправившись от усталости, я начал сознавать тяжесть сложившейся ситуации. Было шесть часов вечера. Дождь не прекращался. Перейти ту или другую реку вброд не представлялось возможным. Конечно, ночные заморозки на леднике сократят количество поступающей воды, да и дождь мог прекратиться. Но будет ли этого достаточно?

Мы бездумно смотрели на илстую воду, которая с ревом билась о скалы, лежавшие в русле обеих рек. Даже если воды станет намного меньше, опасность при переправе вброд будет велика.

— Может быть, вернуться к последнему снежному мосту и переправиться там? — робко спросил я.

— Бесполезно, — ответил Лобсанг. — Там такой обрыв, что нам с него не спуститься.

— Здесь я когда-то потерял двух мулов,— вступил в разговор Нордруп.— Они споткнулись, и их унесло, словно куски дерева.

В эту ночь я спал плохо. Рев реки постоянно напоминал о трудностях переправы. До сих пор я не отдавал себе отчета в том, как много значит мост, впервые природа преграждала мне путь с такой решительностью. Неужели я проиграл? Я не допускал мысли о возврате через перевал и чувствовал себя подавленным, словно на мои плечи обрушилась вся усталость, накопившаяся за целый месяц странствий. Месяц в высокогорье, в местах, лежащих выше трех тысяч семисот метров, потребовал таких усилий, что пребывание в Заскаре, казалось, растянулось на год. Хорошо еще, что созерцание бесконечно меняющейся величественной панорамы природы несколько скрашивало мои будни.

На следующий день я встал рано, как только посерел полог палатки. Не теряя времени на шнуровку ботинок, скользя на пятках, спустился к речке. Сердце захолонуло. Вода не спала и редела, как и вчера, пенясь и ударяясь о скалы.

Я направился к месту ночлега Нордрупа с Лобсангом и взглянул под полог — они молились. Неужели и они боялись?

— Конечно! — с улыбкой ответил на мой вопрос Нордруп.

Ведь в конечном счете я переложил на них всю ответственность за исход путешествия. Подбором мест для стоянки, питанием и другими делами всецело занимались Нордруп и Лобсанг. Они взяли меня полностью под свою опеку, с умением провели по трудным тропам страны, ввели в дома соплеменников, раскрывая передо мной глубины души своего народа.

Мы отправились к реке. Лобсанг внимательно осмотрел четыре подхода, объясняя, как можно добраться до той или иной скалы, пересекая в том или ином направлении течение. Он бросал в воду камешки и прислушивался к едва слышному звуку «клик». Непривычное ухо не могло различить, на какой глубине камешек ударялся о дно, а он таким образом «прощупывал» поток и точно определял глубокие и мелкие места.

Мы с Нордрупом внимательно наблюдали за ним, зная, что речь идет о нашей жизни. Упасть или споткнуться означало либо насмерть разбиться о скалы, либо погибнуть от холода. В конце концов Лобсанг вынес решение: здесь перейти нельзя.

— А в другом месте? — спросил я, ужасаясь перспективе возвращения через Шинго-Ла.

Мы отошли метров на двести от лагеря. Ширина бурной реки достигала двадцати метров, но кое-где торчали скалистые островки... Может быть, можно перейти вброд, перепрыгивая от одного островка к другому? Лобсанг снова принялся кидать в воду камешки. Я восхищался его спокойствием и уверенностью в себе.

Вдруг он обернулся ко мне и спросил, не могу ли я дать ему трусики. Я удивился, но сбегал за ними. В мгновение ока он скинул свое красное платье и натянул трусики, оставив рубашку. Затем Лобсанг вошел в воду и направился к первому каменисто-

му островку. Вода дошла до середины икр, затем до колен. Он встал на скалу и вновь начал зондировать реку. Но вскоре вернулся.

— Слишком глубоко. Здесь проходит канал, и нас наверняка унесет течением.

Лобсанг прошел вверх по реке до места, где торчал всего один островок, и повторил все сначала.

— Нормально, здесь можно попробовать. Думаю, все будет хорошо.

По мнению Лобсанга, воды достигнут наивысшего уровня к десяти часам. У нас хватало времени вернуться за лошадьми и навьючить их. Пони сгрудились на узеньком карнизе высоко над рекой. Они слишком устали, чтобы отправиться на поиски пастбища. Взнуздав и навьючив их, мы вернулись к выбранному Лобсангом месту.

Нордруп снял одежду. Он и Лобсанг подвязались по талии полосой ткани, чтобы поддерживать полы рубашек. Затем, перекрестив руки, они схватили друг друга за пояс. Нордруп взял за узду самого крепкого пони, и вся троица бросилась в реку.

Лошади — отличные пловцы, они способны пересечь самые быстрые водные потоки. Стоя на берегу, я наблюдал за их переправой. Два человека и одно животное — странное трехголовое и восьмилпое существо неуклонно продвигалось вперед. Держа остальных трех лошадей, которые рвались за вожакom, я смотрел, как Лобсанг и Нордруп без особых трудностей добрались до центрального островка. Затем двинулись через темную пенящуюся воду основного русла. Вода быстро поднялась до талии. Судя по наклону их тел навстречу течению, они боролись с чудовищным напором. Я переживал за них, зная, что в ледяной воде их тела промерзают до костей. Пони шел чуть ниже по течению и служил как бы барьером, перед которым уровень воды был выше, так что Лобсанг и Нордруп, шедшие выше по течению, вскоре углубились по грудь. Каждый шаг требовал предвостительного прощупывания дна. Малейшее углубление могло оказаться роковым. Наконец дно стало подниматься. Пони одним прыжком выскочил на берег, за ним последовали Лобсанг и Нордруп.

Мои друзья, чтобы согреться, как безумные, носились по берегу, издавая дикие вопли. Минут пять они энергично двигали руками, ногами, потом, не теряя времени, развьючили крепкого буланого жеребца. Нордруп и Лобсанг схватили его за узду и пошли в обратную сторону. Убедившись, что русло реки не скрывало ловушек, они смело перешли обратно на центральный островок и вскоре оказались рядом со мной.

Нордруп и Лобсанг дрожали и посинели от холода. Я хлопал их по спине, не зная толком, как выразить свое восхищение... Они не стали терять время на согревание. Я уселся на жеребца, который только что совершил двойной переход. Нордруп взял под

узды маленькую серую кобылку, а Лобсанг — одного из черных пони; другому предстояло перебираться через реку самому.

Судорожно вцепившись в седло, я горячо молил бога, чтобы моя лошадь не поскользнулась. Если она не удержится на ногах, мне придет конец. Мы легко добрались до островка и ринулись в главный рукав реки. Сначала мои ботинки, потом икры погрузились в воду. И как я ни старался прижимать колени к груди, ледяная вода поднималась все выше по моим ногам. Жеребец ступал с осторожностью. Иногда на самых глубоких местах его ноги скользили, и я чувствовал, как он борется с чудовищным напором сбоку. Черный пони, шедший самостоятельно, был впереди. Я увидел, что он споткнулся и течение подхватило его. Плывая и колотя ногами, он зацепился за дно и в три прыжка выбрался на сушу. За ним последовала моя лошадь, и все мы, живые и невредимые, оказались на другом берегу. Итак, с этой минуты я покинул территорию Заскара.

Было почти одиннадцать часов. Нам предстоял утомительный поход, ибо мы находились на диком берегу — нахоженная тропа проходила по противоположному берегу. Нордруп разогревал ноги около получаса. Затем мы решительно двинулись вперед, обходя огромные скалы, лежащие у подножия гор. Рядом с нами ревел безмянный поток, который мы только что перешли вброд. Мы направлялись к реке Бхага, одному из основных притоков реки Чинаб, которая течет с южных склонов Гималаев к равнинам Индии. В километре от брода у одного из моих ботинок подошва напрочь отделилась от верха. И это случилось в двадцати километрах от цели! Я надел тенниски и продолжил спуск по долине.

Вскоре нам встретились три первых дерева — три березы, впервые увиденные мной с того момента, как я покинул Сринагар и пересек перевал Дзожи-Ла. Их вид до того умилил меня, что я сделал целых семь фотографий «рощи», нам она казалась настоящим лесом.

К вечеру, не увидев ни одного дома и не встретив ни единой живой души, мы наткнулись на ревущий поток, каскадами сбегавший со скал и впадавший в реку, вдоль которой мы шли. Через него был переброшен хлипкий мостик из пары тоненьких досточек. К моему великому удивлению, Лобсанг и Нордруп принялись развешивать лошадей. Я уже был на другом берегу и подумал, что мы будем ночевать здесь.

Пока я пытался понять, что происходит, Лобсанг перекинул мне длинную веревку, сплетенную из волос яка, второй конец которой он привязал к самому маленькому из пони. Затем столкнул животное в пенящуюся воду и велел мне тянуть. Я напрягся, опасаясь, что веревка вот-вот лопнет. Пони, фыркая словно тюлень, то плывя, то цепляясь за дно, перебрался через реку. За ним последовали три остальных пони, продемонстрировав приспособленность лошадиной породы к водной среде...

Мы разбили наш последний лагерь на берегу, выбрав травянистую лужайку среди скал. Расположились вокруг большого костра, как делали каждый вечер. Дров было в избытке, я испек последний за наше путешествие хлебец, и мы отужинали в прекрасном расположении духа. Цель была близка — завтра выйдем на шоссе.

Конец подобных путешествий всегда сладок, но имеет привкус горечи. К удовлетворению от того, что ты живым и здоровым достиг желанной цели, примешивается печаль от потери ставшего привычным тебе мира. Доведется ли еще раз встретиться с Лобсангом и Нордрупом, Навангом Триле, братом Нордрупа, князем Зангла, со старой тетушкой Лобсанга, ламой Тхонде, князем Падама, монахами и настоятелями? Увижу ли я еще раз монастырь Карша, гордо высящийся на горном склоне, монастырь Бардун, похожий на башню, Пхуктал с его пещерой? Разве можно забыть всех этих людей, молящихся о том, чтобы дело их рук не было предано забвению, а пережило своих создателей, и о том, чтобы наши души радовались прохладному солнечному утру, дружбе и всем чудесам любви? Эта ночь означала для меня завершение путешествия. Мне посчастливилось открыть еще одну затерянную долину, укрывшуюся в Гималаях. Эта долина, где время остановилось, зовется Заскар. Может быть, легенда права, называя ее «страной, открытой богами»?

ЭПИЛОГ

Утром встали очень рано. Продолжив спуск по долине, миновали мост через реку, которую с таким трудом недавно перешли вброд. Этот мост из двух досок был переброшен на высоте тридцати метров через узкий каньон, на дне которого ревели воды реки.

Вскоре мы добрались до первых деревень Лахуля. Мы вступили на территорию, которая некогда была княжеством, где господствовала тибетская культура. Аннексированный англичанами и присоединенный ими к Индии, край давно растерял свои древние обычаи. В отличие от Заскара Лахуль покрыт богатой растительностью. Вначале мы встретили можжевельник, затем гигантские сосны. В полдень я разглядел вдали громадный мост из стали и бетона. Там проходило шоссе, которое через перевал Барадача ведет в Лех, центр Ладакха.

С этого моста начиналась цивилизация. К нам подошли четверо полицейских. Они сразу же заявили, что срок моей визы истек, и объявили, что я буду находиться под их надзором до того момента, пока они не препроводят меня в Къеланг, расположенный километрах в тридцати отсюда. С Лобсангом и Нордрупом они обращались грубо, хотя те предъявили законные документы. Чтобы задобрить их, в конце концов пришлось отдать некоторую сумму денег в обмен на всученные нам просроченные билеты лотереи. Полицейские вымогали деньги у всех прохожих, в основном у неграмотных пастухов Чамбы, которые гнали кюгу свои стада. Напуганные пастухи без звука платили деньги, получая взамен билеты все той же лотереи.

После первого контакта с цивилизацией состоялся второй — у палатки с грохотом остановился грузовик. Нордруп и Лобсанг отправились пристривать лошадей. Мы договорились, что по дороге я захвачу своих друзей и посажу в грузовик, который повезет меня в полицейский участок Къеланга. Но шофер не скрывал своего презрения к монахам-ламаистам и отказался брать их. Нордруп успел незамеченным вскочить в кузов, а Лобсангу я крикнул, чтобы он приехал утром на автобусе. Наше крохотное сообщество, проделавшее столь большое путешествие, на время распалось.

Районный комиссар продлил мне визу. Утром появился Лобсанг, и мы снова оказались вместе. В глазах окружающих наша тройца выглядела чужестранцами, которые говорят на тибетском языке и разинув рты взирают на «чудеса» современной цивилизации. Околачивающимся недалеко от нас шоферам и торговцам, вероятно, казалось, что мы прибыли из какой-то дикой страны.

Они не знали, что она — один из немногих уголков на Земле, где до второй половины XX века сохранилась своеобразная старинная культура, избежавшая западного влияния и ее напыщенных идеалов. Этот последний бастион в Гималаях, которому удалось сохранить во всей чистоте свою культурную и социальную систему, зовется Заскар. Сколько еще времени сможет Заскар оберегать свою уникальную культуру, традиции предков? На этот вопрос ответить трудно. Уже сейчас в Лахуле я видел школьников с монголоидными чертами лица, которые стояли в очереди за билетами в кинотеатр. А монастырь Кьеланга заметно опустел...

Лобсанг и Нордруп проводили меня до Манали в долине Кулу. Мы прибыли туда усталыми и запыленными. Утром, в пять часов, я сел в автобус, следующий в Дели. Друзья помогли мне погрузить багаж. Наше прощание было очень грустным.

Когда автобус тронулся, ко мне обернулся длинноволосый европеец и спросил, глядя на меня, как на невиданного зверя:

— Где вы провели отпуск?

— Я пересек Заскар, — ответил я по-тибетски.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
6	НА «КРАЮ СВЕТА»
13	ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ
21	БИРЮЗА И СОБАЧЬИ УШИ
	КРАСНЫЕ ШАПКИ,
	ЖЕЛТЫЕ ШАПКИ
32	И ГОЛУБЫЕ МАКИ
43	ЛУКИ, СТРЕЛЫ И ПИВО
52	МОСТ ИЗ ВЕТОК
	ЧЕРЕЗ ГОРЫ
69	НА АЭРОГЛИССЕРЕ
115	КНЯЗЬЯ ЗАНГЛА
126	ОСЛИК В ОПАСНОСТИ
138	СОВРЕМЕННЫЙ ЛАМА
144	ТЫСЯЧИ ПАЛОМНИКОВ
149	ПИПИТИНГ
160	ДОЛИНА ДЕМОНОВ
169	ПЕЩЕРА ПХУКТАЛ
	ВОСХОЖДЕНИЕ
179	НА ПЕРЕВАЛ ШИНГО-ЛА
ЭПИЛОГ	188

Пессель М.

П 28 Заскар. Забытое княжество на окраине Гималаев. Пер. с фр. с сокращ. А. М. Григорьева; Предисл. Т. Ф. Девяткиной.— М.: Мысль, 1985.— 190 с., карт., 8 л. ил.

1 р. 50 к.

Эта книга написана известным французским писателем и этнографом, посвятившим свою жизнь изучению самого высокогорного района мира — Гималаев. Автор рассказывает о пешем путешествии в малоизвестный район Северной Индии — бывшее княжество Заскар. Читатель узнает о величественной и суровой природе края, традициях, быте и культуре его немногочисленного населения, которое сумело выжить в, казалось бы, невыносимых для жизни экстремальных условиях высокогорья.

П $\frac{1905020000-132}{004(01)-85}$ 174-84

**ББК 26.89 (5 Ид)
91 (И5)**

Мишель Пессель

ЗАСКАР

Заведующий редакцией **В. А. Колосов**
Редактор **Д. Н. Костинский**
Младшие редакторы **Е. А. Варшавская, Н. Ю. Лерман**
Оформление художника **С. С. Верховского**
Художественный редактор **Е. М. Омеляновская**
Технический редактор **Е. А. Молодова**
Корректор **И. В. Равич-Щербо**

ИБ № 2481

Сдано в набор 02.02.84. Подписано в печать 15.10.84. Формат 60×90^{1/16}. Бумага тип. № 3. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. листов 13 с вкл. Усл. кр.-отг. 15,5, Учетно-изд. листов 14,37 с вкл. Тираж 70 000 экз. Заказ № 2670. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Мысль». 117071, Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
113054, Москва, Валовая, 28

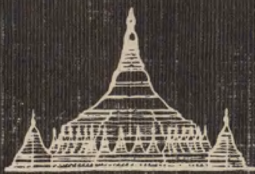
Селение Пхуктал-Гомпа,
как и многие деревни
Заскара,

расположено рядом
с монастырем
(гомпой)

Мишель Пессель со своими
ближайшими друзьями
и помощниками по путеше-
ствию в Заскар — Норд-
рупом и Лобсангом.
Эти два молодых монаха,
отличающиеся

бесстрашием, ловкостью и
завидным оптимизмом, обеспе-
чили успешное проведение
очень трудной экспедиции
в неисследованный
суровый горный
край

